

Владлен Терентьевич Логинов
Владимир Ленин. На грани возможного
Серия «За Родину! За Победу!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18125257
Владимир Ленин. На грани возможного/ Логинов В.Т.: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0544-3

Аннотация

В 1917 году Россия находилась на краю пропасти: людские потери в Первой мировой войне достигли трех миллионов человек убитыми, экономика находилась в состоянии глубокого кризиса, государственный долг составлял миллиарды рублей. Россия стремительно погружалась в хаос и анархию. В этот момент к власти пришел Владимир Ленин, которому предстояло решить невероятную по сложности задачу: спасти страну от неизбежной, казалось бы, гибели...

Кто был этот человек? Каким был его путь к власти? Какие цели он ставил перед собой? На этот счет есть множество мнений. Владлен Логинов, крупнейший российский исследователь биографии Ленина, избегает поспешных выводов. Портрет В. И. Ленина, который он рисует, портрет жесткого прагматика и волевого руководителя, – суров, но реалистичен. Факты и только факты легли в основу этой книги.

Содержание

Глава 1	4
«Я люблю свою профессию...»	4
«Штурм приближается!»	18
«План Мартова»	32
«Пломбированный вагон»	47
Глава 2	60
«Мои личные тезисы...»	60
«Против течения»	78
«То, что мы спорим, – очень ценно»	98
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Владлен Логинов

Владимир Ленин. На грани возможного

Глава 1

Возвращение

«Я люблю свою профессию...»

В 1902 году, когда Ленин и Крупская жили в Лондоне, они нередко заходили в тамошний зоопарк и, как рассказывала Надежда Константиновна, подолгу простаивали перед клеткой белого волка. Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, объяснил нам сторож. Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке – и день и ночь бьется о железные прутья решетки. Этого русского волка Крупская и вспомнила спустя 15 лет, зимой 1916/17 года, в Цюрихе...¹

«В половине февраля [1916 года], – пишет Крупская, – Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе...

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку. Объяснялось это тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел»².

Жилье сняли у семьи социал-демократа сапожника Каммерера в старом – чуть ли не XVI века – мрачном доме. Комната была длинной, неудобной, с окном, выходившим во двор. А так как в подвале работала еще и колбасная фабричка, то со двора воняло тухлятиной и форточку открывали только ночью. «Можно было, – пишет Надежда Константиновна, – за те же деньги получить лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами...

Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной – жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой – какой-то итальянец, в третьей – австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой – мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло...»³

Первые пару месяцев продолжали ходить к фрау Прелог обедать. После смерти в марте 1915 года Елизаветы Васильевны – матери Надежды Константиновны, они питались в Берне в дешевой (65 сантимов за обед) студенческой столовой. И после такой кухни еда венской поварихи очень нравилась. Публика, столовавшаяся у нее, была довольно пестрой. Тут была и больничная сиделка, и проститутка, и какие-то явно уголовные типы. «Очень скоро мы почувствовали, – пишет Крупская, – что попали... в самое что ни на есть цюрихское “дно”... Нас никто не стеснялся и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля». Но было оче-

¹ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 118.

² Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 420.

³ Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 421.

видно, что тут «легко можно влипнуть в какую-нибудь дикую историю»⁴, а для эмигрантов это было вдвойне небезопасно.

Поэтому от услуг фрау Прелог пришлось отказаться. Тем более что новая хозяйка, фрау Каммерер, умудрилась научить Надежду Константиновну тому, чему за все годы эмиграции не смогла обучить ее мать: как быстро, дешево и сытно готовить обед и ужин. «Однажды, – рассказывает Крупская, – во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: “Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!” После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату»⁵.

Иногда ходили в гости. В Берне, где рядом жили Зиновьевы, Арманд, Шкловские, это случалось чаще. Особенно привязался Владимир Ильич к Стёпке – сыну Зиновьевых. И в июне 1916 года, уже из Цюриха, Ленин писал: «...привет Стёпке, который, должно быть, так уже вырос, что к потолку подбросить я его не смогу!»⁶. Ну, а в Цюрихе заходили к Харитоновым, дочке которых в феврале 1917 года исполнилось лишь два годика.

В этот день – воскресенье 11 февраля (29 января) – Владимир Ильич и Надежда Константиновна заходя пошли покупать подарок. «В магазине игрушек, – рассказывал потом сам Ленин, – у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. “Купим вон ту красивую куклу”, – говорит Надя. “Нет, не пойдет, – отвечаю я, – не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее”. Продавец все подавал нам игрушки: тут были и зайцы, и кролики, и котята, и мячи и т. д. “Нет, – говорю, – все не то”. Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. “Вот, – говорю я Наде, – эту собачку мы и возьмем!”.

– Ну, какова? Нравится? – Владимир Ильич, вспоминает уже сама Харитонова, при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любясь ею сам, что мы все пришли в восторг»⁷.

В обычные дни распорядок дня был достаточно однообразным. С 9 часов – библиотека. С 12 до 1 часа, когда ее закрывали на обед, шли домой. К 1 часу вновь возвращались в читальный зал и сидели там до шести, до закрытия. По четвергам, когда библиотека после обеда не работала, уходили на гору – Цюрихберг. «Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов... и мы шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал».

В общем, работал Владимир Ильич много. Здесь, в Цюрихе, он написал для очередных номеров «Социал-Демократа» и «Сборника “Социал-Демократа”» множество статей. Среди них – «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Империализм и раскол социал-демократии», «О “программе мира”», «О сепаратном мире» и др.

Огромное внимание уделял он регулярной переписке с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским и Московским комитетами, ссыльными большевиками в Сибири. Организовывал транспорт нелегальной литературы из-за границы в Россию. Поддерживал связь с лидерами интернационалистов европейских стран. Руководил деятельностью Бюро «циммервальдской левой». В апреле 1916 года участвовал в работе международной социалистической конференции в горной деревушке Кинталь. Выступал на интернациональных митингах и собраниях. Ездил с рефератами...

⁴ Там же. С. 420, 421.

⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 117.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256.

⁷ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. С. 361, 362.

Список можно было бы многократно продолжить. Но это лишь перечень основных направлений его деятельности. А каждое из них слагалось из десятков больших и малых конкретных дел – важных и менее важных, интересных и скучных. От этих каждодневных дел, бесчисленных писем, встреч, разговоров и выступлений можно было заработать, по меньшей мере, головную боль. В 1914 году, в письме к Инессе Арманд, у Ленина как-то вырвалось: «Ох, эти “делишки” подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!» И далее, по-французски, добавил: «Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу»⁸.

Конечно, писалось это, как он сам выразился – в состоянии крайней усталости «и в дурном расположении духа». Такое состояние, как, например, у Зиновьева, могло бы принять хронический характер, если бы... Если бы не было у Владимира Ильича своеобразной «отдушины». Если бы его рабочий день в библиотеке зачастую не заканчивался «философскими чтениями»...

Впервые он увлекся такого рода литературой еще в ссылке. Многие труды Гегеля, Фейербаха, Канта и «неокантианцев» были проштудированы им еще тогда. Работа над «Материализмом и эмпириокритицизмом» в 1909 году стала как бы «вторым прочтением» философской классики. Теперь он шел по «третьему кругу». Причем, как и прежде, диапазон был достаточно велик: от Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля до Гегеля, Канта, Фейербаха, Маркса, Энгельса и современных европейских философов.

Ленин переводит на русский язык и конспектирует их труды, выписывая иногда целиком многие страницы текста. Но менее всего он походил на ортодоксального адепта, восторженно внимающего великим учителям. «Великие кажутся нам великими, – записывает он девиз газеты «Парижские Революции» (1789–1794), – лишь потому, что мы сами стоим на коленях»⁹.

Странички его записей часто разделены по вертикали пополам. Слева – конспект, справа – не только реплики, но и размышления, спор с только что прочитанным. Тут и критические заметки в адрес Маркса и Энгельса¹⁰. И несогласие с теми или иными идеями Гегеля, Канта. Иными словами, это своеобразные диалоги с величайшими мыслителями.

К классикам он относился с глубочайшим уважением, старался понять не только суть идей, но и логику их размышлений. «Метко!», «Очень хорошо», «Замечательно!», «Глубоко верно!», «Прелестно сказано!» – это реплики на полях в адрес *материалиста* Фейербаха. «Гениальна основная идея», «Очень глубокая и верная мысль», «Остроумно и умно!», «Замечательно!» – а это об *идеалисте* Гегеле¹¹.

Центральное место в «философских тетрадях» занимает главное сочинение Гегеля «Наука логики». Ленин штудировал все три ее составные части – «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии», в которых анализируются законы, категории, элементы диалектики. И тут пометки его не всегда комплиментарны. Есть, в частности, среди них фраза, мимо которой не проходит ни один околофилософский «ленинород». В «Лекциях по истории философии» Гегель подвергает разностной критике древнегреческого материалиста и атеиста Эпикура. Выхватив у него фразу о том, что душа есть лишь «известное собрание атомов», Гегель, походя, ядовито замечает, что вся теория познания Эпикура – «скудна», а то, что он пишет об этом – «пустые слова».

В ответ на это Ленин пишет: Эпикур размышлял о тайнах мироздания за 2 тысячи лет до Гегеля. И многие его мысли «это гениальные догадки», определившие позднее «пути

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 285.

⁹ Там же. Т. 29. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 23, 33.

¹¹ Там же. С. 59, 60, 63; 81, 98, 131, 237.

науке». По существу «Гегель обошел теорию познания Эпикура и заговорил о другом, чего Эпикур здесь не касается... Все будет [скудно], если исказить и обокрасть... Гегель просто ругает Эпикура». Это не что иное, как «клеветы на материализм».

И когда Гегель еще и еще раз в этой опубликованной работе пишет, что размышления Эпикура – «жалкие мысли», ибо нет в его картине мира места для бога, для «мудрости творца», Ленин срывается, как срывается болельщик, когда его любимый нападающий с десяти шагов бьет мимо ворот. И на полях конспекта, после нескольких десятков реплик – «Замечательно верно и глубоко», «Очень верно и важно», «Очень хорошо и образно», «Умно и остроумно» появляется запись: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!»¹². Это никогда не предназначалось для печати и было лишь сугубо личным эмоциональным выражением досады на великого и почитаемого философа, позволившего себе столь мелкое высокомерие.

Что же касается отношения к Гегелю, то в этих же пометках Владимир Ильич пишет: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Гегелевский идеализм «подошел вплотную к материализму, частью даже превратился в него»¹³.

Читая записи Владимира Ильича, лишний раз убеждаешься, что философия – это культура сомнения и созидания. Но и в том и в другом случае она антидогматична. Поэтому вывод Владимира Ильича парадоксален: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* – это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. “Противоречиво”, но факт!»

И совсем, казалось бы, крамольное для ортодоксального уха: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды... Различие идеального от реального тоже не безусловно»; «... мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его». Иными словами, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». А посему, пишет Ленин в другом месте, «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹⁴.

Знал бы он, что пройдет два десятка лет и все эти «гегелевские штучки» будут выведены официальными «теоретиками» за рамки – упрощенной для всеобщего понимания – марксистской философии в силу их «непонятности», а диалектика – важнейший инструмент познания действительности – частенько превратится в схоластику, в умение уйти от ответа и запутать самый простой вопрос.

Так что Владимир Ильич в свое время справедливо заметил: «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет противоречиями и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека первоначально кажется»¹⁵. Тогда, в 1916 году, Ленин записал: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса У века спустя!!»¹⁶

Гегель действительно сложен, и сам Владимир Ильич иногда помечает: «Темна вода!», «Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»¹⁷ Но, как говорится, «лучше с умным потерять, чем с дураком найти». Только глупый человек может испытывать дискомфорт от общения с интеллектуально превосходящим собеседни-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 263, 266, 267.

¹³ Там же. С. 248, 250.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 104, 131, 194, 195, 215.

¹⁵ Там же. Т. 47. С. 219.

¹⁶ Там же. Т. 29. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 104, 158.

ком. Наоборот, для человека умного такой разговор – и школа ума, и удовольствие. Такой диалог устанавливает, как выражался Достоевский, столь «высокий градус» мысли, столь высокую интеллектуальную планку, что этот уровень мышления неизбежно проявляется и при переходе от триад Гегеля или монад Лейбница к решению тех самых «дел» и «делишек», которое обязан брать на себя человек, избравший «профессию» лидера.

Среди многих фраз и афоризмов, выписанных Лениным, есть одна, принадлежавшая Аристотелю: «Лишь после того, как все необходимое было налицо... люди начали философствовать»¹⁸. Так что, несмотря на удовольствие, получаемое от общения с великими мыслителями, о хлебе насущном надо было думать ежедневно.

В первый год войны проблемы «финансов» не было. В апреле 1913 года у Елизаветы Васильевны Крупской умерла в Новочеркасске сестра – О. В. Тистрова, классная дама, скопившая за 30 лет педагогической деятельности 4 тысячи рублей. Эту сумму, вместе с серебряными ложками, иконами, она завещала Елизавете Васильевне. Денежную часть наследства перевели в один из банков Кракова, где жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Однако, с началом войны – как имущество подданных враждебной страны – эти деньги подлежали секвестру. Лишь с помощью ловкого венского маклера, взявшего за услуги половину, оставшиеся две тысячи удалось получить. На эти деньги, вспоминала Крупская, они и жили¹⁹.

Однако уже в конце 1915 года Надежда Константиновна пишет М. И. Ульяновой: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро... Надо думать о литературном заработке»²⁰.

Как раз в это время Владимир Ильич завершил работу над книжкой «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в США». В ней анализировались новейшие статистические данные, полученные им из Америки. В начале 1916 года работа была отправлена в Петроград А. М. Горькому для ее легального издания. Туда же послали и объемистую брошюру Крупской «Народное образование и демократия», в которой европейская школа критиковалась за «обезличивание ученика» и подавление его способности к самостоятельному мышлению.

Владимир Ильич принялся за продолжение своего исследования, за второй выпуск – о земледелии Германии и Австро-Венгрии. Но вскоре выяснилось, что эту работу следует отложить, ибо есть более реальный и срочный заказ.

В конце 1915 года Горький написал в Париж Михаилу Покровскому, что петроградское издательство «Парус» намерено выпустить серию брошюр «Европа до и во время войны». И Алексей Максимович предлагал большевикам-эмигрантам взять авторскую работу на себя. Предложение приняли: Покровский и Лозовский должны были писать о Франции, Ротштейн – об Англии, Луначарский – об Италии, Ларин – о Германии, Зиновьев – об Австро-Венгрии, Павлович – о внеевропейских странах. «Но сразу, – вспоминал М. Н. Покровский, – стал вопрос о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии: брошюре об империализме. И ясно было с первого же взгляда, что кроме Ленина некому ее писать»²¹.

Владимир Ильич согласился, ибо тема была для него не новой. Еще в шушенской ссылке он штудировал новейшую литературу об эволюции современного капитализма. Писал об этом статьи. В 1904 году переводил книгу Д. А. Гобсона «Империализм». А оказавшись вновь в Швейцарии, приступил к изучению данного круга проблем в бернских, а

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 82.

¹⁹ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 396.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 454.

²¹ Покровский М. Н. Октябрьская революция. Сб. статей. 1917–1927. М., 1929. С. 67.

затем цюрихских библиотеках. Поэтому уже 11 января 1916 года Ленин написал Горькому: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме»²².

Объем работы, проделанной им, трудно учесть – среди новейшей литературы было множество дилетантского хлама, который отбрасывался сразу. Но в 20 «Тетрадах по империализму» содержались выписки: из 148 книг (в том числе 106 на немецком языке, 23 – на французском, 17 – на английском и 2 в русских переводах); из 232 статей (206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских, 8 английских)²³.

В июне 1916 года работа «Империализм, как новейший этап капитализма» была завершена. Пожалуй, главная трудность заключалась в том, чтобы уложить собранный материал в рамки пятилистной книжки, сохраняя при этом легальность и популярность жанра. И когда издатели, вопреки прежней договоренности, потребовали – по примеру других брошюр – сократить объем работы до трех листов, Владимир Ильич отказался. «Весь материал, план и большая часть работы, – пишет он Покровскому, – были уже окончены по заказанному плану на 5 листов (200 страничек рукописных), так что сжать еще раз до 3-х листов было абсолютно невозможно... Подзаголовок “Популярный очерк” безусловно необходим, ибо ряд важных материй изложен применительно к такому характеру работы... Из всех сил применялся к “строгостям” [цензуре]: трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!»²⁴

2 июля он посылает рукопись заказной бандеролью Покровскому во Францию. И как раз именно в это время болезнь Крупской, ее, как она выражалась, «базедка», вновь обострилась и надо было немедленно ехать в горы. Буквально через несколько дней они отправились в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха, и поселились километрах в восьми от станции Флумс, в доме отдыха Чудивизе, совсем близко к снежным вершинам.

«Дом отдыха, – вспоминала Надежда Константиновна, – был самый дешевый, 2½ франка в день с человека... Утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед – молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером еще что-нибудь молочное. Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве.

Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок»²⁵.

Они много гуляли по горным тропам. Владимир Ильич обговаривал свои статьи, а потом садился и записывал их. Самочувствие Надежды Константиновны значительно улучшилось, и они уже думали о возвращении в Цюрих²⁶. Но пришло печальное известие...

25 (12) июля 1916 года, на даче в Больших Юкках, близ финской границы, на руках у Анны и Марии, на 82-м году жизни скончалась мать – Мария Александровна Ульянова. Тело ее перевезли в Петроград и похоронили рядом с могилой дочери Ольги. Гроб несли Марк Елизаров и Владимир Бонч-Бруевич. Владимир Ильич наверняка вспомнил, как за четверть

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 170.

²³ Там же. Т. 28. С. VIII.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256, 259.

²⁵ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 426.

²⁶ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 189.

века до этого, 10 мая 1891 года, он шел за гробом Ольги, поддерживая под руку тихую, натянутую, как струна, мать. Они шли «молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека]... Когда идешь за покойником, – писал тогда Владимир Ильич, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления...»²⁷

Вот и теперь, получив известие о смерти матери, он не стал никому сообщать об этом. Ему не хотелось слушать ни слов сожаления, ни слов сочувствия. Владимир Ильич написал лишь два письма сестрам в Питер и «видно было, – вспоминала Анна Ильинична, – какая тяжелая это была для него утрата, как больно он ее переживал и сколько нежности проявил к нам, тоже подавленным этой кончиной»²⁸.

Психологи знают – наилучший выход из стрессового состояния дает работа. Поэтому в Цюрих решили пока не возвращаться, а остаться здесь – в Чудивизе. «В доме отдыха, – пишет Крупская, – где цена за содержание 2 % франка с человека, “порядочная” публика не селилась». А от швейцарских трудяг, с их сдержанностью и тактом, можно было не опасаться ни досужих расспросов, ни навязчивых собеседников.

И опять они бродили вдвоем по безлюдным горным тропам. И вновь он обговаривал свои статьи. Потом, вернувшись, садился к окну и убористым почерком записывал их. Дом был старый, деревянный, со скрипучими ступеньками. А под окном, по вечерам, «хозяйский сын играл на гармонии и отдыхающие плясали во всю. Часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих»²⁹. Но беспокоило совсем не это...

В августе Юрий Пятаков, которому в те дни исполнилось 26 лет, прислал статью «Пролетариат и “право наций на самоопределение...”». Владимир Ильич был рад, когда Пятаков и Евгения Бош, бежавшие из сибирской ссылки через Японию и США, в феврале 1915 года появились в Берне. Вместе с Лениным «японцы» стали издавать журнал «Коммунист». Но вскоре стало очевидным, что по ряду вопросов их позиции расходятся. Началось выяснение отношений. И присланная Пятаковым статья показала, что «молодые» абсолютно не воспринимали критики, а часто и не вполне понимали ее. «Говорим мимо друг друга»³⁰, – заметил Владимир Ильич. Было в этом что-то от молодости, но гораздо больше – от теоретического дилетантизма.

Если суммировать статьи и письма Ленина и его оппонентов, то суть разногласий состояла в следующем...

То, что в империалистическую эпоху рамки демократических свобод, как правило, суживались – признавали обе стороны. Используя экономическую зависимость и придавленность массы населения, буржуазия умело манипулирует голосами избирателей. Добиваясь необходимых ей решений, она – и прямо и косвенно – подкупает государственных чиновников и само правительство, протискивая тем самым все и всякие «права человека».

Никто не отрицал и того, что в начале XX столетия под видом «защиты отечества» ведутся, как правило, войны за передел сфер влияния. И уж тем более все понимали, что за тягой угнетенных народов к самоопределению зачастую скрывалась эгоистическая политика национальной буржуазии, стремление к стравливанию различных национальностей, а также мещанское убеждение в том, что «наши клопы – лучшие в мире!»

Но значит ли это, как полагал Пятаков, что из факта «неосуществимости» полной демократии в эпоху империализма вытекает отрицание демократии как таковой? Что из

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 346–347.

²⁸ Там же. Т. 55. С. XXX.

²⁹ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 426.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 346.

факта корыстности национальной буржуазии вытекает отрицание борьбы за самоопределение наций? И значит ли, что понимание сути происходящей империалистической бойни ведет к отрицанию всяких войн вообще? На все три вопроса Ленин дает отрицательный ответ. Он решает опубликовать статью Пятакова в «Сборнике “Социал-Демократа”» № 3, сопроводив ее своей статьей «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”».

«“Революционной социал-демократии, – пишет Ленин, – никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует”. Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду», когда на то или иное теоретическое положение марксизма, «*кроме* прямых и серьезных врагов... “набрасываются” такие друзья, которые безнадежно его компрометируют – по-русски: срамят – превращая его в карикатуру»³¹.

Проблема Пятакова – непонимание диалектики жизни. «Он хочет отрицание защиты отечества превратить в *шаблон*, вывести *не* из конкретно-исторической особенности *данной* войны, а “вобще”. Это не марксизм»³². Ленин поясняет: «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя». Он уточняет: «Мы вовсе не против *вообще* “защиты отечества”, не против *вообще* “оборонительных войн”. Никогда этого вздора ни в одной резолюции (и ни в одной моей статье) *не* найдете. Мы против защиты отечества и обороны в *империалистической войне*...»³³

Если с *обеих* сторон, как это было в древности между Римом и Карфагеном, а теперь – между Англией и Германией, целью войны является грабёж: борьба за колонии, за рынки и т. п., тогда отношение к войне подпадает под правило: если «2 вора дерутся, пусть оба гибнут»³⁴. А чтобы спасти от неизбежной гибели в такой войне миллионы людей, необходимо повернуть оружие против зачинщиков этой бойни. Против правительства *своей* страны.

В нашей нынешней «исторической публицистике» довольно часто (иногда по незнанию, но, как правило, по умыслу) подменяют «поражение своего правительства» – «поражением России». Между тем, «поражение правительства», а проще – его свержение означает совершенно иное.

Даже из школьного курса истории известно, что «поражение правительства», т. е. свержение короля в 1793 году во Франции стало прологом к триумфальному шествию революционной французской армии по Европе. Да и Гучков с офицерами-заговорщиками, намеревавшийся осенью 1916 года добиться насильственного отречения Николая II и отставки его кабинета, тоже полагал, что это предотвратит поражение России.

Разница заключалась в том, что Гучков хотел использовать дворцовый переворот для продолжения войны. А большевики видели в свержении правительства возможность революционного выхода из кровавой бойни. Ибо «всякий победный шаг революции спасет сотни тысяч и миллионы людей от смерти, от разорения и голода»³⁵.

Причем речь шла, подчеркивал Ленин, не о «саботаже войны», не об убийстве царских министров, подобно тому, как в октябре 1916 года Фридрих Адлер застрелил австрийского премьера. Такого рода акции, считал Владимир Ильич, – вредны. Он был убежден, что «только массовое движение можно рассматривать как политическую борьбу... Не терроризм, а систематическая, длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды

³¹ Там же. Т. 30. С. 77.

³² Там же. С. 65.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 288, 369.

³⁴ Там же. С. 370.

³⁵ Там же. Т. 31. С. 295.

и агитации, демонстрации и т. д. и т. д... *против* империалистов, *против* собственных правительств, *против* войны – вот что нужно»³⁶.

И это должны делать, полагал Ленин, не только большевики России, интернационалисты «не одной только нации», а всех воюющих государств, как уже делают К. Либкнехт, Р. Люксембург в Германии, Ф. Лорио, А. Гильбо во Франции, Д. Серрати, А. Грамши в Италии, Д. Маклин в Англии, Ю. Дебс в США и другие.

Но вместе с тем необходимо помнить, что в империалистическую *эпоху* могут быть и справедливые, оборонительные, революционные войны. И если, к примеру, вопрос стоит «о свержении чужденационального ига» – воевать надо. Так что «если во время войны, – заключает Владимир Ильич, – речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я несколько не против такой войны и не боюсь слов “защита отечества”, когда они относятся к этого рода войне или восстанию»³⁷.

Что касается демократии, то и при империализме нельзя отрицать «*возможность* полнейшей демократии внутри нации богатейшей *при сохранении* ее господства над нациями зависимыми. Так было в древней Греции, – поясняет Ленин, – на почве рабства». Но главное, «социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии». И даже диктатура пролетариата «вполне совместима с демократией полной, всесторонней... (вопреки вульгарному мнению)»³⁸.

Конечно, все «разговоры о “правах” кажутся смешными во время войны, – пишет Ленин, – ибо *всякая* война ставит прямое и непосредственное насилие на место права...» Именно мировая война, утверждает он, породила «эпоху штыка»: «Это факт, значит, и таким оружием надо бороться». Но при этом надо всегда помнить, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Поэтому, когда Пятаков и его ужасно левые друзья, отвергая право наций на самоопределение, заявили, что надо ориентироваться на экономическую целесообразность, а «воля и симпатии населения» являются «исторически неправомерной сентиментальностью», Ленин ответил, что подобные взгляды не имеют никакого отношения к марксизму и являются ничем иным, как «империалистическим экономизмом». «...Неловко разжевывать азбуку марксизма, – заключает Владимир Ильич, – но как же быть, когда П. Киевский [Ю.Пятаков] не знает ее?»³⁹

Прошел месяц их пребывания в Чудивизе. Никаких сведений о судьбе брошюры об империализме не поступало. Лишь в начале августа выясняется, что рукопись задержана французской цензурой. Цензоров, видимо, насторожило обилие немецких источников и статистических данных («ах, эти немцы! – шутливо замечает Владимир Ильич, – ведь они виноваты в пропаже! Хоть бы французы победили их!»⁴⁰). Пришлось заново переписывать 200 страниц и еще раз отправить их, используя на сей раз конспиративные каналы связи «Социал-Демократа»⁴¹.

После шестинедельного пребывания в горах Надежда Константиновна совсем поправилась. И в начале сентября решили вернуться в Цюрих. В Чудивизе существовал свой обычай проводов. Часов в шесть утра звонил колокол, собирались отдыхающие и «пели

³⁶ Там же. Т. 49. С. 14, 312, 313.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 288, 324; Т. 30. С. 262.

³⁸ Там же. Т. 30. С. 128, 386; Т. 49. С. 380.

³⁹ Там же. Т. 30. С. 68, 69, 122, 127; Т. 49. С. 27.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 274.

⁴¹ Там же. С. 265, 266, 274.

прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет, – пишет Крупская, – кончался словами: “Прощай, кукушка!”». Вот и в это утро все «санаторы» собрались на проводы двух русских и спели традиционную «кукушку». «Спускаясь вниз через лес, – продолжает Крупская, – Владимир Ильич вдруг увидел белые грибы и, несмотря на то, что шел дождь, принялся с азартом за их сбор... Мы вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Запоздали, конечно, к поезду, и пришлось часа два сидеть на станции в ожидании следующего...»⁴²

В Цюрихе выяснилось, что рукопись об империализме в Питере получена, но издательские редакторы, среди которых преобладали меньшевики, вычеркнули всю полемику с Каутским и Мартовым. И это было уже не обычной литературной редакцией, на которую Владимир Ильич дал полное согласие, а вторжением в авторский замысел, продолжением тех политических «игр», точнее – склок, в которые нередко превращалась полемика большевиков с меньшевиками и наоборот.

«Исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить с нами прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности», – заметил как-то Ленин по иному поводу в письме Инессе Арманд. А в другом письме о такого рода «играх» – еще круче: «Кто *прощает* такие вещи в политике, того я считаю дурачком или негодяем. *Я их никогда не прощу*. За это бьют по морде или отворачиваются. Я сделал, конечно, второе. И не раскаиваюсь»⁴³.

Но вся эта «резкость слов» лишь в письмах самым близким. А когда Покровский, испытывая чувство вины за то, что не отстоял ленинской рукописи, написал, что, видимо, при встрече Владимир Ильич вполне заслуженно «вздует» его, Ленин ответил: «Грустно! Ей-ей, грустно... Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: *мы*, издательство, удалили критику Каутского... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но... Пускай издатель отвечает за сокращения, а не я. Вы пишете “не вздуете?”», т. е. я Вас, за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увy, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела... Шутки в сторону, а грустно, черт побери...»⁴⁴

Утешением могло бы стать письмо от 12 октября 1916 года, которое Покровский получил от Горького, прочитавшего рукопись Ленина: «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!»⁴⁵. Но об этом письме Владимир Ильич ничего не знал. И отсутствие вестей о высылке гонорара все более беспокоит его. В октябре 1916 года Ленин просит Александра Шляпникова «нажать» на Горького и добавляет: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем... Это вполне серьезно, вполне, вполне»⁴⁶.

Н. Валентинов иронизировал по поводу этого письма: мол, на издание нелегальной партийной литературы, на ее транспорт в Россию деньги были! «Неужели же Ленин... предпочел бы “поколеть”, но не коснуться денег, предназначенных для печатания творимых им “тезисов” и “директив”? Предположение настолько и абсурдно, и смешно, что немедленно отпадает»⁴⁷.

Для читателя, наблюдающего нравы нынешней политической элиты, эта «тонкая» ирония может показаться вполне убедительной: иметь доступ к партийной кассе и не запустить

⁴² Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 427.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 331, 341.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 344.

⁴⁵ Журнал «Вопросы истории». 1969. № 2. С. 29, 30.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 302.

⁴⁷ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 347.

туда лапу?? Такого не может быть... Оказывается – может. Другие, видимо, были времена и уж точно – другие люди.

Ленин строго различал – «партийные деньги» и «личные финансы»⁴⁸.

Из партийной кассы он – как член ЦК, редактор ЦО – получал установленную «диэту» – 200–300 франков (115–172 рубля). Но для эмигрантской жизни этого было недостаточно. Зиновьев в Берне подрабатывал в одной из университетских лабораторий. Ленин всегда стремился дополнить семейный бюджет литературным гонораром.

Этот, на первый взгляд, не столь уж существенный вопрос – о средствах, которыми располагал Владимир Ильич в данный период, приобрел особое значение в связи с другой специфической проблемой: так называемого «немецкого золота». Сюжет этот всячески эксплуатировался противниками большевиков, утверждавших, что благодаря финансовой поддержке Германии Ленин и его сторонники, если и не купались в золоте, то уж, во всяком случае, никакого недостатка в деньгах не испытывали.

В вышедшей недавно книге Геннадия Соболева «Тайна “немецкого золота”», проблема эта – в который уже раз! – обстоятельно проанализирована. Соболев вновь доказал, что речь идет о грандиозной провокации. Назвал ее заказчиков. Указал заплаченную исполнителям цену. Казалось бы, можно и не возвращаться к данной теме. Но, увы, нам придется еще и еще делать это, ибо поток клеветнической литературы не иссякает. И дело здесь не в трактовке тех или иных документов, а исключительно в чрезмерной «политизированности» авторов.

Политическая ангажированность и связанная с нею приверженность заданной концепции способны сыграть злую шутку даже с опытными исследователями.

Еще в 1931 году известный историк-эмигрант Г. В. Вернадский выпустил в США книгу – «Ленин – красный диктатор». В ней, в частности, он опубликовал некий отчет французского детективного бюро «Бинт и Самбин» управляющему зарубежного представительства российского Департамента полиции о том, что 28 декабря 1916 года Ленин приехал в Берн, «вошел в здание германского посольства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих». В 1998 году эту книгу издали в Москве. И с тех пор данный «факт» прочно вошел в нашу «антিলениниану», хотя сам Вернадский не только не смог указать на источник его происхождения, но и оставил вопрос о степени достоверности «документа» открытым⁴⁹.

О «французских» документах и роли французской разведки во всей истории с «немецким золотом» сейчас известно достаточно полно и мы еще вернемся к данному сюжету⁵⁰. Геннадий Соболев прав: «...судя по тому, что данный факт не нашел никакого отражения в опубликованных документах МИД Германии, скорее всего это только “домысленный факт”...»⁵¹

Нам остается лишь добавить факт реальный: именно 28 декабря Ленин провел не в германском посольстве в Берне, а в цюрихском полицейском управлении, где оформлял продление срока своего пребывания в Цюрихе. И факт этот зафиксирован документами абсолютно бесспорными. Именно здесь, когда чиновник сунул ему стандартный «Опросный лист для лиц, уклоняющихся от военной службы», Владимир Ильич написал: «Я не дезертир. Я политический эмигрант после революции 1905 года в России»⁵².

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 215, 217, 303, 367 и др.

⁴⁹ Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 135.

⁵⁰ См. статью С.С.Поповой.: «Французская разведка ищет “германский след”» в сб. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.

⁵¹ Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». Спб. – М., 2003. С. 58.

⁵² В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. М., 1973. С. 583.

В 1996 году в США вышла книга «Неизвестный Ленин». Ее автор, известный историк Р. Пайпс, утверждает, что он нашел, наконец-то, подтверждение «контактам Ленина с германцами». Вот оно: в письме Арманд 19(6) января 1917 года Владимир Ильич пишет: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой»⁵³.

Читая эти строки, невольно испытываешь чувство сожаления по отношению к Пайпсу. Ведь достаточно было поставить это письмо в контекст всей давно опубликованной переписки, чтобы понять, о чем идет речь. 16 (3) января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, заняли бы французы. Что касается Цюриха, где жил Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покинуть Цюрих нет необходимости, ибо подобная «война невероятна». Инесса ответила, что Владимир Ильич недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а посему надо думать о переезде. Вот Ленин и пишет ей 19 (6) января: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». На следующий день, 20 (7) января он вновь повторяет, что всерьез опасаться войны на территории Швейцарии нет оснований. Так что совсем не о связях с немцами шла здесь речь. И предположение Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным.

Кстати, письмо Ленина 16 (3) января дает реальное представление о том, какими средствами располагали в это время большевики. «...*Партийную* кассу, – пишет Владимир Ильич Инессе, – я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее *на себе*, в мешочке, сшитом для сего...)»⁵⁴ Представьте себе хрупкую Инессу, таскающую «на *себе*» партийную казну... И вам станет жалко – но не Арманд, а тех, кто пишет о «золотом дожде», пролившемся на большевиков.

Вернемся, впрочем, к «личным финансам» Ленина и «теткиному наследству»...

Позднее, в июле 1917 года, в Питере, при попытке арестовать Ленина, у Крупской изъяли ее чековую книжку Азовско-Донского банка № 8467 на сумму в 2 тысячи рублей. И Надежда Константиновна написала, что это и был остаток теткиного наследства. Как же так? – «ловит» ее Валентинов. – Всю войну жили на эти деньги, а остаток равен начальной сумме?! «Никакая “диалектика”, – ядовито замечает он, – не отменяет арифметику»⁵⁵.

Ссылаясь на упоминавшееся письмо Ленина Шляпникову, Валентинов пытается дать психологическую характеристику Владимира Ильича, его «испуга», «растерянности», «паники», «страха перед дороговизной» и т. д. «*Ленин в домашних туфлях*, – иронизирует он, – *совсем не похож на бога с Олимпа*»⁵⁶. Характеристика эта могла бы быть забавной, если бы... Если бы, желая во что бы то ни стало «изобличить», Валентинов не игнорировал – и вполне сознательно – другие факты.

Всячески препарируя переписку Ленина с родными, Валентинов как раз избегает прибегнуть к простейшему арифметическому действию: сложению всех сумм, приходивших с конца 1916 года в Цюрих от *петроградских издателей* за «Империализм», «Капитализм и земледелие в США» и брошюру Крупской «Демократия и просвещение».

Итак, складываем: 374 франка + 869 + 500 + 808 + 500 франков⁵⁷. Получается более трех тысяч франков. И это – не считая аванса, полученного от издательства Бонч-Бруевича⁵⁸. Заметим, кстати, что в переписке прямо указано, что деньги эти переводились на текущий

⁵³ The Unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996. P.34.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367, 372.

⁵⁵ Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 345.

⁵⁶ Там же. С. 349.

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 338, 343, 360; Т. 55. С. 365, 367, 368.

⁵⁸ См. там же. Т. 55. С. 365.

счет именно в Азовско-Донском банке⁵⁹. Так что Валентинов прав: никакая «диалектика» действительно не может отменить арифметики. И как говаривал в таких случаях герой средневековых фавлю монах Горанфло: даже самое блестящее остроумие бессильно против фактов. Впрочем, Ленин формулировал это жестче: «Сплетней факта не перешибешь»⁶⁰.

Было бы нелепым полагать, что он углублялся в философию ради собственного душевного комфорта. В сложное, казавшееся многим непонятным время, он хотел написать работу «О диалектике», которая помогла бы распутать противоречия новой эпохи. И свои книги о капитализме в земледелии, а уж тем более об империализме, Владимир Ильич писал отнюдь не ради сиюминутного заработка. Значимость темы он прекрасно понимал. Любой политик-интеллектуал, размышлявший о будущем мира и человечества, должен был прежде всего разобраться в «сущности империализма».

Из книги Гобсона Владимир Ильич выписал примечательную фразу: «Новый империализм по существу ничем не отличается от своего древнего образца (Римская империя)... Он такой же *паразит*... Претензия, будто *империалистическое* государство, насильственно подчиняя себе другие народы и их земли, поступает так для того, чтобы оказывать покоренным народам услуги... заведомо *ложна*: оно вовсе не собирается оказывать равноценных услуг, да и неспособно оказывать их... Но законы природы, обрекающие *паразитов* на гибель, приложимы не только к индивидуумам, но и к нациям. Сложность процесса и маскировка сути дела могут *замедлить, но не отворотить гибель*»⁶¹. Но подобного рода «пророчества», определявшие далеко идущие политические выводы, надо было всесторонне обосновать, десятки раз проверив и перепроверив все аргументы «pro et contra».

Владимира Ильича интересовали прежде всего факты, касающиеся концентрации производства и капитала; слияния банковского капитала с промышленным и создания финансовой олигархии; вывоза капитала; образования международных монополистических союзов; окончания территориального раздела мира крупнейшими державами и борьбы за его новый передел.

Делая обширные выписки, Ленин иногда сопровождает их пометками на полях. Чаще всего это: «Хорошо сказано!», «Верно!», «Хороший пример!», «Оригинально!», «Можно и должно взять цифры и факты, но не рассуждения...»⁶². Но порой именно «рассуждения» вызывают пометки иного рода: «Хороший очерк материала. Точка зрения – апологета буржуа, тупого, довольного, самодовольного... Факты подобраны недурно» – это о работе профессора Лифмана о картелях и трестах; о другой монографии того же Лифмана – «Автор – махровый дурак, как с торбой возящийся с дефинициями – преглупыми... Ценны фактические данные, большей частью совсем сырые»; о другой книге другого автора – «Публицистика бойкая, архибойкая, но крайне поверхностная. Рассказ, болтовня, не более»⁶³.

А вот и совсем «неприличные» пометки: о книге Г. Шульце-Геверница о немецком банковском капитале – «Тон ликующего германского империализма, торжествующей свиньи!!!»; о его же работе об английском капитализме – «Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист, – собрал некоторые очень интересные факты... и написал бойкую, не скучную книгу... Награбили, гг. англичане, дайте и нам пограбить, “освятить” грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой = вот суть позиции сего “ученого”!!»⁶⁴

⁵⁹ См. там же. С. 368.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 308.

⁶¹ Там же. Т. 28. С. 413–414.

⁶² См. там же. С. 65, 72, 92, 100, 110, 130, 162 и др.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 29, 200, 349.

⁶⁴ Там же. С. 34, 424.

Конечно – грубо, ничего не скажешь. Но для инсинуаций на сей счет «лениноедов» – недостаточно. Ибо ни одна из этих пометок не предназначалась для стороннего глаза...

Что же касается текста книги, то в ней корректность была соблюдена вполне. Ну а к цензурным «строгостям» он научился приспосабливаться давно: с первых своих научных статей в толстых столичных журналах. Вот и в этом «популярном очерке» Ленин формулирует выводы, далеко выходящие за цензурные рамки.

Производство все более обобществляется, но присвоение остается частным. Национальное богатство становится собственностью кучки монополистов. Главная хозяйственная фигура – уже не «купец», удовлетворяющий спрос покупателей, а «гений» финансовых махинаций, проще говоря – спекулянт. Избыток капитала обращается не на благо народа, а вывозится за границу. Все это обостряет противоречия между олигархами и населением. А поскольку капитализм, делает вывод Ленин, решает противоречия «немирным путем», то и это противоречие будет разрешено «силой»⁶⁵.

Конечно, легальность издания неизбежно оставляет за рамками этой работы многие выводы, которые он опубликует в нелегальных статьях: о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма; об объективных и субъективных предпосылках социалистической революции; о возможности ее победы первоначально в немногих и даже в одной стране. И, наконец, главный вывод: «На очередь дня, не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей – поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс...»⁶⁶

⁶⁵ Там же. Т. 27. С. 321, 322, 360, 394 и др.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 346.

«Штурм приближается!»

Вечером 7 апреля (25 марта) 1916 года Владимир Ильич пошел в Цюрихский городской театр, где в тот день – в обновленной постановке режиссера Родольфа и под управлением известного дирижера Конрада – исполняли музыкальную драму Рихарда Вагнера «Валькирия».

Классическую музыку Ленин любил с детства. Крупская писала, что был он музыкален, обладал хорошей музыкальной памятью, что «оперу любил больше балета» и в ряду других композиторов – «очень любил Вагнера». Музыку всегда «слушал серьезно», очень эмоционально. Поэтому «страшно уставал» и нередко «уходил после первого действия как больной»⁶⁷.

Но на сей раз он не ушел и в антракте разговорился с польским социал-демократом, большим любителем Вагнера – Владиславом Краевским⁶⁸. Беседу Владислав Германович, к сожалению, не записал. Впрочем, споры о творчестве этого великого композитора не умолкают и по сей день, ибо были в нем такие страницы, как драма-мистерия «Парсифаль», где отрешенность от всего земного сочеталась с мистической символикой и пафосом религиозного служения... Но были и совсем другие – утверждавшие красоту и радость бытия, величие человека, мощь его свободного духа.

В *революционном* пафосе усматривал главное начало эстетики Вагнера Александр Блок. «Новое время тревожно и беспокойно, – писал он. – Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем. Это будет уже не самодовольное ничтожество; это будет новый человек, новая ступень к артисту... Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации...»⁶⁹. Может быть, именно эти ассоциации и привлекали к Вагнеру симпатии Ленина...

Хорошо знавший Ленина меньшевик Федор Дан как-то заметил: «...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию»⁷⁰. Сказал это Дан в яростной полемике, в большом раздражении, и преувеличение было явным. Хотя немалая доля истины в этом утверждении, несомненно, присутствовала.

Но всегда ли так было?

С тех пор как около исторической науки сложилось направление, которое можно было бы назвать «ленинством», нет книжки или статьи, где бы не говорилось о том, что Февральская революция 1917 года стала для Ленина полнейшей неожиданностью. Он якобы не только не ждал, но и был убежден в абсолютной ее нереальности, а посему даже готов был навсегда уехать чуть ли не в Америку... И главный аргумент в пользу данной версии – выступление самого Ленина 22 (9) января 1917 года в цюрихском Народном доме перед молодежью с докладом о революции 1905 года.

Со швейцарской молодежью он встречался не впервые. Некоторые из этих встреч огорчали его. Иногда молодые либо «явно не клевали» на политику, когда Владимир Ильич заводил речь о войне, либо не шли дальше той пошлой истины, что «стену, мол, лбом не прошибешь»⁷¹. Поэтому, когда вокруг 24-летнего секретаря правления социал-демократиче-

⁶⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. Т.1. С. 598.

⁶⁸ См.: Дрейден С. Д. В зрительном зале – Владимир Ильич. Новые страницы. М., 1970. С. 236, 237, 241.

⁶⁹ Блок А. Собр. соч. в 12 томах. М.-Л., 1936. Т. 8. С. 59.

⁷⁰ Воспоминания о В. И. Ленине. Т.1. С. 179.

⁷¹ Там же. С. 424, 427.

ской партии Швейцарии Фрица Платтена сложилась группа молодых интернационалистов, Ленин с удовольствием стал общаться с ними в Кегельклубе.

Рассказывая им о 1905 годе, он заявил, что эта русская революция является прологом к грядущей европейской, то есть мировой революции, которая освободит «человечество от ига капитала». И добавил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...»⁷². Если вспомнить, что Ленину в тот момент не исполнилось и 47 лет, то фраза о «стариках» звучала достаточно иронично. Но дело даже не в иронии...

В конце 1916 года он написал для газеты молодых интернационалистов статью «Военная программа пролетарской революции». Содержание ее, видимо, не раз обсуждалось с Платтенем, Вилли Мюнценбергом и другими. В статье формулировался «не преложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах»⁷³. И между победой революции в одной стране и классовыми сражениями в других – лежит целая историческая эпоха.

До «решающих битв» мировой революции Ленин действительно не дожил. Но в том, что новая революция близится – он как раз не сомневался. «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе, – сказал он в том же выступлении 22 (9) января 1917 года. – Европа чревата революцией». При этом он имел в виду и Россию. И речь в данном случае шла не о сугубо личном *прозрении*, а о достаточно распространенном в российском обществе убеждении, которое разделяли как сторонники революции, так и ее противники.

После поражения первой русской революции вопрос этот постоянно обсуждался и в прессе, и в Государственной думе, и в правительственных верхах. Когда, начав реформы, Петр Аркадьевич Столыпин провозгласил, что его главная цель – уберечь страну от «великих потрясений», дать России хотя бы «20 лет покоя», такая возможность казалась вполне вероятной. Если бы Столыпину удалось хоть как-то решить стоявшие перед страной проблемы, – и прежде всего аграрный вопрос, – это вполне могло бы стать реальностью. Ленин, как и другие политические деятели России, поначалу несколько не исключал вероятности подобного варианта развития⁷⁴.

Но этого не случилось...

Как же так? Нынешняя историческая публицистика пытается убедить нас в том, что накануне Первой мировой войны, набрав беспрецедентные темпы развития, страна вошла в один ряд с наиболее развитыми державами мира. И на сакраментальный вопрос – «Какую Россию мы потеряли?» – дается предельно ясный ответ: «процветающую» и «благостную».

В самом деле, гордиться было чем. Значительно возросли производство зерна, добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, протяженность железных дорог, численность учащихся. Проценты роста действительно небывалые... Но у цифр есть своя магия. «Если нищему, имеющему три копейки, – иронизировал по этому поводу Ленин, – вы дадите пятачок, увеличение его «имущества» сразу будет «громадное»: на целых 167 %». Но надо сравнивать «не сегодняшний наш пятачок со вчерашним нашим алтыном, а данные, сравнивающие то, что мы имеем, с тем, что *необходимо* цивилизованному государству...». Иначе это будет «глупой казенной игрой в цифирьки...»⁷⁵

Статистике сегодня мало кто верит, и на то есть причины. Но почитайте вышедшую в 1915 году в Петрограде книгу «Северо-Американские соединенные штаты и Россия». В ней не проценты, а цифры производства на душу населения. Так вот, будучи крупнейшим экспортером зерна, Россия производила его «на душу» почти вчетверо меньше Канады, втрое

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327, 328.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.

⁷⁴ См. там же. Т. 16. С. 423; Т. 17. С. 31.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 20, 125, 126.

меньше Аргентины и вдвое – США. Иными словами, страна вывозила хлеб за счет недоедания собственного населения. Столь же удручающими были и другие цифры. По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в 5 раз. По добыче угля – более чем в 17 раз, нефти – более чем втрое, по выплавке стали – более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог – более чем в 6 раз, по числу учащихся – почти втрое. И все это без пересчета на душу населения.

Экономический рост хорош тогда, когда он приносит с собой заметные результаты для всего народа. Если же социальная система сохраняет прежние архаические формы, экономический рост лишь увеличивает разрыв в доходах, делает его более зримым и тогда надежды на стабилизацию становятся мыльным пузырем. До каких пор его можно раздувать и когда он лопнет – это уже другой вопрос.

Так что с «процветанием» было плохо. Не очень-то получалось и с «благодетельностью»... И тут многое определял вопрос о земле.

Вне зависимости от того, кто первым сформулировал правительственную аграрную программу, – Н. Х. Бунге, В. И. Гурко, С. Ю. Витте или А. В. Кривошеин, – Столыпин твердо знал, куда надо двигать российскую деревню. В молодости, будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, Петр Аркадьевич не раз навещался из своего родового поместья Колноберже в соседнюю Пруссию. Так что в преимуществах хуторской системы он убедился воочию.

Что думает по этому поводу сам «объект реформирования» – крестьяне, этого, естественно, в верхах никто всерьез не принимал. И традиция эта шла издалека. Как писал министр внутренних дел С. С. Ланской накануне «Великой реформы» 1861 года, «Высочайшая воля так ясно выражена в рескрипте... что вовсе неуместно было бы допускать крестьян к изъяслению согласия или несогласия на ее исполнение»⁷⁶. А между тем российская деревня имела свое представление о необходимых переменах и о справедливости. Связывалось оно, совершенно независимо от пропаганды левых партий, не с идеей частной собственности на землю, а прежде всего с ликвидацией помещичьей собственности, с «черным переделом».

Это несоответствие представлений о «добре и зле», о желаемой цели и привело к тому, что главным инструментом реформ и столыпинского «умиротворения» стало насилие. К масштабам этого насилия, сравнивая его с некоторыми страницами последующей истории, сегодня относятся несколько иронически. Подумаешь, 1102 человек казнили военно-полевые суды в 1906–1907 годах; 2694 человек повесили в 1906–1909 годах по приговору военно-окружных судов; сколько-то тысяч расстреляли без всяких судов карательные экспедиции Ренненкампа, Меллер-Закомельского, Орлова; 23 тысячи отправили на каторгу и в тюрьмы; 39 тысяч выслали без суда; сотни тысяч подвергли обыскам и арестам. По сравнению с тем, что было *потом* – всего ничего... Но современникам-то приходилось сравнивать с тем, что было до того. А за предыдущие 80 лет казнили – в среднем – по 9 человек в год. И не случайно выдавший виды российский обыватель с горечью повторял: «Какое же сравнение! При Пелеве много лучше было!»⁷⁷

Подлинные масштабы насилия проявились именно при проведении аграрной реформы. Для русского крестьянина основой всего его бытия, его отношений с Богом, государством, с помещиком и «миром» был общинный надел. И к этому мизерному клочку земли никак нельзя относиться лишь с сугубо рациональными мерками, как, скажем, к «способу землепользования».

Прежде, когда передел земли в общине происходил, как правило, раз в 12 лет, он каждый раз порождал самые драматические коллизии. Теперь, по закону 1908 года, передел про-

⁷⁶ Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 56.

⁷⁷ Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 7.

изводили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться на хутор или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель в деревне. Между губернаторами шло соревнование за процент «выделившихся», и они принуждали общинников силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов...

Что же получилось из этой реформы?

Прав был Карамзин, когда писал, что даже самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия... Прежде всего столыпинская земельная реформа приняла принципиально иное направление. Не выделение «трезвых и сильных» – на что надеялся Столыпин, не создание слоя «крепких хозяев», которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины в основном «пьяных и слабых», тех, для кого надел давно уже перестал быть источником существования. Из 15 млн. крестьянских дворов из общины вышли почти 26 %, т. е. четверть. Но им принадлежало лишь 16 % наделной земли. 40 % выделенной земли сразу продали. А 2,5 млн. хозяев лишь формально вышли из общины, т. е. укрепили свои наделы, но в составе общинных земель. Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед ней, реформа оказалась несостоятельной⁷⁸.

Оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне достаточной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т. е. жизни большинства населения России. Она сделала то, чего не смогла сделать даже революция 1905 года. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности, о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью.

Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома, переселявшихся за Урал, массовая продажа земельных полосок, новые переделы и новое землеустройство – все это создавало атмосферу неустойчивости, всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости, или, как выразился современник, «неотмщенные обиды» – по всем законам социальной психологии – рождали лишь злобу и ненависть. Это и стало одной из главных причин глубокого нравственного кризиса, в который была ввергнута Россия.

Сегодня нередко пишут о том, что кризис русской духовности и распад нравственных устоев якобы начался после революции 1917 года. Прочтите стенографические отчеты IV Государственной думы за 1913 год. Хотя бы прения по вопросу о «хулиганстве». Популярнейший и вполне лояльный журнал «Нива» так комментировал их:

«Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грозными волнами и наши столицы, и провинциальные города, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охвативший всю национальную психику. Великий полуторастиллионный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, предопределявших весь строй его жизни и внутренних отношений, как бы усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной и религиозной опоры. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души»⁷⁹.

После подавления первой русской революции Столыпин мечтал о «20 годах покоя». Не вышло. В стране вновь назревал революционный кризис. И впереди шел рабочий класс,

⁷⁸ См. статью А.П.Корелина: П. А. Столыпин и российское общество... в сб.: Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М. 2000. С. 37–44.

⁷⁹ «Нива». 1913. № 33. С. 659. (подчеркнуто мной. – В.Л.).

давший в 1913 и в 1914 годах намного больше политических стачечников, чем в 1905-м, и больше, чем в какой-либо другой стране мира. Тут уж приоритет России был неоспорим.

Летом 1913 года Ленин написал, что весь ход правительственных реформ доказал, что в России нет мирного выхода из тупика, «нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют». Страна переживает «состояние плохо прикрытой *гражданской войны*. Правительство не управляет, а воюет»⁸⁰. О том же в «Новом времени» – под характерным названием «Невоспитанный народ» – пишет в 1913 году и совсем «правый» М. Меньшиков: «Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом...»⁸¹.

А весьма умеренный земский либерал Д. Н. Шипов заключает: «Пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит, или скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти». И Шипов полагал, что лишь новый *общественный взрыв* сможет обновить деморализованное общество⁸².

Но может быть, всего этого не знали в «верхах»? Знали. В апреле 1914 года депутат Думы граф Мусин-Пушкин делился своими наблюдениями с наместником на Кавказе, графом Воронцовым-Дашковым: «Революции никто не хочет и все ее боятся... Но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком»⁸³.

Весьма информированный и опытный интриган князь М. Андроников докладывал великому князю Николаю Николаевичу: «Конечно, путем репрессий и всякого рода экзекуционных и административных мер удалось загнать в подполье на время глубокое народное недовольство, озлобление, повальную ненависть к правящим, – но разве этим изменяется или улучшается существующее положение вещей?... В деревне наступает период “само-суда”, когда люди, окончательно изверившись в авторитете власти, в защиту закона, сами приступают к “самозащите”... А убийства не перечесать! Они стали у нас обыденным явлением при длящемся “успокоительном” режиме...»⁸⁴.

Наконец, в начале 1914 года, за полгода до начала войны, сам Государь получает от члена Госсовета, бывшего министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново меморандум, который предупреждает Николая II о близящейся революции и о том, что «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»⁸⁵.

Уже упоминавшийся идеолог российского национализма Меньшиков, рассуждая о беззаконии, беспорядке и национальном бесславии, в феврале 1914 года написал: «*Так, как теперь мы живем, долго жить нельзя – это надо же наконец понять и оценить*». А один из лидеров думских националистов С. И. Савенко в частном письме заметил: «Большую драму я переживаю в душе, но говорю это только тебе одной: отныне я революции не боюсь – она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России»⁸⁶.

Но может быть, волна патриотизма, прокатившаяся по стране с началом войны, изменила ситуацию? На первых порах – да, особенно в деревне. Но массовые мобилизации, резкое ухудшение социально-экономического положения в тылу и отвратительное снабжение фронта оружием, боеприпасами, продовольствием, наконец, перенос боевых действий на

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 396; Т. 25. С. 65.

⁸¹ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 106.

⁸² Куда идет Россия? Власть, общество, личность. С. 43, 44.

⁸³ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 110.

⁸⁴ Государственная деятельность П. А. Столыпина. Сб. статей. М., 1994. С. 141.

⁸⁵ Журнал «Красная новь». 1922. № 6. С. 178–179.

⁸⁶ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 24, 151.

российскую территорию – все это вновь привело к стремительному росту антиправительственных, антицаристских настроений.

Война действительно стала для России фактором разрушительным. Начатое на 15-й день после ее начала наступление в Восточной Пруссии спасло от немцев Париж, но обернулось поражением для русской армии. 1915 год ознаменовался «Великим отступлением» и полной или частичной оккупацией более десятка российских губерний. Остановить немцев удалось лишь у Риги и в 100 км от Минска.

После успешного взятия Эрзерума на юге мартовское наступление русских войск в районе Двинска и озера Нарочь помогло французам выстоять под Верденом, но и оно завершилось тяжелейшим поражением. Лишь знаменитый «Брусиловский» прорыв в мае 16-го года хоть как-то стабилизировал Восточный фронт.

С самого начала войны «союзники» смотрели на русских солдат как на «пушечное мясо». Посол Франции в России Морис Палеолог не скрывал этого: «При подсчете потерь союзников, – втолковывал он председателю Совета министров Борису Штюрмеру, – центр тяжести не в числе, а в совсем другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран в мире. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию... Это – цвет человечества. С этой точки зрения наши потери гораздо чувствительнее русских потерь».

Всего в военных действиях русская армия потеряла около 4 млн. солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, более 2 млн. числились пропавшими без вести⁸⁷. Этого было вполне достаточно, чтобы злоба, ненависть к тем, кто повинен в кровавой бойне, захлестнули страну.

Начальник Московской охраны сообщал: «Подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали... Настроение 1905–1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным». А добросовестный чиновник Министерства внутренних дел написал на сем: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены»⁸⁸. И этот чиновник был прав.

Выше уже упоминалось, что в 1913 году «Нива» писала о полуторастамиллионном народе, который «усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя...». Война дала в руки этому народу оружие, создала новую, хорошо организованную социально-политическую силу – многомиллионную армию. И эта армия вполне адекватно отражала настроения народа.

По своему составу солдаты были теми же рабочими и крестьянами. Причем крестьяне – с их психологией и навыками – многократно преобладали. Это проявлялось во всем: в постоянных разговорах о земле, о прежних обидах со стороны помещиков и чиновников, о полевых работах, которые легли теперь на баб и стариков. Как отмечали офицеры, даже в рукопашном бою солдаты кололи штыком не как положено – прямо перед собой, а будто вилами снопы кидали – снизу вверх. От деревенской психики шли и те резкие перепады в настроениях, когда одна и та же рота или батальон, вчера еще проявлявшие вполне осознанную слаженность действий и самые «высокие» чувства, на другой день взрывались анархическим пьяным погромом каких-либо винных складов или винокуренных заводиков.

Но говоря о том, что армия – это те же рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, нередко забывают, что у данной общности существовали и свои особые интересы. Их порождала война, общность жизни и судьбы людей, принудительно соединенных в казармах или окопах, постоянное соседство смерти, а стало быть и желание выжить в этой крова-

⁸⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 561; Независимая газета. Приложение: Независимое военное обозрение. № 43. С. 5.

⁸⁸ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 82, 83.

вой мясорубке. Вот почему постепенное осознание того, что это «чужая война», стало главной причиной, с одной стороны, утраты боеспособности и разложения армии, а с другой – превращение ее в ударную (Л. Н. Гумилев сказал бы – пассионарную) силу революции.

О характере войны солдатская масса узнавала не от революционных агитаторов. Современный исследователь Александр Асташов⁸⁹ полагает, что особую роль в этом процессе сыграли месячные отпуска с фронта «для устройства домашних дел» и «для участия в полевых работах», установленные для отличившихся солдат или по семейным обстоятельствам Высочайшим повелением от 5 октября 1915-го и 19 августа 1916 года. Неприглядные картины тыла – с роскошью и мотовством одних и беспросветной нуждой других, особенно солдатских семей, – рождали у отпускников лишь злобу и ненависть, стремление покончить с войной и покарать ее зачинщиков.

Военные цензоры, тщательно просматривавшие сотни тысяч солдатских писем, в конце 1916 года констатировали: «Два с половиной года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех»⁹⁰. И это была не обычная злоба людей, раздраженных нуждой и лишениями. Она была гораздо страшнее. Ибо люди эти были вооружены, а война обесценила саму человеческую жизнь.

«Я [прежде] такой глупый был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал, – писал один из солдат. – А теперь ни бога, ни черта не боюсь. Как всадил с рукой штык в брюхо, словно сняло с меня что-то...». Письмо другого солдата: «Я не только человека, курицу не мог зарезать. А теперь... Почем я знаю, может, сотню или больше душ загубил»⁹¹.

Эта психология рождала и убеждение в том, что только с помощью насилия можно решить те проблемы, которые ставила жизнь. «Женка пишет, купец наш до того обижает, просто жить невозможно, – это строки еще одного солдатского письма. – Я так решил: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то и делай. А теперь повыучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не дали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно»⁹².

Эта злоба и ненависть приобретала все более конкретный социальный адрес. «Я, крестьянин, – говорилось в письме солдата 42-й Сибирской стрелковой дивизии, – обращаюсь к вам, братья, докуда будем губить себя... За какие-то интересы чужие кладем свои головы... Помните, братцы, чтобы убить зверей, которые миллионы губят людей за свой интерес, *надо действовать, пока оружие в руках*. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина...»⁹³.

Страшно? Конечно, страшно. Назревал переход «количества в качество». Надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы пожать в конце концов такие взрывы народной ненависти. А ведь предупреждали... Помните, у Лермонтова: «Каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицею, и тогда горе побежденным...»⁹⁴. Этот приговор миру насилия и угнетения был написан чуть ли не за столетие до 1917 года.

В 1916 году тема «пугачевщины», «русского бунта – бессмысленного и беспощадного» вновь, как в 1902, 1905, 1906 годах, становится одной из главных тем российской публици-

⁸⁹ См.: Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–84.

⁹⁰ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 82.

⁹¹ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. С. 83.

⁹² Там же. С. 84.

⁹³ Там же. С. 82.

⁹⁴ Цит. по: Соловьев Б. Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 709.

стики и частных разговоров. Многие политические деятели России пытались воздействовать на государя, чтобы он «предотвратил»... «предпринял»... «сделал»... Побуждали к этому и председателя Государственной думы Михаила Родзянко. Главноуполномоченный Всероссийского Союза городов Челноков писал ему: «Тревога и негодование все более охватывают Россию... Зловещие настроения сменили недавний высокий подъем, с каждым новым днем исчезает вера, рассеиваются надежды». О том же написал Родзянко и главноуполномоченный Всероссийского Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов⁹⁵.

Пытались воздействовать и на военных. 15 августа 1916 года Александр Иванович Гучков, возглавлявший Центральный Военно-промышленный комитет, испытывая «смертельную тревогу за судьбы нашей Родины», обратился с посланием к главкому Северо-Западного фронта генералу Алексееву: «Надвигается потоп, а наша дрянная слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя, надевая калоши и раскрывая зонтик»⁹⁶.

10 (23) февраля 1917 года Родзянко получил аудиенцию у государя. Свой доклад «об угрожающей Российскому государству опасности» он, по причине сильного волнения, читал. Закончил словами: «Я считаю своим долгом, государь, высказать Вам свое личное предчувствие и убеждение... Направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит». Государь ничего не ответил и очень сухо простился. А через два дня Родзянко написал своей подруге Зинаиде Юсуповой: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что... русский царь еще более преступен»⁹⁷.

А саратовский губернатор С. Тверской в эти дни напишет: «Что делается? Точно после 1905 года не прошло 11 лет. Те же персонажи, те же слова, с одной стороны, и тот же паралич власти – с другой. Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т. д. Ну, а дальше что? Дальше опять скажет слово мужичок или, вернее, сделает дело мужичок. Настроение прескверное»⁹⁸.

Спустя полгода, характеризуя положение в стране к началу 1917 года, последний царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов показывал Чрезвычайной следственной комиссии: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли; таксы развили продажу “из-под полы”, получилось “мародерство”... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом... Упорядочить дело было некому. Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было... Верховная власть перестала быть источником жизни и света»⁹⁹.

Но при чем тут Ленин? Все это происходило за тысячи верст от него. А те же солдатские письма – точнейший барометр настроений – были опубликованы лишь много лет спустя. Конечно, что-то просачивалось в либеральную российскую прессу, и Владимир Ильич чуть

⁹⁵ Газета «Социал-Демократ», № 57, 1916, 30 декабря.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 244.

⁹⁸ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 83.

⁹⁹ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1926. С. 21, 22.

ли не ежедневно штудировал ее в цюрихских библиотеках. Но существовали ли у него какие-то свои каналы информации?

Да, существовали...

О событиях, происходивших в «верхах», он, к примеру, знал гораздо больше, чем сообщали либеральные газеты. Так, в ноябре 1916 года он получил из Питера копии тех самых документов, которые упоминались выше: письма Челнокова и Львова Михаилу Родзянко и письмо Гучкова генералу Алексееву. Напечатать такое в российской прессе было невозможно. А вот большевистский «Социал-Демократ» 30 декабря 1916 года полностью опубликовал их. Комментируя письмо Александра Гучкова, редакция написала: «Это признание, что *революция идет*. Буржуа ясно видит это и видит свою беспомощность... А революция все же идет»¹⁰⁰.

В январе 1917 года Ленин рассматривает возможные политические комбинации в случае революционных перемен в России. Вероятно, пишет он, придется «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»¹⁰¹. Это предсказание также было опубликовано «Социал-Демократом» и, как известно, оказалось достаточно точным.

Были и другие, может быть, более важные источники информации...

Где-то в середине января 1917 года в Цюрихе объявились двое военнопленных, которые – переплыв Боденское озеро – бежали из немецкого концлагеря. Ленин буквально «вцепился» в них. «Типики, – пишет он Арманд, – один – еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ... Но лично неинтересен, ибо обычен. Другой – воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Черноземная сила»¹⁰².

Все это время ему так не хватало живого общения за рамками привычной эмигрантской среды. Не для того, чтобы спорить, убеждать, «влиять». Это стало делом безнадежным, ибо эмигранты- оппоненты уже не слышали и не хотели слышать доводов, не вписывавшихся в их сложившиеся представления. Владимиру Ильичу, как он выразился, не хватало просто нормальных собеседников – «“живых”, эмигрантщиной не изъеденных людей»¹⁰³.

И вот теперь перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за «самостийность». Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, «впадали в ярость при мысли об отделении от России... Факт знаменательный! Не верить нельзя... Авось, от “австрийского типа” развития судьба Россию избавит»¹⁰⁴.

Сидели в лагере и иностранцы. «Французов, – замечает Владимир Ильич, – хвалят (в плену) – товарищи хорошие... Англичан ненавидят: “гордецы; куска хлеба не даст, ежели ему пол не вымыть”». К немцам отношение весьма своеобразное. С одной стороны – «тоже своего кайзера ругают». С другой – есть чему у них поучиться. Из лагеря пленных посылали на работу в богатые крестьянские хозяйства. Воронежец Кондрат Михалев присматривался. «Как у них все налажено, – рассказывал он, – ни одна корка даром не пропадает! Вот вернусь

¹⁰⁰ Газета «Социал-Демократ», № 57, 1916, 30 декабря.

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 341.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

¹⁰³ Там же. С. 377.

¹⁰⁴ Там же.

к себе на село – так же хозяйничать буду!» «Все тяготение воронежца, – заключает Ленин, – назад, домой, к земле»¹⁰⁵.

К швейцарским рабочим Михалев относился иронически. Когда в Цюрихе его интернировали, стал ходить он на земляные работы «и все удивлялся на забитость швейцарского рабочего люда. “Иду я, – рассказывал он, – в контору получать деньги за работу, смотрю – стоят рабочие швейцарские и войти в контору не решаются, жмутся к стенке, в окно заглядывают. Какой забитый народ! Я пришел, сразу дверь отворяю, в контору иду, за свой труд деньги брать иду!”»¹⁰⁶.

И кто это говорил? Мужик, который еще вчера, как говорится, тележного скрипа боялся. «Был он из староверов, – пишет Крупская, – дедушка и бабушка поэтому запретили ему грамоте учиться: печать-де дьявола. В плену уж выучился он грамоте»¹⁰⁷. Там же выучился и «политике».

Ленин подробно расспрашивал об отношении к войне. Оба беглеца были решительно против нее. Но «насчет защиты отечества, – отмечает Владимир Ильич, – как... Плеханов... “Ежели немец прёт, как же не защищаться?” Не понимает. Обижен (и он *и еврей!!*) глубоко за то, как нещадно бьют немцы “наших”»¹⁰⁸.

В остальном политическая ориентация вполне определена: «Сочувствует социализму», – отмечает Владимир Ильич. «... Насчет царя и бога, – записывает он слова Михалева, – все-де 27 тысяч вполне покончили, насчет крупных помещиков тоже». Вывод Ленина: «Озлобленные и просвещенные вернутся в Россию»¹⁰⁹.

Впрочем, было и о чем задуматься... До сих пор Ленину приходилось иметь дело в основном с «идейными» и «учеными» оборонцами, использовавшими – и вольно и невольно – фразы о «защите отечества» для оправдания империалистической бойни. Здесь же разговор шел с людьми, ненавидящими войну, испытавшими ее ужасы на собственной шкуре. И очень скоро Владимир Ильич вводит в политический оборот крайне важное понятие – «*добросовестное оборончество*», которое он применяет при оценке настроений широких масс и особенно крестьян.

Всех тем, о которых было переговорено с Кондратом Михалевым, Владимир Ильич не перечислял. Но вполне естественно предположить, что присутствовала среди них еще одна – *братание*. О братании на Западном фронте газеты писали много. Первое состоялось в рождественскую ночь под Парижем, когда, сойдясь на нейтральной полосе, французские, английские и немецкие солдаты вместе распили шампанское, виски и шнапс по случаю наступавшего 1915 года. О братании на Балканах Ленин подробно расспрашивал болгарского социалиста Василя Коларова. А вот о том, как это происходило на Восточном фронте было известно мало. Владимир Ильич старался выудить информацию из либеральной прессы. Пытался распространить анкеты среди русских военнопленных в немецких лагерях. И вот теперь перед ним был очевидец...

На Восточном фронте братания возникали стихийно. Отправляясь на войну, русский солдат знал, что воевать ему придется или с «басурманом» или с каким-нибудь «иноверцем». Но на юго-западных участках фронта, после боев, когда для выноса раненых и уборки трупов устанавливалось затишье, он слышал с той стороны славянскую речь сербов, чехов, словаков, многие из которых, как выяснилось, были к тому же православными, «братушками». Это и положило начало «братанию»: встречам и беседам на нейтральной полосе, а иной раз

¹⁰⁵ Там же. С. 378; Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 438.

¹⁰⁶ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 438.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

¹⁰⁹ Там же.

и в окопах противника, – а также солдатскому «бартеру». Тем более что братья-славяне с удовольствием выменивали добротный русский хлеб на спиртное, которого россияне были лишены по «сухому закону» 1914 года¹¹⁰.

То, что немецкая разведка пыталась использовать братание в своих целях – факт. Но очевидно и другое: братание хоть на время прекращало братоубийство, устанавливало – пусть на малый срок – перемирие. И происходило это не по приказу генералов и офицеров, а по воле самих солдат.

Так или иначе, но Михалев стал для Ленина не просто источником информации, но и интереснейшим собеседником. И Владимир Ильич был благодарен ему за это.

Не прошли бесследно эти беседы и для Михалева... Он мечтал поступить в народный университет. Но поскольку в Цюрихе такового не оказалось, уехал в Париж. И когда его и других бежавших из плена вызвали в русское посольство, и важные чиновники, увешанные орденами, стали уговаривать подписать воззвание о защите Отечества и продолжении войны, Кондрат решительно отказался: «Встал я и сказал, что войну кончать надо, и пошел. Потихоньку вышли и другие»¹¹¹.

Там, где либералы в терявшем терпение и вековую покорность русском мужике усматривали лишь «пугачевщину», угрозу кровавого хаоса, Владимир Ильич увидел совсем другое: готовность к борьбе, пробуждение самосознания, ума, чести и человеческого достоинства. После встреч с Кондратом Михалевым он получил тому еще одно доказательство. И спор об этом Ленин вынес на страницы печати.

Собственно, предмет спора определился еще в конце предыдущего столетия, когда первые выступления рабочих – не говоря уже о крестьянских бунтах – нередко сопровождались различного рода эксцессами. Как быть? Как относиться к этому?

С первых шагов своей политической деятельности Владимир Ильич размышлял над этой проблемой. Нечеловеческие условия жизни, писал он, низвели положение российского труженика до положения скотины. Именно поэтому его протест «не может не принять буйных форм» и неизбежно выливается либо в «тупое отчаяние», либо в яростные взрывы «дикой мести». И можно, видимо, понять известного либерала Михаила Гершензона, который позднее написал в «Вехах»: «*Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹¹².

В письме Инессе Арманд Ленин отметил: «Русская революция 1905 г... состояла из ряда битв *всех* недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д.»¹¹³. Так что же – стать на сторону жандармов, усмиряющих стачки и бунты? Или возможна иная позиция? Да, возможна, считал Ленин.

Мы никогда «не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стирали разницы между “русским бунтом, бессмысленным и беспощадным”, и революционной борьбой...» Но если бунты начались, революционеры не могут «*пройти мимо*» этих протестных выступлений. Свой долг они видят в том, чтобы не отворачиваться брезгливо от «эксцессов», а просвещать и организовывать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы», учить на опыте собственных побед и поражений. Только тогда,

¹¹⁰ См. статью Астахова А. Б.: Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны. Журнал «Отечественная история». 2003. № 2.

¹¹¹ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 439.

¹¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 241, 301, 309–310, 397, 403, 409, 528; «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 5-е. М., 1910. С. 89.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.

подчеркивал Владимир Ильич, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»¹¹⁴.

Когда в 1896 году Ленин полемизировал по данному вопросу с Михайловским, Юлий Мартов был вполне солидарен с Владимиром Ильичем¹¹⁵. Но с тех пор прошло двадцать лет. В 1916 году в ряде районов России на почве голода и дороговизны произошли стихийные массовые волнения, сопровождавшиеся разгромом продовольственных лавок и избиением лавочников. Как должен отнестись к подобным выступлениям революционер? Мартов попытался дать свой ответ на этот вопрос.

«Плоха та революционная партия, – писал он, – которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами». С другой стороны, «плоха была бы та партия, которая бы считала своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами». ... В целом же «вспыхивающие на почве дороговизны народные волнения... не могут непосредственно стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу». А посему «кокетничанье» с таким движением, «легкомысленные спекуляции» на нем – «прямо преступны». Остается лишь призывать эти массы «к организованной борьбе», а именно – «к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам».

Иной ответ дал Ленин. Революционный социал-демократ, полагал он, в условиях голода и кровавой войны, ежедневно уносящей тысячи жизней, должен был обратиться к массе не с призывом к «организации кооперативов». Он должен был сказать: да, «громить лавочку нецелесообразно», ибо в голоде и войне, которые довели людей до иступления, виноват не этот мелкий лавочник, а виновато правительство. Так давайте «направим свою ненависть на правительство», а для этого организуемся, сговоримся с рабочими других городов, «устроимте посерьезнее демонстрацию», обратимся к солдатам и «привлечем к себе часть войска, желающую мира».

Вот так должен был, по Ленину, действовать настоящий революционер. И через два месяца после публикации этой статьи именно так действовали в Питере рабочие-большевики, меньшевики, эсеры, когда в столице на почве нехватки хлеба и недовольства войной вспыхнули массовые волнения. Борьба закончилась победой Февральской революции...

Впоследствии многие историки утверждали, что Февральская революция родилась из озлобления стоявших в очередях женщин и солдатских «беспорядков». Словом, из «бабьего бунта», слившегося с бунтом солдатским. Этим хотели обосновать мысль об «аполитичности» революции. Советские историки протестовали, стремясь, напротив, подчеркнуть политическую сознательность масс уже на начальном этапе революции. Пожалуй, в обоих случаях допускались «перегибы», хотя невозможно отрицать, что экономические трудности лежали в основе недовольства, породившего социальную напряженность. Как записал Ленин еще в феврале 1917 года, «нужда не признает никаких законов»¹¹⁶. Но важно понять и другое: стихия стихии – рознь. После того, как миллионы людей прошли школу первой русской революции, стихия стала понятием достаточно относительным.

Когда читаешь воспоминания об этих днях сторонних наблюдателей, складывается впечатление о некоем гигантском муравейнике, не только безликом, но и безымянном. То и дело встречаешь фразы: «Из толпы кричали: “Где вожаки? Ведите нас!”», а потом бросились к “Крестам” освобождать политических»; «На Выборгской толпа разгромила полицейский участок и захватила оружие»; «На Знаменской площади какие-то личности, взобравшись на памятник покойного государя, бросали в многотысячную толпу зажигательные призывы»;

¹¹⁴ Там же. Т. 4. С. 416.

¹¹⁵ Логинов В.Т. Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2004. С. 261.

¹¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 397.

«Когда казаки, обнажив шашки, хотели броситься на демонстрантов, из толпы вышла женщина и произнесла речь, после чего казаки повернули вспять...»

Сегодня, когда благодаря исследованиям историков можно просматривать ленту февральских событий кадр за кадром, мы видим в этой, казалось бы, безликой толпе – знакомые лица. На штурм «Крестов» солдат и рабочих двинул большевик М. И. Калинин. Захватом участка на Выборгской стороне руководил И. Д. Чугурин – ученик Ленинской школы в Лонжюмо, член ПК. На Знаменской площади с памятника Александру III выступали с речами межрайонец К. К. Юренев и меньшевик В. Гриневич. Женщина, бесстрашно вышедшая навстречу казакам, – это работница-большевичка А. И. Круглова... В нужный момент каждый из тех, кто имел за плечами опыт пятого года, не дожидаясь «директив сверху», знал свое дело и был на своем месте.

Но это произошло спустя два месяца, а в декабре 16-го года Ленин писал: предположим, что революционер столкнулся «с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против нецелесообразной формы... во имя чего? во имя целесообразных революционных выступлений...»¹¹⁷

Незадолго до нового года, 18 декабря, Ленин пишет Арманд: «Получилось сегодня еще одно письмо из СПб. – в последнее время оттуда заботливо пишут... Настроение, пишут, архиреволюционное». Через два месяца, 19 февраля 1917 года он сообщает ей же: «Получили мы на днях отрядное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник». А когда, в тот же день, большевик Слава Каспаров сообщает из Берна, что у него появилась возможность возвращения в Россию, Крупская, по поручению Владимира Ильича, сразу отвечает: «Ехать надо немедленно, а то опоздаете к “началу”»¹¹⁸. В черновых записях начала 1917 года Ленин еще более категоричен: «Der Sturm naht», – пишет он, – штурм приближается!¹¹⁹

День 15 (2) марта 1917 года складывался как обычно. С утра моросил дождь. В девять Владимир Ильич был уже в библиотеке. В 12 часов 10 минут вернулся домой, пообедал. Надежда Константиновна помыла посуду, и Ленин вновь собрался в библиотеку. Но в этот момент прибежал их знакомый – польский эмигрант Вронский: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» – и стал рассказывать о только что вышедших экстренных выпусках газет¹²⁰.

В одном из ранних вариантов воспоминаний Крупская написала: «Ильич как-то растерялся. Когда Вронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России»¹²¹.

Но если знал, ждал, то почему же «растерялся»?

Да потому, что можно знать причины, улавливать тысячи признаков приближения революции, но никому не дано предсказать ее повод, а уж тем более – дату начала. Революции не возникают по чьей-либо воле или в результате планов, выношенных революционерами. Это – результат, как любил говорить Ленин, «объективного хода вещей». Они приходят тогда, когда *власть имущие* не решают назревших проблем народной жизни *мирным путем*. А неприятие существующих порядков *самим народом* в конце концов переполняет чашу тер-

¹¹⁷ Там же. С. 232.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 340, 390; Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 169.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 398.

¹²⁰ Воспоминания о В. И. Ленине. Т.1. С. 438.

¹²¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С.118.

пения. Как, где, когда она переполнится, какое событие станет последней каплей – этого не может предугадать никто...

Об этом Ленин написал в «Социал-Демократе», вышедшем 31 января 1917 года: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс». И все-таки – «таких революций не бывает..., чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы». Через полтора года Ленин повторит: «За два месяца перед... февралем 1917 года ни один, какой угодно опытный и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию»¹²².

Среди сообщений заграничной прессы о восстании в Петрограде, которые Ленин прочел у озера, одно запомнилось: на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших на площади перед Государственной думой, красовался лозунг – «Да здравствуют социалистические республики во всех странах!»¹²³

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 347, 348; Т. 36. С. 496.

¹²³ Там же. Т. 31. С. 70.

«План Мартова»

Утром 23 (10) января 1905 года, в Женеве. Владимир Ильич и Надежда Константиновна точно так же, как обычно, шли в библиотеку. И вдруг увидели бежавших к ним Луначарских. Анна Александровна – жена Анатолия Васильевича – от волнения не могла говорить и лишь беспомощно махала муфтой. Наконец, отдышавшись, они рассказали, что по сообщениям утренних газет в России вчера началась революция...

Владимир Ильич и тогда – задолго до этого дня – писал о приближении революционного взрыва. «Но одно дело, – замечает Крупская, – чувствовать это приближение, а другое – узнать, что революция уже началась»¹²⁴.

Тогда, в 1905 году, в ожидании разрешения на въезд в Россию, пришлось сидеть в Женеве почти год. Лишь 8 ноября он приехал в Петербург. К этому времени все уже сложилось и определилось. И хотя его письма и статьи сыграли свою роль в развитии событий, что-то изменить было уже нельзя. Когда ему, в частности, стало известно о подготовке декабрьского восстания в Москве, он написал: «Я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают»¹²⁵.

И вот опять: в России победила революция, а он сидит в этом «проклятом далеке», за тысячи верст от событий, которых ждал всю жизнь... Медлить было нельзя – в этом Ленин был абсолютно уверен. И уже там – у озера, у витрин с газетами, сообщавшими о событиях в Петрограде, он сказал Сергею Багоцкому: «Надо готовиться к отъезду в Россию».

15 (2) марта Владимир Ильич пишет Инессе Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в ажита-ции... Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно. Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!!»¹²⁶. Ибо именно через нее лежал путь в Россию.

Приехал из Берна Григорий Зиновьев. Несколько часов, пишет он, бродили по улицам «бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда “Новой цюрихской газеты”, строя догадки на основании отрывочных сведений. Но не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки. Надо ехать!»¹²⁷

Легальная дорога была одна: через Францию в Англию, затем из Англии на пароходе в Норвегию или Голландию, а оттуда – через Швецию – в Питер. Значит, надо было получить французскую, английскую, норвежскую или шведскую визы и разрешение на пересечение русской границы. И уже тогда, в первые дни, появились признаки того, что эта дорога открыта не для всех и что, как выразился Зиновьев, «мы сидим за семью замками» и в Россию «прорваться будет нелегко»¹²⁸.

Появились слухи, что в российских посольствах имеются на сей счет какие-то «черные списки». Слухи оказались вполне достоверными. Еще в 1915–1916 годах военные представители Англии, Франции и России составили «международные контрольные списки» на лиц, коим запрещался въезд во все страны Антанты. Среди других «нежелательных категорий», в них были внесены и те эмигранты, которые «подозреваются в пропаганде мира». Всего в «черных списках» значилось около 6 тысяч человек¹²⁹.

¹²⁴ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 277, 278.

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

¹²⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 121.

¹²⁸ Там же. С. 122.

¹²⁹ См. статью Лукашева А. В.: Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. Журнал «История СССР». 1963. № 5. С. 5.

17 (4) марта 1917 года Ленин получает телеграмму из Христиании (Осло) от Коллонтай, Пятакова, Бош и Ганецкого: «Вашу поездку в Россию считаем необходимой...» И Владимир Ильич отвечает: «Сейчас получили Вашу телеграмму, сформулированную так, что почти звучит иронией... Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»¹³⁰.

Вечером того же дня в заграничных газетах появляется сообщение о том, что Временное правительство России объявило амнистию «по делам политическим и религиозным». Это внушало какие-то надежды. И уже на следующий день Ленин поручает Арманд «узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать» на родину через Англию. Тогда же, 18 марта, он просит жену большевика Георгия Сафарова – 26-летнюю Валентину Мартошкину – зайти в английское консульство и прямо там прозондировать ситуацию. Ответ английского посланника был прост и прямолинеен: «Через Англию вообще нельзя». И 19-го Владимир Ильич сообщает Арманд: «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем... Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма “особых” мер»¹³¹.

О том, какие это меры, он пишет в Женеву Вячеславу Карпинскому: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию*) в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике»¹³². Ответ Карпинского разочаровал: оказывается, он уже давно значился во всех проскрипционных списках, ибо когда-то проходил по делу «знаменитого террориста» Камо (С. А. Тер-Петросяна).

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, – рассказывала Крупская, – и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана»¹³³. Да и сам он понимал это. «Конечно, – пишет Владимир Ильич Арманд, – нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь...»¹³⁴

Это было написано утром 19 (6) марта. Но днем произошло событие, которое породило новые надежды...

Сразу после получения известий о революции все российские политические эмигранты, независимо от партийной принадлежности, стали собираться для обмена информацией. Главным предметом дискуссии был тот же вопрос: о путях возвращения на родину. Невозможность проезда через Англию становилась все более очевидной. И на частном совещании представителей различных партийных групп, состоявшемся в Берне 19-го, Юлий Мартов выдвинул план проезда эмигрантов и других российских граждан, застрявших в связи с войной в Швейцарии, через Германию в обмен на интернированных в России немцев.

Ничего необычного в этом предложении не было. В годы войны царское правительство не раз практиковало такой обмен. Кстати, именно так – через Германию и Швецию – вернулся в Россию известный ученый Максим Ковалевский. В Петрограде ему устроили торжественную встречу и сам Милюков, приветствовавший его на вокзале (ставший в марте 1917-го министром иностранных дел Временного правительства), не находил в этом маршруте ничего предосудительного. Вот и участники совещания в Берне 19 марта – лидер меньшевиков Мартов, лидер эсеров Натансон, Бунда – Косовский и представитель большевиков

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 401, 402; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 134.

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403, 404–405, 409.

¹³² Там же. С. 404.

¹³³ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 434.

¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405.

Зиновьев – сочли «план Мартова» о проезде через Германию – «наиболее благоприятным и приемлемым»¹³⁵.

Получив от Зиновьева это известие, Владимир Ильич делает приписку к письму Инессе Арманд от 19 марта с просьбой поискать среди лояльных «богатых и небогатых русских социал-патриотов» тех, кто мог бы «попросить у немцев пропуска – вагон до Копенгагена для разных революционеров... Я не могу этого сделать. Я “пораженец”... Вы скажете, может быть, немцы *не* дадут вагона. Давайте пари держать, что *дадут!*»¹³⁶

Карпинскому Ленин пишет подробнее: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. *Нас* заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты – русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п....) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне... План, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»¹³⁷.

План Мартова был тем более хорош, что именно в эти дни, как сообщил в Петроград российский поверенный в делах в Швейцарии Ону, по требованию военного министерства Великобритании, английскими консулами была полностью «прекращена виза паспортов на проезд в Россию и скандинавские страны». Граф П. А. Игнатъев доложил из Парижа в Питер данные русской контрразведки: «Установлено, что Ленин и его группа безусловно просили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано». В свою очередь французская разведка информировала, что Ленин и другие большевики «запросили в вице-консульстве Англии в Лозанне разрешение на право проезда через Англию, но так как им было отказано в их просьбе, они обратились в германское консульство»¹³⁸.

Впрочем, это произошло позднее, а пока надо было начинать официальные хлопоты. В предшествующих случаях проезда русских эмигрантов через Германию в роли посредника выступало правительство Швейцарии. И участники совещания в Берне 19 марта обратились к одному из лидеров швейцарских социал-демократов, государственному советнику Роберту Гримму с просьбой прозондировать этот вопрос¹³⁹. Одновременно, 20 марта, по поручению Ленина, Зиновьев телеграфирует Пятакову, отъезжавшему из Норвегии, чтобы по прибытии в Петроград большевики добивались от Временного правительства привлечения Швейцарии к переговорам с Берлином о пропуске российских эмигрантов через Германию¹⁴⁰.

Между тем, выполняя поручение, Роберт Гримм встретился с лидером либеральной партии, адвокатом, министром Артуром Гофманом, руководившим внешней политикой. Но тот ответил, что «швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета»¹⁴¹. Это не исключает того, добавил министр, что – в качестве *частного лица* – сам Гримм вполне может выступить в этой роли.

А «план Мартова» приобретал с каждым днем все больше сторонников. 23 (10) марта представители различных партийных групп сформировали единую организацию из числа меньшевиков, большевиков, польских, латышских, литовских, еврейских социалистов и социал-демократов, эсеров, анархистов и т. д. Вошли в нее и те, кого называли социал-патриотами. Избрали «Центральный Комитет по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, на родину». Председателем ЦК стал меньшевик Семковский,

¹³⁵ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 40, 92.

¹³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405, 406.

¹³⁷ Там же. С. 406.

¹³⁸ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7–9).

¹³⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92, 95.

¹⁴⁰ Ленинский сборник. XIII. С. 254.

¹⁴¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92.

секретарем – польский социал-демократ Багоцкий¹⁴². Этот ЦК и дал полномочия Гримму на ведение переговоров с германскими дипломатами. В тот же день 23 (10) марта Гримм встретился с немецким посланником бароном Гизбертом фон Ромбергом и из Берна в МИД Германии ушла телеграмма: «Выдающиеся здешние революционеры имеют желание возвратиться в Россию через Германию...»¹⁴³

В театральной режиссуре существует понятие – «симультанное действие». Сценическая площадка или круг разбиваются на несколько секторов, где одновременно происходят те или иные эпизоды пьесы. Персонажи, находящиеся в разных секторах, как бы не подозревают о том, что делается рядом. Но именно одновременность происходящего в разных частях сцены создает единое драматическое действие...

В истории нечто подобное происходит очень часто. И лишь последующие исследования позволяют выявить не только одновременность, но и взаимосвязь различных событий.

Ну чего ради уперлись англичане и французы с этими визами и пропусками? Почему, вопреки обыкновению, швейцарское правительство отказалось от посредничества? А в чем причина той медлительности, которую проявило российское правительство в ответ на просьбы о возвращении эмигрантов? И почему немцы столь оперативно пошли навстречу?

Для ответа на эти вроде бы частные вопросы необходимо, видимо, обратиться к проблемам более общим и более масштабным.

Мировая война длилась уже более двух лет. Жертвы ее исчислялись уже многими миллионами. И каждая из противостоящих сторон нуждалась в скорой и решительной победе. 6 апреля (24 марта) 1917 года в войну – на стороне Антанты – должны были вступить США. На 9 апреля (27 марта) планировалось начало наступления союзных войск во Франции, в Аррасе, в районе реки Эн. Но оно сулило успех лишь в том случае, если не менее 70 немецких дивизий будут скованы на Восточном фронте.

Временное правительство еще 18 (5) марта известило через свои зарубежные представительства, что Россия выполнит свой союзнический долг. Но разведка и послы стран Антанты сообщали, что положение самого российского правительства достаточно шатко. Что «двоевластие», сложившееся в стране, связывает ему руки, ибо реальная сила находится у Советов. И что правительство удерживает власть лишь потому, что во главе Советов стоят те социалисты, которых называют «соглашателями».

В таких условиях возвращение в Россию из эмиграции более левых и более авторитетных лидеров, выступающих против войны, могло поколебать неустойчивое равновесие «двоевластия» и сорвать военные планы союзников. Вот почему Англия и Франция заняли столь жесткую позицию по вопросу о возврате эмигрантов и вынуждены были прибегнуть к их «селекции».

Именно поэтому, когда патриарх российской социал-демократии «оборонец» Плеханов решил вернуться в Россию, ему и сорока его сторонникам англичане предоставили военный корабль, который – в сопровождении миноносцев (для защиты от немецких субмарин) – и довез их до Норвегии.

А вот когда из Парижа в Англию, оформив все необходимые документы для отъезда на родину, прибыл лидер эсеров Виктор Чернов, значившийся в «черных списках», его немедленно интернировали и выдворили обратно во Францию. Та же участь постигла и одного из меньшевистских лидеров Льва Троцкого. С группой своих сторонников он попытался выехать из США в Россию на норвежском пароходе. Но в Галифаксе, по приказу английского адмиралтейства, их сняли с корабля, арестовали и интернировали в Канаде¹⁴⁴.

¹⁴² Там же. С. 35, 36, 92, 95; Лукашев А. В. Статья в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 11).

¹⁴³ Солженицын А. И. Ленин в Цюрихе. ИМКА-Пресс, 1975. С. 201.

¹⁴⁴ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7).

А потом пришло сообщение, что известные революционеры- эмигранты П. Карпович и Я. Янсон, добившиеся разрешения на выезд из Англии в Россию, погибли в результате подрыва их парохода немецкой подлодкой в Северном море. И Вера Фигнер, возглавлявшая в Петрограде Комитет помощи политическим ссыльным, подвела итог: «Теперь нашим изгнанникам есть только два пути возвращения в Россию – через Германию или через смерть»¹⁴⁵.

Германия стала другой сценической площадкой, где одновременно развивались события, повлиявшие на судьбу швейцарских эмигрантов. Двухлетняя война на два фронта истощила ресурсы страны. Немецкое верховное командование принимало отчаянные меры, чтобы разобщить союзников. Оно тратило сотни миллионов марок на содержание шпионской сети, подрывную работу и прогерманскую пропаганду в Англии, Франции, Италии, Румынии и других странах. Но особое внимание уделялось России. Для противостояния на Западном фронте необходима была прежде всего нейтрализация Восточного. И Германия была готова поддержать любые организации, группы, которые могли бы дестабилизировать обстановку в России.

Шел поиск контактов в придворных и правительственных кругах, среди влиятельных промышленников и банкиров, издателей газет и журналистов, финских, украинских, кавказских сепаратистов. Через германских и австрийских социал-демократов предложения о денежных субсидиях делались эсерам (Чернову, Камкову), меньшевикам (Чхенкели), большевикам (Коллонтай, Шляпникову). Однако, как сообщала хорошо осведомленная заграничная агентура Департамента полиции, все предложения и эсеры и социал- демократы решительно отвергли¹⁴⁶.

А 12 января 1915 года к Ленину на бернскую квартиру явился меньшевик В. Д. Мгеладзе с письмом из Константинополя от одного из лидеров «Союза освобождения Украины» М. И. Меленевского (Басок). Этот «Союз» уже вступил в контакт с Германским генеральным штабом, и Меленевский предлагал большевикам сотрудничество в общей борьбе с царизмом.

В беседе с Лениным Мгеладзе (Триа) проговорился «про связь этого Союза с немецким правительством... Я, – пишет Ленин, – был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа написал ответ Баску... Я заявлял, что так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего»¹⁴⁷. С этим письмом Ленин и выставил Мгеладзе за дверь.

Спрос, особенно неудовлетворенный, всегда рождает предложения. И вот, в марте 1915 года в Берлин из Константинополя прибыл известный авантюрист, бывший российский, а затем германский социал-демократ доктор А. Л. Гельфанд, более известный под псевдонимом Парвус. Он и предложил германскому правительству свои услуги «по организации революции в России».

Любопытно, что аналогичное предложение в 1916 году было сделано и царскому правительству России. Некто капитан Брагин представил «Проект организации революционного движения в Германии». Предполагалось с помощью немецких социал-демократов развернуть в германской армии антивоенную пропаганду, а также через широкую сеть агентов вызвать беспорядки на фронте и в тылу. Военный министр одобрил проект, но его советники сочли сумму в 40 млн. золотых рублей, запрошенную Брагиным, непомерной и его идея так и не была реализована¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 74.

¹⁴⁶ См. там же. С. 13, 22, 46.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 118; Т. 49. С. 50.

¹⁴⁸ Антонов-Овсенко А. В. «Напрасный подвиг?». М., 2003. С. 163.

Однако для немецких чиновников, убежденных в том, что все происходящее на свете возможно лишь как результат указаний начальства и щедрого финансирования, «меморандум доктора Гельфанда» не показался вздором. И ему – под расписку – был выдан один миллион рублей. По заверениям его куратора – немецкого посланника в Копенгагене Брокдорф-Ранцау вся эта сумма целиком была якобы доставлена в Петроград уже к январю 1916 года¹⁴⁹.

На российском горизонте Парвус появился еще во времена «Искры». Позднее он стал активным меньшевиком. В 1905 году – вместе с Троцким – выдвинулся на первые роли в Петербургском совете рабочих депутатов. Был арестован, сослан, бежал, эмигрировал. И уже тогда у него стала складываться дурная репутация человека непорядочного, явно неравнодушного к деньгам и «шикарной жизни». Эту репутацию Парвус вполне оправдал, и в годы мировой войны нажил огромное состояние на военных поставках и контрабанде из Турции в Германию, из Германии в Данию, Россию, на Балканы. Но страсть к политике не оставляла его, что и привело к появлению упомянутого выше «Меморандума». Какие-то связи с Питером еще оставались, но их было явно недостаточно даже для имитации предложенного проекта.

Выход был один – установить связь с большевиками, которые, несмотря на репрессии, сохранили общероссийскую организацию. Об отказе Ленина от контактов с Меленевским Парвус наверняка знал, ибо в Константинополе они общались достаточно тесно. Возможно он был причастен и к самой инициативе Баска. Поэтому, не надеясь на посредников, в мае 1915 года он сам приехал в Швейцарию для встречи с Лениным.

Сведения об этой встрече сохранились в мемуарах Парвуса. Во времена, когда писались его воспоминания, он многое дал бы за то, чтобы приписать Ленина к своим делам. Увы, оснований не оказалось. И Парвус ограничился кислым замечанием о том, что Ленин отказался и от сотрудничества и от предложенных денег. К аналогичному выводу, анализируя данную встречу, приходит и американский исследователь Д. Шуб: «Парвусу не удалось добиться сотрудничества Ленина, и в использовании им нелегальной большевистской организации ему было отказано»¹⁵⁰.

Мемуары Парвуса считались единственным подтверждением самого факта встречи. Однако, существует еще одно свидетельство. Принадлежит оно бывшему эсеру, потом анархо-синдикалисту, а с 1913 года социал-демократу (плехановцу) Артуру Рудольфовичу Зифельдту, жившему в Берне в 1915 году. Причем воспоминания его были опубликованы в Баку в январе 1924 года, то есть до появления мемуаров Парвуса.

Зифельдт рассказывает, как весной 15-го года – а было ему тогда 26 лет – он спешил в столовую и по дороге встретил знакомую меньшевичку [Катю Громан] с каким-то малопривычным толстым господином. Она представила его – Парвус. А тот, в свою очередь, попросил Артура проводить его к Ленину. Но случилось так, что именно в этот момент на улице показались Ленин, Крупская и Каспаров, тоже спешившие в столовую. Парвус сказал, что хотел бы поговорить с Владимиром Ильичом, и Ленин пригласил его домой. «А я, – пишет Зифельдт, – пошел с Каспаровым в столовку обедать, а потом быстрым шагом, раздираемый любопытством, к Ильичу... Вхожу и застаю одного Ильича с Н.К. – “А где же Парвус?” Оказывается, что политическая беседа... была очень коротка. Не успел шейдемановский агент изложить до конца свою “платформу” и свои “предложения”, как Ильич кратко, но выразительно сказал, что им не по пути, и вежливо выпроводил Парвуса, выразив пожелание отныне больше его не видеть», то есть, говоря проще, выставил за дверь¹⁵¹.

¹⁴⁹ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 38, 39, 41, 42.

¹⁵⁰ Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 87. С. 306–307.

¹⁵¹ «Бакинский рабочий». Баку, 1924. №№ 24, 29, 31 (январь – февраль).

А в центральном органе большевиков газете «Социал-Демократ» появилась статья «У последней черты», где Владимир Ильич писал: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике [«Колокол»] до... последней черты... Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России»¹⁵². Для человека, мечтавшего о возвращении на роль *публичного политика*, это была убийственная публикация. И Александр Шляпников пишет, что все большевистские организации сразу же прекратили с Парвусом «всякие отношения»¹⁵³.

Время шло. Революция в России произошла без ведома и «указаний» Парвуса. И немцы уже сожалели о потерянном миллионе. Как вдруг, уже упоминавшаяся телеграмма в МИД, отправленная из Берна 23 (10) марта 1917 года бароном фон Ромбергом – о желании российских революционеров проехать через Германию, – дала Парвусу надежду вновь оказаться причастным к ходу событий.

По поводу телеграммы Ромберга МИД запрашивает мнение германского посланника в Стокгольме барона фон Люциуса, в Копенгагене – посланника Брокдорф-Ранцау, с которыми доктор Гельфанд поддерживал тесные связи. И Парвус рисует им радужные для Германии перспективы в случае возвращения в Россию – с его, конечно, участием – швейцарских эмигрантов.

Вне зависимости от нащептываний Парвуса, Ранцау убеждает в целесообразности «гениального плана: прогнать дьявола при помощи черта» ряд ответственных чиновников: барона фон Мальцана в МИДе, руководителя военной пропаганды депутата рейхстага Эрцбергера, начальника разведотдела генштаба полковника Николаи. А они, в свою очередь, сумели убедить и рейхсканцлера Германии Теобальда Бетман-Гольвега. И статс-секретарь МИДа Артур Циммерман телеграфирует в ставку верховного командования: «Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, кажется уместным разрешить им проезд». 25 марта ставка предложение одобрила и 26 (13) – го МИД направил Ромбергу в Берн телеграмму: «Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имен должны быть представлены за 4 дня»¹⁵⁴.

О всей этой чиновной переписке Ленин, естественно, ничего не знал. Проходили дни и ему казалось, что надежд на скорое легальное возвращение в Россию становится все меньше. «В Россию, должно быть, не попадем!! – с горечью пишет он Арманд. – Англия не пустит. Через Германию не выходит». И о том же – Ганецкому: «Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»¹⁵⁵.

Ленин опять начинает думать о вариантах нелегальных. Конечно, уже не о аэроплане, но планах не менее курьезных. Он попросил Бронского, рассказывает Крупская, «разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию». Потом он конкретизирует идею. «Получаю вдруг, – вспоминал Ганецкий, – телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и две фотографии – его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: “Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шве-

¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82, 83.

¹⁵³ См.: Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 27, 28.

¹⁵⁴ См.: Солженицын А. И. Ленин в Цюрихе. С. 201; более полный текст см.: Соболев Г. Л. Тайна “немецкого золота”. С. 64; Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 20, 62.

¹⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414, 419.

дов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые»¹⁵⁶.

Крупская смеялась: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед». О том же писал и Ганецкий: «Я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план...»¹⁵⁷

Телеграмма, о которой рассказал Ганецкий, это, видимо, телеграмма Ленина 23 (10) марта: «Письмо послано. Дядя желает получить подробные сведения. Официальный путь для отдельных лиц неприемлем. Пишите срочно Варшавскому [Бронскому]»¹⁵⁸. Если письмо пришло через «три дня», то это, видимо, 26 или 27 марта.

Трудно сказать, действительно ли смеялся тогда Ганецкий, но задание он выполнил. Среди сотрудников конторы Парвуса в Берлине был коммерсант Георг Скларц. Ганецкий и Бронский знали, что у него довольно тесные контакты с таможенными чиновниками и контрабандистами, но, конечно, никак не думали, что Скларц связан и с германской разведкой. Но самое любопытное, что – судя по немецким документам – ни Скларц, ни Парвус о данной затее ничего своим хозяевам не сообщили.

И основания для этого были...

О ходе переговоров германского МИДа со ставкой относительно «группового транспорта» русских эмигрантов немцы Парвуса не информировали¹⁵⁹. И у него, видимо, появилось ощущение, что главное опять проходит мимо него. Поэтому, когда Скларц сообщил о запросе Ленина, Парвус решил, что судьба наконец-то дает ему шанс вновь оказаться в центре событий. Фразу Владимира Ильича в телеграмме Ганецкому о том, что «официальный путь для отдельных лиц неприемлем» – он игнорировал. Главным было – заманить Ленина в Берлин...

Так или иначе, но в конце марта Георг Скларц примчался в Цюрих. Через свою знакомую Дору Долину он связывается с Михаилом Бронским и предлагает свои услуги для того, чтобы получить разрешение на проезд через Германию Ленина и Зиновьева. Когда Бронский рассказал об этом Ленину, Владимир Ильич насторожился и попросил встретиться со Скларцем вторично, чтобы выяснить – от чьего имени он действует. А Ганецкому 28 (15) марта телеграфировал: «Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена или русское договорится об обмене всех эмигрантов...»

Во время второй встречи с Бронским Скларц заявил, что сам довезет Ленина и Зиновьева до Берлина, потом проговорился о Парвусе и, наконец, стал предлагать деньги для переезда. Как пишет Платтен, все это окончательно «убедило Ленина, что посредник по этому делу – агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры». А Ганецкому 30 (17) марта Владимир Ильич вновь телеграфирует: «Ваш план неприемлем... Единственная надежда – пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев». В тот же день, в письме Ганецкому, Ленин еще раз пояснил: «Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю “Колокола” [Парвусу], я, конечно, не могу»¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 118, 135.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 408.

¹⁵⁹ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 61–62.

¹⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 61, 62, 185.

Письмо пришло в Стокгольм 2 или 3 апреля. Ганецкий понял, что фотографии для паспортов уже не понадобятся, «однако фотографию Владимира Ильича, – пишет он, – я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей “Политикен”...»¹⁶¹ Действительно, 6 апреля (24 марта) эта газета опубликовала и портрет Ленина и статью о нем, написанную Вацлавом Воровским.

Так уж случилось, что пятница, 30 (17) марта, стала решающим днем...

Когда 26 марта имперский посланник в Берне барон фон Ромберг получил разрешение МИДа на групповой проезд русских эмигрантов, он тотчас сообщил об этом Гримму и был уверен, что списки отъезжающих получит в ближайшие дни. Но не тут-то было.

Принимая предложение о посредничестве в переговорах, Гримм вынашивал и свои честолюбивые планы. Ему казалось, что, общаясь с официальными представителями России и Германии, он сможет выступить в исторической роли миротворца. Позднее он сам признался, что вступил «*на путь тайной дипломатии*» для того, чтобы ускорить заключение сепаратного мира между Германией и Россией, дабы «спасти русскую революцию»¹⁶².

Теперь же, после информации Ромберга, выяснилось, что никаких контактов с официальными представителями не будет. И лишь 30 марта Гримм сообщает объединенному эмигрантскому ЦК о получении разрешения на групповой проезд через Германию. При этом он настаивает на получении соответствующей санкции у Временного правительства, после которой возобновит переговоры¹⁶³. Проблема снова загонялась в тот же тупик.

Как и о чем разговаривал Гримм с Ромбергом? Кто именно настаивает на санкции российского правительства – Гримм или Ромберг? Обо всем этом ничего не было известно. И вообще, «мы не были осведомлены, – пишет Платтен, – насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом»¹⁶⁴.

Ленин решает посоветоваться с многоопытным журналистом Карлом Радеком. Узнав у Бронского, что Карл Бернгардович отдыхает в Давосе, он договаривается о встрече. Радек немедленно приезжает в Цюрих вместе с гостившим у него немецким адвокатом, депутатом рейхстага, левым «циммервальдистом» Паулем Леви, и они обсуждают сложившееся положение.

Что касается отвергнутого нелегального варианта, то – в отличие от Крупской и Ганецкого – Леви смеяться не стал. «Это грозит расстрелом», – сказал он. Радек дополнил: «Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабандисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства...»¹⁶⁵

Значит, оставался только легальный вариант. И для его реализации необходимо было прояснить, готовы ли немцы продолжить переговоры без санкции правительства России. Радек и Леви тут же попросили знакомого корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер Цейтунг» доктора Дейнгарта спросить об этом Ромберга. Посланник сразу ответил, что немедленно «снесется с Берлином»¹⁶⁶.

И, наконец, в тот же день, 30 марта от Ганецкого приходит срочная телеграмма. Из Питера в Стокгольм прибыла партийный курьер М. И. Стецкевич. Она привезла газеты, письма для Владимира Ильича, но главное – и об этом была телеграмма Ганецкого – требование Русского Бюро ЦК большевиков немедленного приезда Ленина в Россию, ибо «нашим не

¹⁶¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 135.

¹⁶² См. там же. С. 51, 74, 75.

¹⁶³ См. там же. С. 95.

¹⁶⁴ См. там же. С. 47.

¹⁶⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 127.

¹⁶⁶ Там же.

достаёт руководства» и «каждый упущенный час ставит все на карту»¹⁶⁷. Этот вполне официальный вызов стал для Ленина, пожалуй, самым важным импульсом дальнейших решительных действий и, в частности, для того, чтобы взять инициативу в свои руки.

Он вновь и вновь просчитывает все возможные варианты. Взвешивает те политические последствия, которые могла иметь поездка через Германию. «Это был единственный случай, – вспоминал зашедший к Владимиру Ильичу Вилли Мюнценберг, – когда я встретил Ленина в сильном волнении и полным гнева. Короткими и быстрыми шагами он обходил маленькую комнату и говорил резкими обрывистыми фразами... Окончательным выводом всех его слов было: мы должны ехать, хоть сквозь пекло»¹⁶⁸.

В субботу вечером, 31 (18) марта, Пауль Леви сидел в кафе цюрихского Народного дома. Внезапно его позвали к телефону. Звонил сам барон Ромберг. Он сказал, что искал его по всему городу и не может ли господин депутат связаться с Лениным, ибо с минуты на минуту ждет окончательных инструкций из Берлина на свой запрос 30 марта¹⁶⁹. Ромберг сказал правду. В этот день в Германском генеральном штабе прошло совещание по поводу проезда русских революционеров. Сотрудник имперского разведотдела «Восток» капитан Бурман заявил, что «хотя его отдел и не придает этой акции большого значения, он хотел бы получить список проезжающих как можно быстрее». Остальные участники совещания поддержали его¹⁷⁰.

Пауль Леви немедленно разыскал Ленина и сообщил ему о звонке из посольства. Надо было решать. Не терять время, не начинать бесконечных словопрений с представителями различных партийных групп, как это делалось до этого, а принимать конкретное решение от имени большевиков, а уж затем ставить его на всеобщее обсуждение.

И Ленин пишет постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП, в котором заявляет, что предложения о групповом проезде, сделанные Гримму, «вполне приемлемы» и являются «единственным выходом». Что «дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима». А посему «предложение немедленного отъезда нами принято, и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться». Постановление подписывают Ленин и Зиновьев. Оно немедленно отправляется в большевистские группы Швейцарии, представителям других партий, объединенному ЦК русских политэмигрантов, а затем печатается листовкой¹⁷¹. Вечером в Берн уходит телеграмма Гримму: «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию... Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить нам решение»¹⁷².

Если бы где-то в Швейцарии взорвали бомбу, это, вероятно, произвело гораздо меньшее впечатление. Утром 1 апреля (19 марта) позвонил Гримм. Он заявил, что ни в коем случае не возобновит контактов с Ромбергом без санкции Временного правительства и считает «свою миссию исчерпанной». В тот же день из Лозанны Владимир Ильич получает телеграмму Марка Натансона о том, что эсеры будут выступать против решения большевиков¹⁷³.

Но Ленина это не останавливает. Он телеграфирует Ганецкому, просит его выслать 2–3 тысячи крон и сообщает, что выезд возможен в среду 4 апреля (22 марта) и ехать готовы уже

¹⁶⁷ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 13, 14).

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ См.: Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67, 68.

¹⁷⁰ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 64, 65.

¹⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 83–84; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 93.

¹⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424.

¹⁷³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 96; См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 14–15).

минимум 10 человек. А Инессе Арманд пишет: «Надеюсь, что в среду мы едем – надеюсь, вместе с Вами»¹⁷⁴.

Английская и французская разведки внимательно следили за событиями в Швейцарии. Когда, по их мнению, вопрос о поездке русских революционеров сдвинулся с места, они потребовали от российского правительства решительных мер. Министр иностранных дел Милюков ответил английскому послу лорду Бьюкенену: «Единственное, что можно было бы предпринять, – это опубликовать их фамилии и сообщить тот факт, что они направляются через Германию; этого было бы достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию». Впрочем, этим разговором Милюков не ограничился. В популярной французской газете «Le Petit Parisien» было опубликовано его заявление о том, что каждый, кто вернется на родину через Германию, будет немедленно объявлен государственным преступником и предан суду¹⁷⁵.

На следующий день, 2 апреля, в рабочем клубе «Eintracht» состоялось собрание представителей эмигрантских центров – меньшевиков, эсеров, групп «Начало», «Вперед» и Польской партии социалистов. После выступления Ленина, обосновавшего решение Заграничной коллегии ЦК РСДРП, начались прения, вернее – не прения, а сплошной крик...

Владимир Ильич прекрасно понимал, что вопросов действительно возникает множество. Не играем ли мы на руку немцам, принимая их предложение? Не используют ли они нас в своих корыстных целях? Верно ли, что российские власти за проезд через Германию собираются сажать в тюрьму? И как воспримет эту поездку российское общественное мнение? Какова будет реакция русских рабочих?

Чтобы ответить, надо было, видимо, сначала определить главное. О чем идет речь – о судьбе, благополучии, комфорте самих эмигрантов? Или о чем-то более существенном? Для Ленина этот вопрос был уже решен...

В России началась народная революция. Идет борьба различных сил за влияние на массы. Там, в Питере, российские цекисты-большевики не могут противостоять таким умудренным политикам, как Милюков, Гучков, Керенский, которые, объявив войну не «империалистической», не «реакционной», а «оборонительной» и «революционной», по-прежнему будут гнать на кровавую бойню миллионы людей. Сама мысль об этом приводила Ленина в ярость. И он считал, что в таких условиях сидеть и ждать милости от такого правительства не только наивно, но и преступно.

Что касается тюрьмы, то ее вероятность не исключена. Ведь сослали же в гиблый Туруханский край, при попустительстве IV Государственной думы, за антивоенную пропаганду рабочих депутатов. Ведь сидит же в шведской тюрьме редактор газеты, интернационалист Карл Хёглунд. Сидит же с 1916 года в каторжной тюрьме Люкау, с одобрения немецкого рейхстага, Карл Либкнехт. И англичане и французы «используют» его в своих корыстных целях. Они тайно распространяют по Германии его письма в суд при королевской военной комендатуре в Берлине, его антимилитаристские памфлеты, разоблачающие германское правительство, призывающие пролетариат к интернациональной борьбе против войны. Английское ли правительство подвергает преследованиям учителя Джона Маклина за антивоенную деятельность, обвиняя его в «пособничестве врагу». Но настоящие революционеры-интернационалисты не могут вести себя по-другому...

Ну, а относительно того, не скомпрометирует ли эта поездка политэмигрантов в глазах русских рабочих, Ленин на собрании 2 апреля сказал: «Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для

¹⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 425.

¹⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428; см. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех»¹⁷⁶.

Однако все аргументы Ленина большинством собравшихся были отвергнуты. В принятой резолюции постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП признали политической ошибкой. «По поводу отъезда, – писала Крупская Каспарову, – меньшевики и с.-р. подняли отчаянную склоку... Считают отъезд через Германию ошибочным, надо-де сначала добиться согласия – одни говорят Милюкова, другие – Совета рабочих депутатов. Одним словом, по-ихнему выходит: сиди и жди»¹⁷⁷. Владимир Ильич отреагировал более жестко: «Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, “боящихся” того, что скажет “общественное мнение”, *т. е.* социал-патриоты!!!»¹⁷⁸

Решение этого собрания не остановило Ленина. Он переходит в комнату правления рабочего клуба, где его ждали Радек и Мюнценберг. Подвели итоги. Теперь, когда «общее дело» сорвано, об отъезде 4 апреля не может быть и речи, а переговоры с немцами нужно вести не от имени объединенного ЦК политэмигрантов, а только от «группы Ленина». А стало быть, надо менять и посредника. Тем более, сам Grimm заявил вчера по телефону, что его «миссия исчерпана».

Выбор пал на Фрица Платтена, честность которого была вне всяких сомнений. Ему позвонили. Он пришел в половине второго. И после недолгих уговоров согласился. Теперь было важно, чтобы Grimm представил его Ромбергу как своего преемника. На это можно было рассчитывать, ибо сам Grimm – в том же телефонном разговоре – сказал, что «охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры...»¹⁷⁹

С этой проблемой решено было покончить сразу. Быстро оформив выписку о снятии с учета в Цюрихе и отъезде в Россию¹⁸⁰, Ленин, Крупская, Зиновьев, его жена Лилина, в сопровождении Платтена и Радека поездом выехали в Берн. Около 9 вечера Гримма нашли в Народном доме и разговаривали с ним в вестибюле, стоя. Ленин изложил ситуацию и, вопреки ожиданиям, Grimm сразу же заявил, что готов продолжить переговоры. Когда же Владимир Ильич сказал, что эта функция возложена на Платтена, Grimm процедил, что «он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен, хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. “А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти”».

Однако «мы, – рассказывает Радек, – поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой и мы его не хотим беспокоить». После фразы о «плохом дипломате» Владимир Ильич «посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмурив один глаз, а после его ухода сказал: “Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело”»¹⁸¹.

Было уже поздно. Ночевать остались в номерах при Народном доме. И Ромбергу позвонили лишь днем 3 апреля (21 марта). Накануне имперскому посланнику пришла шифровка МИД из Берлина: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии». В этой связи рекомендовалось «в обсуж-

¹⁷⁶ В. И. Ленин Биографическая хроника. Т. 4. С. 32–33.

¹⁷⁷ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

¹⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 427.

¹⁷⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 46, 96.

¹⁸⁰ См.: «Известия», 1926, 12 июня.

¹⁸¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 47, 63, 96, 128.

дениях с представителями комитета действовать с максимально возможной скоростью»¹⁸². Поэтому когда Платтен позвонил, Ромберг сразу принял его и заявил, что готов продолжить переговоры.

Теперь необходимо было выработать условия проезда. Над этим сидели и в ночь на третье и весь последующий день. Видимо, именно к этому времени относится так называемое «письмо Ганецкому» Ленина, так и не понятое его публикаторами. Не Ганецкий был его адресатом, а тот, кому предстояло встретиться с Ромбергом. И не об Англии в нем шла речь – это писалось из соображений конспирации, – а о Германии. Ибо о каком экстерриториальном вагоне можно было договариваться при очень коротком проезде – из порта в порт – через *союзную* России страну. Да и Платтен в качестве официального руководителя поездки появился лишь 2 апреля¹⁸³.

Основные пункты условий проезда определились сразу. Во-первых, руководитель поездки Фриц Платтен получает право везти любое число лиц, независимо от их взглядов на войну и без проверки на границе их документов. Во-вторых, вагон с эмигрантами пользуется правом экстерриториальности, что позволит избежать любых контактов с немецкими гражданами. В-третьих, проезд оплачивают сами эмигранты. И, наконец, единственное обязательство, которое они берут на себя – это агитировать в России за соответствующий обмен на интернированных немцев. Особо оговаривалось, что, для полной прозрачности отношений, условия эти будут опубликованы в швейцарской и русской прессе¹⁸⁴.

4 апреля Платтен вновь был принят бароном Ромбергом, которому и вручил выработанные «условия». Имперский посланник изволил пошутить: «Извините, кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия». Тем не менее он внимательно прочел бумагу и возражать не стал. Практически, все основные пункты были обговорены еще с Гриммом и теперь «вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей»¹⁸⁵.

В конце беседы Ромберг допустил оплошку. Он полагал, что может, как это было при встречах с Гриммом, поговорить о мире между Россией и Германией. Барон, рассказывает Платтен, «спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его вопрос не могу дать никакого ответа. Г-н Ромберг заметил, что в этом отношении г-н Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся». А Ромберг, на сей раз довольно сухо, еще раз заявил, что «в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может *затормозить разрешение* на поездку»¹⁸⁶.

Между тем, 4 апреля в Женеве состоялось собрание эмигрантских организаций, которое – как и 2 апреля – отвергло план большевиков. И объединенный ЦК в Цюрихе призвал «все местные организации и отдельных товарищей не вносить дезорганизации в дело возвращения политической эмиграции и дожидаться результата шагов, предпринятых ЦК, как органом политической эмиграции в целом»¹⁸⁷.

¹⁸² Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 65.

¹⁸³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418.

¹⁸⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 48.

¹⁸⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 34, 62, 128.

¹⁸⁶ Там же. С. 50, 51.

¹⁸⁷ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 18, 19).

5 апреля этот ЦК официально обращается в российскую миссию в Берне с запросом: существуют ли вообще пути возвращения на родину? И в миссии отвечают: «В настоящее время пути для проезда в Россию нет». В тот же день ЦК и отдельно Аксельрод, Мартов, Рязанов, Семковский, Натансон, Балабанова, Луначарский и другие отправляют в Петроград пространные телеграммы Керенскому, Чхеидзе, Вере Фигнер: «Единственный реальный путь – соглашение России с Германией, по примеру практиковавшегося уже во время войны обмена гражданских пленных, о пропуске эмигрантов взамен освобождения интернированных в России гражданско-пленных». К этому и свелись все «шаги», предпринятые объединенным ЦК¹⁸⁸.

Тогда же, 5 апреля, Ганецкому телеграфирует Ленин: «У нас непонятная задержка», – сообщает он и просит немедленно послать кого-либо в Питер, попытаться еще раз выяснить – возможна ли санкция Совета на поездку, а главное – узнать мнение по этому вопросу Русского бюро ЦК¹⁸⁹.

Вне зависимости от этого запроса, Русское бюро ЦК многократно пыталось провести через Совет такое решение. Однако всякий раз наталкивалось на сопротивление меньшевиков и эсеров. Лидеры Совета – Чхеидзе, Скобелев, Дан, Церетели – телеграфировали в Берн своим коллегам-меньшевикам о невозможности поездки через Германию, ибо «это произвело бы весьма печальное впечатление», и заверяли, что добьются разрешения на проезд через Англию¹⁹⁰.

Поэтому, исходя из ситуации, складывавшейся в Петрограде, Русское бюро вторично направляет в Стокгольм М. И. Стецкевич. Как утверждает член ЦК Шляпников, ей «был дан наказ: В. И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным». А Ганецкому Русское бюро 5 апреля телеграфирует: «Ульянов должен немедленно приехать». В тот же день в Стокгольм, для передачи Владимиру Ильичу, приходит телеграмма его сестры – Марии Ильиничны: «Ваш приезд желателен, но избегайте риска». 6 апреля Ганецкий и Воровский сообщают Ленину о телеграммах и от себя добавляют: «Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь»¹⁹¹.

Но ускорять события уже не было необходимости. Днем 6 апреля Фриц Платтен получает телеграмму от Ромберга: «Дело улажено в желательном смысле. Отъезд из Готмадингена, по всей вероятности, состоится в субботу вечером». Итак, «условия» приняты безоговорочно. Платтен сообщает об этом Ленину и идет в посольство. Ромберг рассказывает ему, что уже дано распоряжение и у немецкой границы, в Готмадингене, будут стоять два пассажирских вагона II класса, из расчета на 60 отъезжающих. Платтен просит заменить вагоны II класса на один вагон III класса, так как денег у эмигрантов хватит только на такой транспорт. Под сомнение ставится и дата отъезда: к субботе 7-го русские пассажиры явно не успевали¹⁹².

Нерешенных дел оказалось великое множество. И прежде всего – деньги. 869 франков (500 рублей) прислало Русское бюро ЦК. Более 1000 франков пришло из Стокгольма от Ганецкого. Предложил заем известный швейцарский социал-демократ, адвокат Карл Моор. К вопросу о деньгах Ганецкого и Моора нам еще предстоит вернуться. Пока лишь заметим, что в апреле 1917 года от займа у Моора большевики отказались¹⁹³, ибо 7-го числа

¹⁸⁸ Там же. С. 20, 21.

¹⁸⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

¹⁹⁰ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 20).

¹⁹¹ В. И. Ленин. Биографическая хроника Т. 4. С. 36, 38; См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 19).

¹⁹² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 52.

¹⁹³ Haas L. Carl Vital Moor. Ein Leben für Marx und Lenin. Zurich, 1970.

удалось получить ссуду в 3000 франков у Правления швейцарской социал-демократической партии¹⁹⁴.

Численность отъезжающих росла: от 10–12 до 20–40 человек. Надо было перепоручить остающимся все дела, договориться о каналах переписки, подготовить к отправке в Россию партийные бумаги и книги, наконец, оформить кучу документов. А тут как раз подошла Пасха и из-за этого тоже возникали досадные задержки. Поэтому дату выезда переносили с 4-го на 7-е, потом стали ориентироваться на 8-е. Но 7-го немцы установили окончательный срок – 9 апреля, отправление в 15 ч. 10 м. из Цюриха¹⁹⁵.

Те, кто жил в Народном доме (в Берне) в ожидании отъезда, стали перебираться в Цюрих. Отправили телеграммы большевистским группам о времени и месте сбора. По просьбе Ленина Платтен известил о поездке Мартова и показал ему «условия». Однако Мартов ответил, что, во-первых, на документе нет подписи Ромберга, а во-вторых, он связан общим решением и уверен, что российское правительство поможет им вернуться на родину¹⁹⁶.

Отвергая большевистский план, меньшевики и эсеры с самого начала уверяли, что в случае, если Ленин и другие все-таки решатся ехать, они сделают все, чтобы защитить их от клеветы. Но страсти разгорались и обещание это становилось слишком ненадежным. Тогда Владимир Ильич решает привлечь «общественное мнение» интернационалистов разных стран¹⁹⁷. 7 апреля в Берне, в Народном доме, Ленин встречается с Анри Гильбо и Фердинандом Лорио (Франция), Паулем Леви (Германия), Фрицем Платтен (Швейцария) и Михаилом Бронским (Польша). Он подробно информирует их о всех перипетиях переговоров с немцами и предлагает текст «протокола». Согласно этому документу, те, кто подписал его, ознакомившись со всеми обстоятельствами и условиями поездки, убеждены, что «наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию», дабы «служить там делу революции». Все пятеро этот текст подписывают как заявление для печати¹⁹⁸.

На следующий день, 8 апреля, там же проводится собрание большевиков. Зачитывается и принимается написанное Лениным «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Затем оглашается и утверждается «Протокол собрания членов РСДРП Партии», к которому прилагаются все документы, связанные с поездкой, и Ленин, вместе с другими, подписывает его¹⁹⁹.

К чему, казалось бы, вся эта «канцелярия»? Решили – значит надо ехать! Но как все указанные документыгодились потом... Ромен Роллан не смог приехать в эти дни в Берн. Но в своем дневнике он записал: «...они знают, что с первого же момента их пребывания в России они могут быть арестованы, посажены в тюрьму, расстреляны... Во главе их стоит Ленин, который считается мозгом всего революционного движения»²⁰⁰.

¹⁹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 426, 427; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53.

¹⁹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425, 429, 430, 431.

¹⁹⁶ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 45, 98.

¹⁹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

¹⁹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 488; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 100.

¹⁹⁹ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 42.

²⁰⁰ Там же. С. 38–39.

«Пломбированный вагон»

Итак, 8 апреля все обязательные дела были завершены и утром 9-го, с первым поездом, Ленин и Крупская уехали в Цюрих. В запасе было всего лишь несколько часов. Попрощались с хозяевами, побросали самое необходимое в корзину, вернули книги в библиотеку и отнесли вещи на вокзал. Там уже собирались все те, кто решил ехать.

«Все уезжающие, – рассказывает Платтен, – собрались в ресторане “Церингерхоф” за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и непрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника». После обсуждения информации все собравшиеся решили подписать обязательство, согласно которому ответственность за предпринимаемый шаг каждый из участников поездки брал лично на себя²⁰¹.

И тут произошел конфликт. Среди тех, кто намеревался ехать, объявился врач Оскар Блюм, автор книги «Выдающиеся личности русской революции». Согласно договоренности, ни партийная принадлежность, ни образ мыслей не могли служить препятствием для включения в список. И среди отъезжающих, помимо большевиков, были и меньшевики, и впередовцы, и эсеры, и анархисты. Но Блюма подозревали в связях с охранкой. «Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки... Его желание – опросить всех едущих – было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено»²⁰².

Постепенно собрались все. В половине третьего вся группа «направилась из ресторана “Церингерхоф” к вокзалу, нагруженные – по русскому обычаю – подушками, одеялами и пр. пожитками». На перроне уже толпились провожающие. И вдруг выяснилось, что Блюм загодя уже прошел в вагон и преспокойно, с улыбочкой, занял место. Вот тут-то Владимир Ильич, который все это время держал себя в руках, как говорится, сорвался. Он вскочил в вагон и буквально за шиворот выволок нахала на перрон.

Между тем у вагона собралась толпа эмигрантов, бурно протестовавших против поездки. Вот-вот могла возникнуть потасовка. Но молодые швейцарцы – друзья Платтена и железнодорожные служащие быстро вытолкали бузотеров с перрона. За пару минут до отхода поезда к Зиновьеву «в большом возбуждении» подошел Давид Рязанов: «В.И. увлекся и забыл об опасностях; вы – хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В.И. отказаться...»²⁰³ Но вступать в дискуссию было поздно.

Стоявший на перроне приятель Платтена, молодой анархист Зигфрид Блох, прощаясь с Лениным, вежливо «выразил надежду скоро снова увидеть его у нас», то есть в Швейцарии. Владимир Ильич рассмеялся и ответил: «Это было бы плохим политическим знаком»²⁰⁴. Отъезжающие уже заняли свои места в вагоне и все ждали сигнала к отправлению...

Поскольку в «ленинградской» литературе даже вопрос о числе эмигрантов, отправлявшихся в Россию, стал предметом политических инсинуаций, приведем их список. Под обязательством, подписанном в ресторане «Церингергоф», стоят фамилии: Ленина и Лениной (Крупской), Зиновьева и Радомысльской (Лилиной), Сафарова и Сафаровой (Мартошкиной), Усиевича и Елены Кон (Усиевич), сотрудников газеты «Наше слово» Ильи и Марии Мирингоф (Мариенгоф), Инессы Арманд и сестры ее мужа Анны Константинович, Миши Цхакая и Давида Сулиашвили, Григория Сокольников, М. Харитонов, Н. Бойцова, А. Линде, Ф. Гре-

²⁰¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 55, 125.

²⁰² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 54.

²⁰³ Там же. С. 54, 123.

²⁰⁴ Ленинградская правда. 1925. № 17. 21 января. С. 13.

бельской, А. Абрамовича, А. Сковно, О. Равич, Д. Слюсарева, эсера Д. Розенблюма (Фирсова), Б. Ельчанинова, Шейнесон, М. Гобермана, Айзенхуа и бундовки Б. Поговской. Итого: 29 взрослых и два ребенка: Степан – сын Зиновьевых и Роберт – сын Поговской. Итого: 31 человек. Не было подписи тридцать второго – Карла Радека. Он являлся австрийским подданным и не мог считаться российским эмигрантом. Поэтому Платтен попросил его не мелькать на вокзале, а присоединиться к группе на ближайшей остановке в Шафхаузене, что Радек и сделал²⁰⁵.

Наконец прозвенел вокзальный колокол. Провожаящие запели «Интернационал». И поезд двинулся в путь...

А те, кто остались, кто считал эту поездку политической ошибкой – доказали ли они возможность иного решения? Нет...

Дни проходили в бесплодном ожидании ответа из Петрограда. «Положение наше стало невыносимым», – телеграфировал Мартов своим коллегам в Россию. 15 апреля произошел раскол. Группа эмигрантов в 166 человек, решивших ждать, выделилась в отдельную организацию. Лишь 21 апреля пришел ответ на телеграмму, посланную 5-го. Ответил Милюков. Он вновь указал, что проезд через Германию невозможен и – в который раз – пообещал добиться возвращения через Англию²⁰⁶.

Эмигранты расценили ответ как издевательство. И 30 апреля заявили, что поедут на родину тем же путем, что и ленинская группа. На вопрос – не использует ли Германия их поездку в своих целях, они смогли повторить лишь то, что говорили большевики: «Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собой разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма... Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в “Народном праве”, содержат в себе все нужные гарантии». Аксельрод, Мартов и Семковский написали еще точнее: «Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования, отступают для нас на задний план перед могущим долгом участвовать в Великой революции»²⁰⁷.

12 мая (29 апреля) вторая группа эмигрантов – 257 человек, в их числе Мартов, Натансон, Луначарский и другие, уехали через Германию в Россию. В Питер они благополучно прибыли во вторник 22 (9) мая.

Впрочем, не все закончилось гладко. Пользуясь в переговорах с Ромбергом услугами того же Роберта Гримма, они привезли его с собой в Петроград для встречи с Временным правительством относительно судьбы оставшихся в Швейцарии эмигрантов. Но Гримм сразу же занялся своей «тайной дипломатией» о возможности заключения сепаратного мира и со скандалом был выдворен из России²⁰⁸.

30 июня был третий, потом четвертый «заезды». Точно так же, в «запломбированном» вагоне, через Австрию, русские социалисты уехали из Болгарии. А поверившие Милюкову и дожидавшиеся проезда через Англию швейцарские эмигранты в августе 1917 года с обидой телеграфировали Керенскому: «Циммервальдисты уехали, мы остались»²⁰⁹.

Но все это было потом...

А 9 апреля (27 марта) в 15 часов 10 минут поезд с первой группой политэмигрантов выехал из Цюриха. Прибыли в Тайнген. Здесь швейцарские таможенники учинили досмотр

²⁰⁵ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 50.

²⁰⁶ См. там же. С. 38, 39, 40.

²⁰⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 39, 41, 42; Урилов И.Х. Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 289, 290.

²⁰⁸ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 71, 72.

²⁰⁹ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 21).

багажа по полной программе. Оказалось, что некоторые продукты – особенно шоколад – превышали нормы вывоза. Излишки были конфискованы. Затем пересчитали пассажиров. «Каждый из нас, – рассказывает Елена Усиевич, – выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером... Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал»²¹⁰.

Вагон перегнали через границу на немецкую станцию Готмадинген. Сопровождавший группу атташе германского посольства в Берне Шюллер передал свои полномочия офицерам Германского генерального штаба ротмистру Арвиду фон Планитцу и лейтенанту, доктору Вильгельму Бюригу²¹¹. Все опять выгрузились из вагона и вошли в зал таможни, где мужчинам и женщинам предложили стать по разные стороны длинного стола.

«Мы стояли молча, – пишет Радек, – и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы немцы к нему присматривались.

Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видимо, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голосом: “Мамеле, вуси дуэс?”» Ребенок, видимо, хотел спросить: «Что это? Что происходит, мамочка?» И детский «выкрик на... минско-английском наречии» разрядил атмосферу²¹². Оказалось, что все это «построение» понадобилось немцам лишь для того, чтобы вновь пересчитать пассажиров.

Затем в зале ожидания III класса подали ужин. «Худенькие, изжелта-бледные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом... Достаточно было взглянуть на дрожащие руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного... И мы, – пишет Елена Усиевич, – совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем»²¹³.

А утром подали серо-зеленый вагон II и III класса типа «микст» – наполовину мягкий, наполовину жесткий, три двери которого были опечатаны пломбами. Вагон прицепили к поезду на Франкфурт и путешественники стали размещаться. Первое мягкое купе отдали немецким офицерам. У его дверей провели мелом жирную черту – границу «экстерриториальности». Ни немцы, ни россияне не имели права переступить через нее²¹⁴. Отдельное купе дали Ленину и Крупской, чтобы Владимир Ильич мог работать. Получили по купе семья Зиновьевых и Поговская с сыном. Отвели купе под багаж. Но когда дележ закончился, выяснилось, что нескольких спальных мест не хватает. Тогда для мужчин составили график очередности сна. Но всякий раз, когда подходил черед на полку Владимира Ильича, очередники категорически отказывались лечь на его место: Вы должны иметь возможность спокойно работать²¹⁵.

Впрочем, со спокойной работой никак не получалось. То в купе по поводу разного рода дел набивалось множество людей. И Ленину приходилось решать даже вопрос о том, как поделить единственный туалет между курящими и некурящими. То в соседнем купе, где ехали Сафаровы, Инесса Арманд и Ольга Равич, Радек начинал рассказывать анекдоты и тоненькие перегородки буквально дрожали от хохота. То молодежь – «у кого голоса были

²¹⁰ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 66, 148.

²¹¹ См. там же. С. 52, 56, 57; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. Перевод с нем. М., 1985. С. 179.

²¹² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129.

²¹³ Там же. С. 149.

²¹⁴ См. там же. С. 56.

²¹⁵ См. там же. С. 151.

получше и слух не слишком подводил» – шли к купе, как они говорили, «давать серенаду Ильичу».

«Для начала, – рассказывает Елена Усиевич, – мы пели обычно «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее»²¹⁶.

Любопытны наблюдения 24-летней Елены, касающиеся личности Ленина: «Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении... Никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал... Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним»²¹⁷.

А между тем поезд шел по Германии. «На больших станциях, – пишет Усиевич, – поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя». И Елене казалось, что они «связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир...»²¹⁸

Проехали Штутгарт и сопровождавшие офицеры сообщили Платтену, что в соседний вагон – с ведома высшего военного командования – сел Вильгельм Янсон, член руководства германских профсоюзов, который хотел бы побеседовать с русскими. «Мое сообщение, – пишет Платтен, – вызвало взрыв веселья... Эмигранты заявили, что они отказываются от беседы и не задумаются прибегнуть к насилию в случае повторных попыток». Радек дополняет: «Ильич приказал прогнать его “к чертовой бабушке” и отказался его принять... Несмотря на полученную пощечину [Янсон] очень старался, на всякой станции покупал для нас газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость»²¹⁹.

Вообще эмигранты, особенно молодежь, почти всю дорогу находились в несколько возбужденном и приподнятом настроении. В коридоре вагона то и дело вспыхивали споры – о положении в России, перспективах революции, а главное, как встретят их – арестуют сразу или потом? Во время такого спора Ленин спросил Платтена: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен признаться, – ответил я, – что... вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой, выходивших на арену навстречу смерти... Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина...»²²⁰

Никаких контактов с немцами не было. Даже обед – оплаченные Красным Крестом котлеты с горошком – приносили в вагон. Всю дорогу путешественники смотрели в окна.

²¹⁶ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129, 150.

²¹⁷ Там же. С. 151.

²¹⁸ Там же. С. 149.

²¹⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 57, 64, 130, 131.

²²⁰ Там же. С. 58.

Поражало отсутствие мужчин – и в городах и в деревнях, серые, с потухшими глазами, усталые лица²²¹. Но во Франкфурте произошел неожиданный инцидент...

Когда поезд остановился, офицеры – фон Планитц и Бюриг – ушли в ресторан. Между тем вагон перегнали на другой путь. Тогда Платтен тоже вышел из вагона, отправился в вокзальный буфет, купил «пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон...»

Эмигранты стояли у окон, всматриваясь в лица пассажиров, спешивших к пригородным поездом, как вдруг, растолкав охрану, в вагон прорвались солдаты. «Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас, – пишет Радек, – с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства... Больше никого мы всю дорогу не видели»²²².

Вечером 10 апреля (28 марта) вагон подцепили к поезду и утром прибыли в Берлин сначала на Потсдамский, затем на Штеттинский вокзал. Платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпиками до тех пор пока вагон не отправили в Засниц.

В Заснице Германия кончалась. Отсюда на морском пароме «Королева Виктория» путешественников доставляли до шведского города Треллеборг. Эмигрантов опять пересчитали и немецкие офицеры, сопровождавшие группу, остались на берегу. Обычно тут высаживались и пассажиры поезда, а потом шли на паром. Местные власти пригласили эмигрантов на ужин, но ленинская группа, дабы не ступить на немецкую землю, отказалась от приглашения и осталась ночевать в вагоне. И только когда утром весь состав вкатили в трюм, они вышли на палубу – здесь уже была шведская территория²²³.

Тем авторам, которые упорно пишут о том, как германский кайзер принимал личное участие в решении вопроса о проезде эмигрантов и даже давал соответствующие инструкции, на всякий случай напоминаем, что именно в этот день, 12 апреля, когда российские революционеры покинули Германию, Вильгельм II был впервые проинформирован о «путешествии» интернационалистов²²⁴.

На пароме эмигранты разошлись по каютам. «Море было беспокойно, – рассказывает Платтен. – Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор». Дело в том, что пассажирам роздали обширнейшие анкеты, и Ленин заподозрил в этом какой-то подвох со стороны шведской полиции. Решили подписывать их фальшивыми фамилиями. Анкеты сдали, но «вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришили задержать. Скрывать уже нечего, – в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя». Оказалось, что это всего лишь телеграмма от Ганецкого, встречающего паром²²⁵.

Около 18 часов «Королева Виктория» причаливает в Треллеборге. На пристани Ганецкий и шведский социал-демократ Гримлунд. «Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня, – пишет Ганецкий, – от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, – через четверть часа едет поезд в Мальмё»²²⁶. Немногим более часа и поезд в 20 часов 41 минуту доставляет путешественников в Мальмё.

²²¹ Там же. С. 57, 119.

²²² Там же. С. 56, 131; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

²²³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 58, 152, 185; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

²²⁴ Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 71.

²²⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131, 139.

²²⁶ Там же. С. 138.

Неподалеку от вокзала, в кафе гостиницы «Савой» Ганецкий заказал ужин. «Наша голытьба, – рассказывал Радек, – которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась, как саранча, и вычистила все до конца, к неслыханному удивлению кельнеров... Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно»²²⁷.

В ночь на 13 апреля поездом выехали в Стокгольм. И опять Ленин расспрашивал Ганецкого о последних сведениях из России. Лишь в 4 часа ночи его уговорили немного поспать. Однако уже в 8 утра на станции Сёдертелье в вагон ворвались корреспонденты. «Строго выполняя решение, – пишет Елена Усиевич, – не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже “да” и “нет”, а лишь... тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках... Справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых...» Все успокоились после того, как Владимир Ильич заявил, что коммюнике для прессы будет передано в Стокгольме²²⁸.

В пятницу, 13 апреля, в 10 часов утра поезд прибыл в Стокгольм. На Центральном вокзале его встречали шведские социал-демократы: бургомистр Карл Линдхаген, депутат риксдага, писатель Фредерик Стрём, русские большевики и множество корреспондентов и фоторепортеров. Корреспондентам Владимир Ильич сказал: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*. Дорог каждый день...» и передал для опубликования официальное коммюнике о поездке²²⁹.

С вокзала проследовали в гостиницу «Регина». Здесь состоялось совещание с шведскими левыми. Ленин сделал сообщение об обстоятельствах их поездки. И под «Заявлением», подписанном в Берне интернационалистами Франции, Германии, Польши и Швейцарии, поставили свои подписи – уже упомянутые Линдхаген и Стрём, а также редактор «Politiken» Карл Карльсон, журналист Карл Чильбум, поэт и писатель Туре Нёрман и секретарь *норвежского* социалистического союза молодежи Арвид Хансен²³⁰.

Все закончилось обильным завтраком, и Радек по этому поводу сострил: «Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после – завтрак в честь нового революционного правительства»²³¹.

Надо было решать проблему денег. Владимир Ильич обратился к Стрёму: «Мы взяли в долг несколько тысяч крон для поездки у одного швейцарского партийного товарища-фабриканта». Тут Стрём, видимо, что-то запямятовал или не понял. Ибо поручителем за ссуду в 3 тысячи франков, выданную швейцарскими социалистами, стал не фабрикант, а член Совета кантонов, крайне правый социал-демократ Отто Ланг²³². «Не могли бы вы, – продолжил Ленин, – взять в долг несколько тысяч крон у нескольких рабочих организаций; трудно ехать через вашу протяженную страну и через Финляндию. Я обещал, – пишет Стрём, – попытаться и позвонил нескольким профсоюзным руководителям, нашему издателю и Фабиану Монссону, чтобы провести сбор денег в риксдаге. Фабиан достал несколько трехсотенных.

²²⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131, 138, 139.

²²⁸ Там же. С. 139, 152.

²²⁹ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 46, 47.

²³⁰ Там же.

²³¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132.

²³² Там же. С. 53, 203.

Он пошел, между прочим, к Линдману, который был министром иностранных дел. «Я подпишусь охотно на сотню крон, только бы Ленин уехал сегодня», – сказал Линдман. Несколько буржуазных членов риксдага подписались потому, что Фабиан сказал: «Они будут завтра управлять Россией». В это Фабиан совершенно не верил, но это помогло... Мы собрали несколько сотен крон, и Ленин был доволен... Таким образом, он мог расплатиться за отель и за билеты до Хапаранды»²³³. Наконец, в Русском генеральном консульстве Владимир Ильич получил и официальное свидетельство № 109 о проезде всей группы эмигрантов в Россию.

Оставались незавершенными некоторые другие дела. Еще утром Ленин попросил Стрёма похлопотать о свидании с находившимся в тюрьме Карлом Хёглундом. Но власти отказали, и тогда, вместе со Стрёмом, он послал Хёглунду телеграмму: «Желаем скорого возвращения на свободу, к борьбе!» Отправили телеграмму и в Петросовет – Чхеидзе, которую, помимо Ленина, подписали Миха Цхакая и Давид Сулиашвили, с просьбой обеспечить группе беспрепятственный проезд через русскую границу²³⁴. Подпись Цхакая имела особый смысл: именно он в давние времена вовлек Чхеидзе в ряды российской социал-демократии.

Все, таким образом, складывалось удачно, хотя вполне могла случиться и неприятность. Опасность исходила от того же Парвуса. Зная о том, что канцлер Германии Бетман-Гольвег, статс-секретарь иностранных дел Ягов и министр финансов Гельферих недовольны им за явную бездеятельность²³⁵, Парвус примчался в Стокгольм и через Ганецкого попросил Ленина о встрече якобы от имени Главного Правления германской социал-демократии. Но когда он пришел в гостиницу, Ленин, предупрежденный Ганецким, уже покинул ее. А Ганецкий, Воровский и Радек составили формальный протокол об отказе российских эмигрантов от каких бы то ни было контактов с Парвусом. Впрочем это не помешало ему, получив такую пощечину и, естественно, умолчав о ней, доложить своему шефу Брокдорф-Ранцау о том, что с русскими большевиками он все-таки встретился²³⁶.

Во второй половине дня Ленин провел совещание. Поскольку оба члена Заграничной коллегии ЦК – он и Зиновьев – возвращались на родину, решено было оставить в Стокгольме Заграничное представительство ЦК в составе Воровского, Ганецкого и Радека. Им были даны все необходимые инструкции и переданы деньги, остававшиеся у Заграничной коллегии – 300 шведских крон и облигации шведского государственного займа той же стоимости, в которые – в свое время – вложил партийные деньги Шляпников²³⁷.

И, наконец, поскольку Радек оставался в Швеции, его место в составе группы возвращавшихся в Россию решено было предоставить польскому социал-демократу, находившемуся в Стокгольме, Александру Гранасу. Поэтому численность группы осталась неизменной – 32 человека²³⁸.

Все дела были закончены, и Радек потащил Ленина и Зиновьева по магазинам. «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей, – писал Радек, – вызвал у нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека». Купили ботинки, стандартный темно-коричневый костюм. И каждый раз Владимир Ильич упирался: «Не думаете ли вы, что я собираюсь открыть в Петрограде лавку готового платья?» Зиновьев вспоминал: «Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупили из самого необходимого для поправ-

²³³ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР». (1963. № 5. С. 18).

²³⁴ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 48; «Заря Востока», Тифлис, 1925, 17 января.

²³⁵ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 41, 42, 44, 45.

²³⁶ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132; Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СС. 69, 70.

²³⁷ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132, 133.

²³⁸ См.: Ермолаева Р.А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 402.

ления неказистого туалета В.И. и других и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд...»²³⁹

Вернулись в гостиницу, где шведы устроили прощальный обед, а оттуда, с вещами, двинулись на вокзал. На перроне, вместе с провожающими, устроили митинг. «Когда наши уже погрузились, – пишет Радек, – какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чувствовался как “дорогой вождь”, заставил Ильича приподнять немножко котелок, но... дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтоб ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался в первом лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке». Провожающие запели «Интернационал» и в 18 часов 37 минут поезд тронулся в путь²⁴⁰.

«Как только мы расположились в купе, – рассказывает Давид Сулиашвили, – Ленин достал кипу газет, улегся на верхней койке, зажег электричество и начал читать газеты...» Наступила ночь. В купе было тихо и уютно. Слышно было только шуршание газет и негромкие восклицания Владимира Ильича: «Ах, каналы! Ах, изменники!» А утром, когда все проснулись, в коридоре вагона провели собрание. Чтение питерских газет наводило на размышления. Условились, что все переговоры на границе будут вести Ленин и Цхакая, и договорились о том, как вести себя в случае ареста или политического процесса в Петрограде²⁴¹. Остаток дня и добрую половину ночи, пока поезд тащился по Швеции, Владимир Ильич вновь сидел над газетами, прихваченными из Стокгольма документами, делал записи, пытаясь собрать воедино все свои мысли о событиях, происходивших в России.

15 (2) апреля «ранним морозным утром, – пишет Елена Усиевич, – мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе и бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним – за ним территория России, город Торнео и развевающийся на здании вокзала красный флаг... Мы молчали от волнения, устремив на него глаза»²⁴².

Владимир Ильич зашел в русское консульство и получил на группу 300 крон пособия, полагавшегося – из Татьянинского фонда – всем возвращавшимся политэмигрантам, и заплатил за 32 билета III класса до Петрограда²⁴³. Между тем «к крылечку подъехало десятка полтора саней спряженными в них маленькими мохнатыми лошадками. Мы стали попарно рассаживаться... Я вдруг вспомнила, – пишет Елена Усиевич, – что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек... Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке... В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию... В Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения... “Смотрите, дорвались!” – сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов...»²⁴⁴

²³⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 123, 132.

²⁴⁰ Там же. С. 133.

²⁴¹ См.: «Заря Востока», Тифлис, 1925, 17 января.

²⁴² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

²⁴³ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 52.

²⁴⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

Но дальше пришлось иметь дело не с приветливыми русскими солдатами-пограничниками, а с английскими офицерами, командовавшими на финской границе. Они были грубы и бесцеремонны. И это сразу испортило всем настроение.

Дело в том, что после того, как попытка удержать эмигрантов в Швейцарии лопнула, английские власти решили остановить их в Швеции. Из дневника лидера шведской социал-демократии Э. Пальмшерна известно, что якобы вынашивались даже планы убийства Ленина. Но, взвесив все за и против, решили от «крайних мер» отказаться и организовать в России соответствующую клеветническую кампанию, как говорится, – убить и политически, и морально²⁴⁵.

Однако отказать себе в удовольствии поиздеваться над политэмигрантами английские офицеры, конечно, не могли. Начали с Платтена. Ему сразу сказали, что в Питере его немедленно арестуют. А когда Фриц ответил, что готов и на это, разговор прервали и заявили, чтобы он под конвоем убирался назад в Хапаранду, ибо в пересечении границы ему отказано. А остальных, тоже под военным конвоем, в 4 часа отправят в Питер²⁴⁶.

Случившееся с Платтеном не стало неожиданностью. Возможность такого варианта обсуждалась еще в поезде. Тогда кто-то из молодых затеял спор: а что, если Фрица не пропустят в Россию? Он был всеобщим любимцем, поэтому решили – в знак протеста – русскую границу не пересекать пока не добьемся для него разрешения. Молодым это показалось ужасно благородным актом солидарности. И они пошли по вагону собирать подписи. Принесли документ Ленину. «Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: “Какой идиот это писал? Английское и русское правительство сделают все, чтобы не пропустить нас. И мы сами откажемся?” Тут только мы, – пишет Елена Усиевич, – без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо...»²⁴⁷

Тем не менее, когда Платтен рассказал о решении англичан, Ленин предложил задержаться всей группе и немедленно послал телеграмму в Питер, в бюро ЦК РСДРП, с просьбой ускорить получение пропуска для Платтена. С Фрицем было договорено, что три дня он будет ждать ответа в Хапаранге. «Однако, – пишет Платтен, – не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции»²⁴⁸.

Тогда англичане пошли на другую провокацию... Все, кто писал о том, что происходило тогда в Торнео, особо отмечали: обыск, учиненный англичанами, носил умышленно оскорбительный характер. И только 52-летний Миха Цхакая пояснил: офицеры не ограничились тем, что шарили в вещах и по карманам, они «подвергли нас унижительному обыску, раздев Ильича и меня догола...»²⁴⁹

Но спровоцировать скандал и на сей раз не удалось. Все эмигранты заполнили опросные листы, а Ленин буквально «впился в газетные столбцы» купленной на вокзале «Правды». Зиновьев рассказывает: «В.И. качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В.И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах “Правды”. Неужели?.. Ну, мы с ними “повоюем”...»²⁵⁰

А время идет. 16 часов, указанные англичанами для отправки, прошли. Лишь вечером подается состав, и группа начинает грузиться в отдельный вагон. В 20 часов 8 минут Владимир Ильич дает телеграмму сестрам – Марии и Анне Ульяновым: «Приезжаем понедель-

²⁴⁵ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 22).

²⁴⁶ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 59, 60.

²⁴⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 150.

²⁴⁸ Там же. С. 60.

²⁴⁹ «Комсомольская правда», 1937, 16 апреля; «Красная звезда», 1940, 22 апреля.

²⁵⁰ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124.

ник, ночью, 11. Сообщите “Правде”»²⁵¹. Английские офицеры слово сдержали: до Питера эмигрантов будет сопровождать вооруженный конвой под командованием поручика.

Всю ночь и весь день поезд шел по Финляндии. «Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, – рассказывает Крупская... – На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. “Да здравствует мировая революция!” – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты»²⁵².

Владимир Ильич пытался сосредоточиться, писать. Но не давала покоя мысль, что те, для кого он искал слова, к кому собирался обратиться там – в Петрограде, – они уже здесь, рядом. Что конвойные солдаты, молоденький офицер – это и есть те самые реальные люди, которые совершали революцию. И чувствовалось, что им тоже хотелось бы потолковать с этим «главным революционером».

Командовавший конвоем поручик, бледнея от волнения, несколько раз заглядывал в купе, где ехал Ленин. Но заговорить так и не решился. И только когда Владимир Ильич и Крупская «перешли в соседний пустой вагон, подсел и заговорил... Поручик был оборонцем, – рассказывает Надежда Константиновна, – Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица». Сюда прибежал и маленький Роберт. Он мгновенно «очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасху, которой кормил его солдат»²⁵³.

«В.И., – пишет Зиновьев, – буквально “впился” в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В.И. подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение... Но солдаты-оборонцы стоят на своем». Их нисколько не смущает, что собеседник явно из «образованных». У них своя точка зрения.

Собственно, все это – слово в слово – он уже слышал в Цюрихе от Михалева. Значит то, что говорил Кондрат – не единичное мнение, а распространенное убеждение. Поэтому и этих солдат «В.И. уже через час беседы окрестил “добросовестными оборонцами”... Первый вывод, который делает В.И.: оборончество – еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход»²⁵⁴. Так вспоминал об этом эпизоде Григорий Зиновьев. Ему запомнилось то, что сказал Ленин и его политическая оценка собеседников. Но для самого Владимира Ильича главным оказалось другое...

В письме от 26 марта Коллонтай писала ему: «Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю “народ” потому, что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем»²⁵⁵. Оказалось, что Александра Михайловна не совсем права, а в чем-то и совсем права...

Спустя несколько часов, уже в Петрограде, в разговоре с членами ЦК и ПК РСДРП, он вспомнил не о том, как спорил с «добросовестными оборонцами», а о том – как и что

²⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 434.

²⁵² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 119–120.

²⁵³ Там же. С. 119–120.

²⁵⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124, 125.

²⁵⁵ РГАСПИ. Фонд 134, оп. 1, д. 272, л. 48.

говорили эти солдаты: «Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков. Один из них, – продолжал Ленин, – наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, как бы с силой вбивая что-то глубоко в пол, и сказал: “штык в землю – вот как окончится война!” И тут же прибавил: “но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю”. А когда я заметил, что без перехода власти к рабочим и крестьянам невозможно ни прекратить войну, ни наделить крестьян землей, солдаты полностью со мной согласились»²⁵⁶. Так записал рассказ Владимира Ильича Николай Подвойский.

На следующий день, выступая с «Апрельскими тезисами» перед большевиками, Ленин тоже вспомнил о беседе в вагоне и о том, как этот солдат – крестьянин, не желавший выпускать винтовку из рук, представлял себе аграрную реформу: «Тамбовский мужик [говорил]... За одну десятину платить не нужно, за вторую – 1 руб., за третью – 2 руб. Мы землю возьмем, а помещик не сможет уже ее отобрать»²⁵⁷.

Спустя неделю, 23 (10) апреля, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», Ленин напишет: «Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, “воткнув штык в землю”, употребляя выражение одного солдата-оборонца». Еще через неделю, в статье «Наши взгляды», он повторит: «Войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран». И даже через два года он будет вспоминать об этом разговоре в поезде с безымянным солдатом²⁵⁸.

А тогда, в вагоне, дискуссия продолжалась. Сюда подошли другие эмигранты. Но когда молодые революционеры слишком уж категорично начинают «давить» на собеседников, Ленин, кивая на солдат, укоряет Усиевича, Сафарова, Давида Сулиашвили: «Вы слушайте, слушайте...»²⁵⁹ А сам уходит в купе. Первое волнение от встречи прошло. Мысли, вынашивавшиеся с первых дней революции, излагавшиеся в статьях и «Письмах издалека», приобретают еще более четкую форму, выстраиваются в строгой последовательности... И он пишет первоначальный набросок «Апрельских тезисов».

В 9 часов вечера поезд остановился на станции Белоостров. На перроне их встречают: Шляпников, Коллонтай, Сталин, Каменев, Мария Ульянова и другие. Здесь же около четырехсот сестрорецких рабочих, приехавших для встречи во главе с Вячеславом Зофом, Николаем Емельяновым и Людмилой Сталь. Рабочие подхватили Ленина на руки, внесли в станционный буфет, поставили на табуретку и Владимир Ильич произнес свою первую в России краткую речь. Людмила Сталь предлагает Крупской сказать несколько слов работницам, но от волнения, пишет Надежда Константиновна, «у меня пропали все слова...»²⁶⁰

Поезд, вместе с встречающими членами ЦК и ПК РСДРП, движется дальше. А «в тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В.И. забрасывает товарищей рядом вопросов». И в конце – самый живописный: «Будем ли мы арестованы...? Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются»²⁶¹.

Если бы они знали то, что теперь знаем мы, оснований для улыбок было бы меньше.

Дело не только в том, что в составе воинской команды, сопровождавшей эмигрантов от Торнео, ехали четыре сотрудника контрразведки с документами на всю группу, которую

²⁵⁶ Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. М. «Молодая гвардия», 1967. С. 555. Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ (фонд 71, оп. 51, д. 94).

²⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110.

²⁵⁸ Там же. С. 161, 281.

²⁵⁹ См.: «Заря Востока». Тифлис. 1925, 17 января.

²⁶⁰ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120, 125.

²⁶¹ Там же. С. 125.

они должны были сдать на Финляндском вокзале в Питере комиссару Временного правительства²⁶². Важнее другое: именно в Белоострове могло случиться нечто более серьезное...

Начальник контрразведки Петроградского Военного округа Борис Никитин оставил на сей счет обстоятельные воспоминания. В самом конце марта, рассказывает он, к нему явился представитель английской контрразведки и передал «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин... Их пропустила Германия и они примерно дней через пять придут к нашей границе». Выясняется, что МИД без санкции Совета не может запретить им въезд. Зато Главный военный прокурор генерал Апушкин дает санкцию Никитину: «Делайте, что хотите, только бы добиться результатов».

«Вызываю телеграммой, – продолжает Никитин, – коменданта Белоострова, есаула Савицкого... “Вот вы, – говорю ему, – все просите у меня живого дела. Вам так хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Белоостров. Так я вам даю задачу много проще: силой, или как хотите, но не пропустите их через границу”». Результат известен: есаул не упомянул о четырехстах сестрорецких оружейниках, а только сказал потом Никитину, имея в виду своих казаков: «Люди не вышли»²⁶³.

3 (16) апреля 1917 года в 23 ч. 10 м. поезд прибывает на перрон Финляндского вокзала Петрограда.

Информация «Правды»: «В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших “на караул”, проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду был встречаем восторженно». В «царской» комнате вокзала его уже ждали представители Петросовета во главе с Чхеидзе...

Дальнейшее живописует Николай Суханов: «Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в “царскую” комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изыбшим лицом и роскошным букетом в руках.

Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе произнес следующую “приветственную речь”... “Мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...” Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок “царской” комнаты, поправлял свой букет “довольно слабо гармонизировавший со всей его фигурой”, а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, “ответил” так: “Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии...”»²⁶⁴

Встреченный многотысячным «ура», Ленин выходит на ступеньки вокзала. Ему помогают подняться на броневик. Он потоптался на площадке у пулеметной башни, словно проверяя машину на прочность, отдал букет. Но ему явно мешал и котелок, как мешал он потом скульпторам, ваявшим знаменитый памятник на площади у вокзала и заменившим шляпу на пролетарскую кепку. И только сняв котелок, Владимир Ильич начинает говорить...

²⁶² См.: «Известия», 1977, 15 апреля, с. 2.

²⁶³ Никитин Б. В. Роковые годы. Париж, 1937. С. 22, 57, 58.

²⁶⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 6–7.

Информация «Правды»: «...Стоя на броневом автомобиле тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе...»²⁶⁵

«Тот, кто не пережил революции, – вспоминала Крупская, – не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских матросов, рефлекторы Петропавловской крепости от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

...Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона...

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу [Елизарову]... Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гора, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Мы почти не говорили с Ильичом в ту ночь – не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами... Почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женева, Берны, Цюрихи – это уже действительно прошлое»²⁶⁶.

²⁶⁵ «Правда», 1917, № 24, 5 апреля.

²⁶⁶ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 441, 442.

Глава 2 «Самый безболезненный путь»

«Мои личные тезисы...»

Утром 4 (17) апреля встали рано. Надо было ехать, как договорились вчера, в Таврический дворец, выступать перед большевиками – участниками Всероссийского совещания Советов. Но когда за Лениным и Крупской на машине заехал Владимир Бонч-Бруевич, повернули на Волково кладбище, где были похоронены мать Владимира Ильича и сестра Ольга.

Последний раз он виделся с матерью в сентябре 1910 года в Стокгольме. После недолгой встречи Мария Александровна возвращалась на пароходе в Россию. Держась за корабельные поручни, она молча смотрела на него и плакала. А он стоял на пирсе и даже не мог подняться к ней на палубу. Там была уже русская территория и его могли арестовать...

Прав Бонч-Бруевич: «Тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича»²⁶⁷. Цветы, которые преподнесли накануне при торжественной встрече, положили на могилы, молча постояли и поехали сначала на квартиру Владимира Дмитриевича, где ждали товарищи, а оттуда – в Таврический...

Было уже совсем светло и на стенах домов, на афишных тумбах ветер трепал свежие плакаты: «Ленина и компанию – обратно в Германию». У тех, кто плакаты заказывал, поэтов получше, видимо, не нашлось. Но после вчерашних восторгов и объятий это все-таки отрезвляло²⁶⁸.

В давние годы, в Кокушкино, когда Володе Ульянову было лет 13, пошли они как-то в ночь, с двоюродным братом Колей Веретенниковым, на пруд. Все предыдущие дни шли дожди. Речушка вздулась, а пруд переполнило так, что мостки всплыли и подойти к купальне было невозможно. Побежали на плотину. Там, через верх, уже всю хлестала вода, а поднять затворы (вершняки) у мальчишек не хватало сил.

«Не прошло и пяти минут, – рассказывал Веретенников, – как раздался легкий, как бы предупреждающий треск, за которым вскоре последовал страшный грохот, и вся масса воды с шумом громадными валами устремилась с четырехметровой высоты, вниз, ломая деревянные и размывая земляные укрепления». Когда вода схлынула, на месте симпатичного пруда остались лишь безобразные илистые берега, жидкая зловонная грязь и черные обломки плотины. «“Точно после пожара”, – заметил Володя»²⁶⁹.

Эпизод запал в память. И образ этой всепоглощающей стихии всплыл у Ленина в 1905 году, когда по России прокатился первый революционный вал. В плане статьи «Уроки московских событий» он написал: «Когда вода напирала на плотину, брешь вне шлюз (вершняков) есть начало краха...»²⁷⁰

И вот теперь, после бесед с солдатами в вагоне, после ночного разговора с питерскими большевиками в особняке Кшесинской, после беглого просмотра утренних газет, Владимир

²⁶⁷ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969. С. 66.

²⁶⁸ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 154.

²⁶⁹ Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. М., «Молодая гвардия», 1967. С. 43–44. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ: ф. 71, оп. 51, д. 94.

²⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 428.

Ильич вновь услышал, а может быть, и физически ощутил, тот «легкий, как бы предупреждающий треск», вслед за которым прорывается безудержная стихия.

Еще там – в Цюрихе, после первых известий о событиях в Петрограде, встал вопрос: что дальше? Закончится революция отречением монарха или революционный вал покатится дальше? В гидродинамике, исходя из массы, скорости водяного потока, рельефа местности и прочих вполне определенных условий, все это, вероятно, можно рассчитать. Но в социальной борьбе, участниками которой являются миллионы людей, подобная задача куда сложнее. Число факторов, влияющих на такую борьбу, слишком велико, а многие из них столь неопределенны, что вряд ли можно с уверенностью вычерчивать вектор данного движения.

И все-таки еще там – в Цюрихе, Ленин пришел к выводу, что Февраль – лишь начало, лишь первый вал, первый этап революции. За ним неизбежно последует второй этап, второй вал, куда более мощный и крутой. Это понимал не только он, но и другие: и те, кто симпатизировал революции, вроде депутата IV Думы, одного из лидеров Петросовета, меньшевика Скобелева, заявившего, что «Россия стоит накануне второй, настоящей революции»; и те, кто отвергал ее, кто давно предсказывал кровавую смуту.

Уже упоминавшийся экс-министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, обладавший и опытом и интуицией, накануне войны писал государю: в случае начала революции «оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию...»²⁷¹

В конце 1916 года, на квартире миллионера Коновалова, перед крупнейшими фабрикантами и заводчиками выступил один из лидеров «оппозиционно-интеллигентской партии» кадетов В. А. Маклаков. «Ужас грядущей революции» – вот тема его выступления. Это будет, говорил Василий Алексеевич, «революция гнева и мести темных низов, которая не может не быть стихийной, судорожной, хаотичной». Еще раньше, в 1915 году, влиятельнейший промышленник Алексей Иванович Путилов сформулировал ту же мысль еще жестче: революция неизбежна. Но она будет для страны губительна. «Начнется ужасная анархия... На десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие»²⁷².

Того же мнения придерживался и видный русский интеллектуал Петр Бернгардович Струве – давний знакомый Ленина, проделавший за 20 лет путь от легального марксизма к самому правому либерализму. Как пишет его биограф Ричард Пайпс, с самого начала 1917 года Струве был убежден, что «как только маховик анархии начнет раскручиваться, в России не найдется политической, экономической или социальной силы, способной его остановить. Смута будет терзать страну до тех пор, пока сами основы государства и общества не окажутся в руинах»²⁷³.

Подобных пророчеств было много. Нередко они совпадали. И на то были свои основания. В первые же революционные дни, еще до того, как какие-либо радикальные партии вышли на политическую арену, по стране прокатилась волна насилия и различного рода эксцессов.

Писатель Александр Станкевич оставил зарисовку одного из эпизодов первых дней революции в Питере: «Барский экипаж привлек внимание. Пара вороных лошадей в сбруе с серебром, на дверцах – гербы... В толпе поднялся хохот, улюлюканье...

– Сворачивай! Кончились ваши прогулочки!

...Внезапно двери кареты распахнулись и оттуда выскочил на мостовую старый господин в шубе. Я узнал в нем члена Государственного совета князя Барятинского. Шуба на нем

²⁷¹ Журнал «Красная новь». 1922. № 6. С. 178–179.

²⁷² Цит. по статье В.Бушуева в журнале «Свободная мысль» (2004. № 1. С. 128); Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 172–173.

²⁷³ Пайпс Р Струве. Биография. Том 2. Струве: правый либерал. 1905–1944. М., 2001. С. 296.

распахнулась, открыв всем шитый золотом мундир. Наверное, князь подумал, что его величественный вид заставит толпу отхлынуть. Он поднял руку в замшевой перчатке и хрипло крикнул:

– Я еду к князю Голицыну, председателю совета министров! Отпустите лошадей!

– Не командуй, генерал! Нету больше председателей!

Барятинский задыхался, у него не хватило сил сдержать бешенство.

– Хамы! – закричал он с ненавистью. – Долой с дороги!

Сгрудившаяся вокруг кареты толпа уже не смеялась, она утратила свое добродушие... Какой-то солдат в затрепанной шинели шагнул к князю и, подняв винтовку, со всей силой стукнул его прикладом по голове. Барятинский рухнул. Темная вмятина на лбу наполнилась кровью. Соскочившие с козел кучер и лакей впихнули в карету уже мертвое тело.

– Гляди, товарищи! – закричал кто-то в толпе. – Пожар! – Над Невой распухало, ширилось черное облако дыма. Горело здание Окружного суда»²⁷⁴.

Современникам запомнились трупы жандармов со вспоротыми животами на февральском снегу в Петрограде. В Кронштадте зверски убили военного губернатора контр-адмирала Р. Н. Вирена, начальника штаба адмирала Бутакова, генерала Стронского и других офицеров. Самосуды над генералами и офицерами имели место в Луге, Ельце, Пскове, Двинске. В Свеаборге убили командующего Балтфлотом вице-адмирала Андриана Ивановича Непенина, контр-адмирала А. К. Небольсина. Жуткая расправа над губернатором произошла в Твери...

Вновь, как и в 1905–1906 годах, запылали барские имения. Жгли прекрасные усадьбы, а вместе с ними уникальные библиотеки и картинные галереи. Горели старинные парки и сады. 19 марта «Правда» писала: «Это не конфискация и даже не захват, это – мщение поработанных людей своим поработителям». Неслучайно эксцессы чаще всего происходили именно там, где в 1906–1907 годах свирепствовали карательные отряды. «Прежний режим, – писал Струве, – утвердил в народе традиции ненависти». И мотивом этих эксцессов как раз и были «неотмщенные обиды» и неуверенность в том, что не вернется опять «старый режим». Как выразился один солдат-крестьянин, – «как подумаю, вдруг, [что] все на старое обернется, а я и обиды своей не выплачу, – тут и звереешь»²⁷⁵.

Все более учащались случаи прямого вандализма. «После свержения самодержавия, – вспоминал художник П. Нерадовский, – в Петрограде и его окрестностях, в Петергофе, в Ораниенбауме и других местах... подвергались порче или уничтожению памятники искусства, статуи, картины и другие художественные предметы... Такие разрушения имели место в общественных местах – в казенных зданиях, в садах, парках – и в частных домах и квартирах... Слухи и сведения о гибели того или иного произведения поступали почти ежедневно».

Уже 4 (17) марта на квартире у Горького на Кронверкском проспекте собрались художники – А. Бенуа, И. Билибин, К. Петров-Водкин, М. Добужинский, Н. Рерих, архитекторы Н. Лансере, И. Фомин, артисты Ф. Шаляпин, И. Ершов – всего более 50 человек и создали специальную комиссию, которая должна была войти в сношения с Временным правительством и Петросоветом относительно незамедлительных мер по предотвращению уже начавшегося массового вывоза художественных ценностей за границу и охране памятников культуры²⁷⁶.

Ситуация усугублялась тем, что министр юстиции Керенский амнистировал не только «борцов со старым режимом», но отпустил из тюрем и с каторги уголовников. Он, видимо, как и многие другие, полагал, что новое «Царство Свободы» способно перевоспитать любых

²⁷⁴ Станкевич А. А. Февраль, год 1917. Харьков, 1967. С. 108–109.

²⁷⁵ Пайпс Р. Струве. Биография. Том 2. Струве: правый либерал. 1905–1944. С. 300.

²⁷⁶ Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 73, 74, 76.

рецидивистов. Десятки тысяч преступников – «птенцы Керенского», как их тогда называли – ринулись прежде всего в столицы. Между тем полиция была распущена, а новая милиция еще не создана. И среди тех, кто под видом «революционного патруля» врывается среди бела дня в дома и квартиры, было немало отпетых бандитов и профессиональных воров. Так что очень скоро столичный обыватель будет с тоской вспоминать прежнего городского, который – хоть и был нечист на руку – но стекла в приличных домах бить не позволял.

Когда один из руководителей социалистического Интернационала Карл Брантинг в марте 17-го приехал в Петроград, у него в гостинице «Европа» сразу украли два куска мыла – для мытья и для бритья. «Да, – горестно говорил он коллегам – русским социалистам, – вам предстоит еще большая работа для просвещения и морального воспитания запущенного царизмом русского народа»²⁷⁷.

«Народ либо безмолвствует, либо говорит языком бунта»²⁷⁸, – полагают и сегодня некоторые историки. Не везде и не всегда!

Тогда, в Феврале многие опасались – не возмутится ли «царелюбивое» крестьянство низвержением монархии, не станет ли оно опорой «Русской Вандеи»... Каково же было изумление корреспондента газеты «Русское слово», когда он увидел, с какой легкостью восприняла деревня эту весть: «Даже не верится, как пушинку сняла с рукава». А думский отдел сношений с провинцией, обследовав 29 губерний, констатировал: «...широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя “не может жить”, было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без кого они “жить не могли”». И среди постановлений сельских сходов, принимавшихся в эти дни по всей России, исследователи не обнаружили ни одного, в котором выражалось бы сожаление по поводу свержения самодержавия»²⁷⁹.

В феврале 1917 года революционные массы России оказались достаточно сознательными и для того, чтобы свести все свои надежды и чаяния к трем лозунгам: «Мир!», «Хлеб!», «Свобода!». В народном сознании они расшифровывались вполне конкретно: немедленное прекращение войны; передача всей земли крестьянам и радикальное улучшение снабжения армии и городов продовольствием; наконец, не только свержение монархии, но и установление реального народовластия. Именно это стремление к народовластию, к подлинной демократии стало причиной, может быть, самого яркого проявления революционной сознательности масс – создания Советов.

Весь предшествующий исторический опыт убедил народ в том, что «начальству» – царю, генералам, помещикам, буржуям и особенно чиновникам – доверять нельзя. Что реализовать свои требования можно лишь при том условии, если власть будет находиться в руках самих трудящихся. И как только, пишет Ленин, в Феврале появилась такая возможность, «по инициативе многомиллионного народа», самочинно и повсеместно, рабочие, солдаты, крестьяне стали создавать «демократию *по-своему*»²⁸⁰.

Советы стали возникать сначала на заводах и фабриках, затем в районах, – *раньше*, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. В определенном смысле это был спонтанный процесс воспроизводства знакомых форм организации и борьбы, ибо уроки 1905 года прочно вошли в «стихию» народного сознания.

В создании Петроградского совета сыграли свою роль Чхеидзе, Скобелев, Гриневич, Копелинский и другие, находившиеся в столице на легальном положении. Но общероссийским органом власти Петросовет сделало давление снизу, те ожидания, которые питали

²⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 134, оп. 1, д. 272, л. 102.

²⁷⁸ Булдаков В. П. Красная смута. М., 1997. С. 125.

²⁷⁹ Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 241.

²⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 163.

рабочие и солдаты, посылая в Совет своих депутатов. И Советы сразу и повсеместно, не вдаваясь в дискуссии о рамках компетенции, заявили о себе как об органах власти. Они брали под контроль охрану порядка, продовольственное снабжение, работу транспорта и т. п. А главное, они не забывали ни о мире, ни о земле.

Но эти конкретные требования были неприемлемы для власть имущих в принципе. В притязаниях на собственность помещиков и прибыли буржуазии со стороны Советов они усматривали лишь проявление бунта и анархии. Расставаться добровольно со своими привилегиями правящая элита, как и прежде, не собиралась. Поэтому, мечтая об умиротворении, стремясь к тому, чтобы спустить массовое движение на тормозах или, как тогда выражались, – «загнать скот в стойло», Временное правительство менее всего помышляло о реализации лозунгов революции.

Многие его члены искренне полагали, что, получив свободу, народ вполне удовлетворится этим и будет терпеливо ждать, когда после победного окончания войны ему милостиво ниспошлют «сверху» мир и хлеб. Такое уже бывало. Опыт созыва I Думы – «думы народных надежд» – говорил, что такой вариант возможен. Но он был возможен тогда – в 1906 году. С тех пор прошли четыре Думы и никаких решений насущных вопросов народной жизни не последовало. В 1917 году ждать никто не собирался. Ибо в «диалоге» с властью у народа появился теперь новый аргумент: штык. Как сказал Ленину в вагоне солдат: «Мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю». Так что вариант стабилизации становился весьма проблематичным.

Основания для апокалиптических настроений были. Во всяком случае, коллега Струве, В. Н. Муравьев, испытал после Февраля именно такие чувства: «Нечто совершалось. Шум грозный родился, и, гулко вздрогнув, огласилась им тишина... Звуки росли громче, и то был уже не шум людей, а ропот моря. И море, казалось, вздымается и бушует, и ревет ревом вопиющим, с возрастающим, с силой чудовищной разбивая окрестные берега. И я понял, что то не моря рев, но рев народа... Как вал грохочущий, надвигался он на меня, и я знал, сейчас я буду во власти стихии и я тоже буду реветь голосом нечеловеческим... И волна настигла меня, и я отдался ей, пожирающей. И подхватила она меня, и понесла на своем гребне. И я увидел, что вся она из таких, как я...»²⁸¹

Григорий Зиновьев не отличался столь образным мышлением. Но когда в полночь 3 (16) апреля он и Ленин вышли из вокзала на площадь, от которой исходил гул человеческих голосов, а лучи прожекторов выхватывали из тьмы тысячи голов, острия штыков, башни броневигов и колышущиеся на ветру знамена, Зиновьев вдруг ощутил нечто похожее: «С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы – щепочки в этой волне»²⁸². Разница состояла лишь в том, что если в Муравьева эта человеческая волна вселяла нечеловеческий ужас, то у Григория Евсеевича она вызывала прямо противоположное чувство – восторженную эйфорию.

В этом чувстве он был не одинок. В первые послефевральские дни и недели эйфория победы вообще стала господствующим настроением. Казалось, все то, что веками давило, угнетало, разъединяло – царский деспотизм – исчезло, рухнуло сразу, сметенное могучим ураганом. Даже ужасы войны как бы отодвинулись в глубь сознания, заслоненные тем новым, необычайным и радостным, что, наконец, свершилось... Свобода!

Один из эсеровских лидеров – Владимир Зензинов записал: «Улицы – тротуары и мостовые – во власти толпы. Все куда-то спешат... Все возбуждены, взволнованы... Ощущение какого-то общего братства. Как будто пали обычные перегородки, отделявшие людей, – положением, состоянием, культурой, люди объединились и рады помочь друг другу... Это

²⁸¹ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 187, 216–217.

²⁸² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 126.

ощущение братства было очень острым и определенным – и никогда позднее я его не переживал с такой силой... То было воистину ощущение общего народного праздника»²⁸³. С некоторой долей иронии о том же вспоминал академик К. В. Островитянов: то были дни «какого-то всенародного ликования. Многим казалось, что исчезли все классовые противоречия и настало царство Исайи, когда “волк почитет со агнцем”. Все нацепили красные бантики, всюду реяли огненные революционные флаги – все окрасилось в цвет революции...»²⁸⁴

В февральские дни, на какой-то момент, действительно «дружно» слились разнородные потоки: борьба рабочих и солдат против царя и войны, и борьба либеральной буржуазии за устранение обанкротившейся власти. Усилия всех партий были направлены в одну точку. Этот момент, как выразился Владимир Ильич, «всеобщего слияния классов против царизма», как раз и стал одной из главных причин головокружительной эйфории, быстроты и относительной «бескровности» (около 2 тысяч убитых) победы²⁸⁵.

Именно эта разнородность борющихся сил сразу же породила *двоевластие*. С одной стороны, было создано Временное правительство, включившее в себя «цвет» либеральной интеллигенции: кадетов – П. Милюкова, Н. Некрасова, А. Мануйлова, А. Шингарева, В. Набокова, октябристов – А. Гучкова, В. Львова, И. Годнева, «независимых» – М. Терещенко, Г. Львова и трудовика А. Керенского. С другой – Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, общероссийским центром которых стал Петросовет.

За Временным правительством, помимо буржуазии, помещиков, правых и либеральных партий, стоял достаточно мощный старый государственный аппарат, церковь, армейская верхушка – генералитет, часть офицерского корпуса. Это были вполне серьезные силы. И с какой радостью они раздавили бы народное восстание... «С первого мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, – писал Василий Шульгин, – и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность “великой” русской революции... Боже, как это было гадко! Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

– Пулеметов бы сюда! Да, да, пулеметов... Только язык пулеметов доступен уличной толпе, только свинец может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы, этот зверь был... Его величество русский народ!»²⁸⁶

Шульгину казалось, что достаточно одного надежного полка и решительного офицера, чтобы разогнать этот «сброд». Такой офицер нашелся. Полковник Александр Павлович Кутепов собрал отряд числом более тысячи человек пехоты и кавалеристов с 12 пулеметами и решил всех восставших – от Литейного проспекта до Николаевского вокзала – «загнать к Неве и там привести в порядок». Но как только «каратели» вошли в соприкосновение с толпами народа, «большая часть моего отряда, – рассказывал сам Кутепов, – смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может»²⁸⁷.

Тогда, в первые послефевральские дни, для того, чтобы «привести в порядок» народ, силенок у них не хватало. А те, что имелись, были несопоставимы с гигантской народной массой, которая стояла за Советами. Существенным оказалось и то, что Петросовет, вопреки противодействию его президиума, утвердил составленный армейскими депутатами «Приказ № 1», согласно которому солдатам предоставлялась вся полнота гражданских прав, оружие – в том числе те самые пулеметы, о которых вспомнил Шульгин, – бралось под контроль

²⁸³ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 156–157.

²⁸⁴ Островитянов К. В. Думы о прошлом... М., 1967. С. 164.

²⁸⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 1, 16; Т. 32. С. 246; Т. 34. С. 76.

²⁸⁶ Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 183.

²⁸⁷ Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 189, 190.

ротных и батальонных солдатских комитетов, а во всех политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а только своим комитетам и Петросовету.

9 марта новый военный министр Александр Иванович Гучков сообщал генералу Алексееву: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет раб. и солд. деп., который располагает важнейшими элементами реальной власти, т. к. войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом...»²⁸⁸.

Но параллельное существование двух общероссийских центров власти было невозможно. Оно неминуемо должно было завершиться единовластием одного из них. И с попустительства меньшевистско-эсеровских лидеров Петросовета правительство начало постепенно прибирать власть к рукам.

И тогда, и позднее соглашатели говорили, что они стремились сохранить «общенациональное единство» для борьбы со «старым режимом». Слов нет, в желании сплотить против общего врага широкие слои населения, в стремлении избежать гражданской войны, никакого грехопадения не было. Ради этого можно и должно идти на компромиссы. Но какой ценой?

Две ночи напролет, до полного изнеможения, вместе с либеральными лидерами, они вырабатывали условия передачи власти. В конце концов, в «условиях» не оказалось ни слова о прекращении войны, ни слова о демократической республике, ни слова о земле, то есть именно тех требований, ради которых совершалась революция.

Конечно, была не сей счет «теория»: раз революция буржуазная, значит и власть должна принадлежать буржуазии. Николая Романова могут сменить лишь политические деятели типа Родзянко или Милюкова. Только им может подчиниться старый чиновный аппарат, худо-бедно обеспечивающий жизнедеятельность страны.

Но теоретические формулы часто прикрывают и нечто более личное. К примеру – нерешительность, а то и просто страх. Когда председателя Петросовета Николая Чхеидзе спросили – готов ли он возглавить правительство? – он в ужасе отшатнулся: «Упаси господи, что я, сумасшедший?!» Положение страны было катастрофическим. На фронтах армия терпела поражение. Надвигалась разруха. Поэтому не только «догма», но и элементарная боязнь взять на себя ответственность за судьбу страны, определила поведение меньшевистско-эсеровских вождей, добровольно – «от имени революции» – передавших власть буржуазному правительству.

Это и позволило правительству, как выразился Ленин, «положить ноги на стол». Через российских послов Милюков заверил союзников, что война будет продолжена. В Кронштадт, Свеаборг и другие места, где имели место эксцессы, для наведения порядка направили правительственных комиссаров. А для усмирения бунтующих крестьян послали воинские команды. Так что «царство Исайи» кончилось довольно быстро. Но хотя «слияние классов» кончилось, эйфория все еще оставалась. Она проявилась и в ночной встрече Ленина с питерскими большевиками в особняке Кшесинской, пока Владимир Ильич не оборвал поток приветствий и вместо этого предложил высказаться «о той тактике, которой надо держаться»²⁸⁹.

4 (17) апреля в Таврический дворец Ленин и его спутники приехали в 12 часов. Владимира Ильича сразу подхватили старые и новые знакомые. Были тут и кожевник Иван Присягин, и уже упоминавшийся рабочий завода «Айваз» Иван Чугурин – давние ученики Ленина по школе Лонжюмо. И вернувшийся из ссылки рабочий – депутат IV Думы Федор Самойлов. Пришли Шляпников, Коллонтай... Но больше виделось лиц совсем незнакомых, смотревших с любопытством и ожиданием. Крупская заметила, как Владимир Ильич отыскивал гла-

²⁸⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 429–430.

²⁸⁹ Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. Т. 1. М., 1984. С. 442.

зами Присягина, улыбнулся ему – было у них «какое-то понимание с полуслова» – и начал выступление...²⁹⁰

«Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, – писал на следующий день Ленин, – я мог, конечно, лишь от своего имени и оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата».

Выступил «сначала на собрании большевиков. Это были делегаты Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, делегаты, которые должны были разъезжаться и поэтому никакой отсрочки дать мне не могли. По окончании собрания председатель его, т. Г. Зиновьев, предложил мне, от имени всего собрания, повторить мой доклад тотчас на собрании и большевистских и меньшевистских делегатов...

Как ни трудно мне было повторять немедленно мой доклад, я не считал себя вправе отказаться, раз этого требовали *и мои единомышленники* и меньшевики, которые из-за отъезда действительно не могли дать мне отсрочки».

«Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, – и *добросовестным* оппонентам, – было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков»²⁹¹.

Мария Костеловская – секретарь Краснопресненского РК РСДРП Москвы хорошо запомнила *как* выступал Владимир Ильич «на фракции большевиков в комнате № 13, на хорах Таврического дворца. Было человек 40. Вот его прежняя манера двигаться во время речи вперед – назад... Перед ним был длинный стол, а сзади – деревянные лавки. Когда Ленин пятился назад, он натыкался на эти лавки и каждый раз с некоторым удивлением оглядывался на них. Мы с трудом растащили лавки в сторону, и Ленин стал ходить вперед к столу и назад, пятясь к стене шагов пять-шесть, прижимая к себе локти и слегка сжимая кулаки.

Как только он кончил, сейчас же мы все перешли вниз, в думский зал, где уже собралось объединенное заседание большевиков и меньшевиков. Народу было человек 500. Здесь Ленин снова повторил свой доклад и предложил свои тезисы о задачах пролетариата в русской революции»²⁹².

Весь опыт прежней политической борьбы, вся та теоретическая работа, которую Ленин вел в предшествующие годы – штудирование философских трактатов, анализ новой эпохи, мирового революционного процесса, те мысли, которые – уже после Февраля – излагал он в «Письмах из далека» – все это было теперь четко сформулировано в десяти тезисах.

И первый из них давал оценку продолжавшейся войне.

Эта война, говорил Ленин, впервые в истории поставила перед целыми странами и народами проблему выживания: «Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа». Что касается России, которая несет в этой войне наибольшие потери, то продолжение бойни приведет страну лишь к полной катастрофе, разорению и распаду»²⁹³.

Можно считать вполне доказанным, считал Ленин, что Временное правительство, опутанное по рукам и ногам обязательствами перед союзными державами, тесно связанное со старым генералитетом и теми буржуазными кругами, которые получали на военных поставках колоссальные прибыли, не сделает никаких реальных шагов к миру. Оно вообще не соби-

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113, 131.

²⁹² От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957. С. 205.

²⁹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 24, 182.

рается отказываться от дальнейших военных действий, от захвата чужих территорий. А это означает, что война по-прежнему остается антинародной.

Ее нельзя кончить, полагаясь на добрые пожелания отдельных лиц или добиваясь смены наиболее «воинствующих» министров. «Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир, – писал Ленин, – все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели». Войну вообще нельзя окончить усилиями лишь одной из воюющих сторон, а тем более – воткнув штык в землю и бежав с фронта. Реализовать это главное требование народных масс можно лишь передав всю полноту власти самому народу²⁹⁴.

Наивно ждать от Временного правительства и спасения от надвигающегося экономического краха. Его признаки, проявлявшиеся в расстройстве народного хозяйства, росте инфляции, сбоях в снабжении армии и тыла, множились изо дня в день. И одновременно, у всех на глазах, росли прибыли промышленников и спекулянтов, наживавшихся на народном бедствии.

Многие полагали, что в условиях войны борьба против буржуазии, сосредоточившей в своих руках управление экономикой, пагубна и необходимо лишь поддерживать ее попытки предотвратить кризис. Но и этот довод Ленин считал чистейшим ребячеством. «Капиталисты не могут, – отмечал он, – отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы». Это правительство никогда не захочет «возложить тяготы войны на богачей», а посему – не даст народу хлеба. Оно «сможет в лучшем для него случае *оттянуть* кризис, но избавить страну от голода *не сможет*»²⁹⁵. Иными словами, и эту задачу можно решить лишь передав власть самому народу.

Таким образом, итожит Ленин, существующее правительство – «олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы...». И второй и третий пункты тезисов фиксируют позицию: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний». Ибо эти «обещания – единственная вещь, которая очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны». И задача «текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... – *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»²⁹⁶.

Придумывать или создавать такую власть заново – не надо. Она существует. Она создана народом. Это – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Беда в том, что ни их лидеры, ни большинство самих депутатов не осознали их сути. Не поняли, что это не органы контроля за деятельностью Временного правительства и тем более не органы местного самоуправления, что Советы – это и есть новая государственная власть.

С точки зрения прежних демократических канонов – все в них было не так. Во-первых, они были «незаконны», ибо не было закона, определявшего их статус, порядок выборов. Но точно так же было незаконно и Временное правительство, которое, уж точно, никто не выбирал и не утверждал. И когда 2 (15) марта, на митинге в Таврическом, Милюкову крикнули: «Кто вас выбирал?», он с пафосом ответил: «Нас выбирала русская революция!»²⁹⁷ Он был прав. И Советы и Временное правительство возникли в результате революции, свергнувшей «старый режим» со всеми его нормами и понятиями о государственном устройстве. По-иному и не могло быть.

²⁹⁴ См. там же. С. 49, 105, 161.

²⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 50, 63, 73, 143.

²⁹⁶ См. там же. С. 36, 114, 147.

²⁹⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

Во-вторых, Советы являли собой некий новый тип государственности – «прямую власть»²⁹⁸, где не было классического «разделения властей». И это тоже не было случайностью. За подобным «разделением» народ имел возможность наблюдать все десять предреволюционных лет. Конечно, Государственная дума по своему составу и функциям была «ублюдочным» парламентом. Но по накалу политических страстей, по части «говорения», она нисколько не уступала аналогичным европейским учреждениям. И этот российский опыт «толчения воды в ступе», бессилия против правящей бюрократии в немалой мере развеивал в глазах народа парламентские иллюзии.

Ведь даже европейский парламентаризм, отмечал Ленин, будучи для всего человечества гигантским шагом вперед в развитии демократии по сравнению с политическими структурами феодализма, вместе с тем показал, что эта форма представительной демократии все-таки не решает главной проблемы: отстранения, отчуждения власти от народа и использования государственной машины против народа.

Напоминая об опыте прежних революций, Ленин говорил, что они «только усовершенствовали *эту* государственную машину, только передавали *ее* из рук одной партии в руки другой партии». Отсюда и результат: «Революции делались, а полиция оставалась, революции делались, а все чиновники и проч. оставались. В этом причина гибели революций... Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, но тем, кто их проводит...» И такое «разделение» всегда таит в себе опасность формирования авторитарно-бюрократического режима²⁹⁹.

Вот почему, выдвигая требование свободы, революционные массы вкладывали в это понятие не только свободу слова, печати, но и надежды на реальную демократию, то есть участие в управлении государством. Вот почему, не доверяя чиновной бюрократии, они стали с помощью Советов строить «демократию *по-своему*». Демократию, которая не только проводила бы политику от имени народа и в интересах народа, но и исходила от народа и осуществлялась не казенным «начальством», а самим народом.

«Жизнь создала, – пояснял Ленин, – революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое “государство”... Это *уже* вопрос практики масс, а не только теории вождей». И в пятом тезисе Владимир Ильич заключает: не парламентарная республика, а республика Советов снизу доверху по всей России, ибо «выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем»³⁰⁰.

Многие оппозиционные платформы обычно грешат одним недостатком. Блистательно критикуя существующую власть и ее политику, они – при изложении своей конструктивной программы – либо обнаруживают полную беспомощность, либо скатываются к чистейшей демагогии.

Нынешние «лениноеды», повторяя зады той критики, которая была обрушена на «Апрельские тезисы» весной 1917 года, твердят – одни об «отходе от марксизма», другие, наоборот, о «тупом доктринерстве», которые якобы и положили начало «социалистическому эксперименту». Жаль, что у подобных критиков не хватило времени на то, чтобы эти тезисы перечитать.

Между тем, комментируя их, Ленин особо отмечает, что Февраль создал ситуацию, в которой нет ни места для «доктрины», ни времени для «социалистического эксперимента». И только тупой педант может в такой обстановке заниматься схоластическими выкладками

²⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 243.

²⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 40, 109, 110, 151, 163.

³⁰⁰ См. там же. С. 4, 108, 147, 180.

относительно того, соответствуют ли той или иной «доктрине» те или иные практические решения.

«Не в том дело сейчас, – подчеркивает Владимир Ильич – как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой “теории” вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*»³⁰¹. И предлагая конкретные меры по выходу из кризиса, Ленин исходит не из «доктрины», а из реальной мировой практики. Война породила множество народнохозяйственных проблем во всех воюющих странах. Наиболее развитые из них – Германия, Англия, Франция, а отчасти и Россия – решали эти проблемы на путях создания «военно-государственного капитализма», то есть государственного регулирования производства и распределения.

На практике это означало не только свертывание свободной конкуренции и рынка, жесткую централизацию производства и снабжения, государственный контроль банковского дела, но и общегосударственную мобилизацию труда, то есть всеобщую трудовую повинность, государственное регулирование рабочего времени на предприятиях, государственные закупки по твердым ценам продовольствия у крестьян, нормированное снабжение городского населения и т. д. «Шаги эти, – отмечал Ленин, – с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит послевоенное время...»³⁰²

Но позволяя буржуазии, хотя бы на время, решать некоторые экономические проблемы, указанные меры решали их в интересах милитаризма, продолжения кровавой бойни – *за счет трудящихся*. Поэтому, предлагая ряд шагов, апробированных Европой и действительно целесообразных в экстремальных условиях войны, Ленин ставит политический: кто и в чьих интересах будет осуществлять их? Ибо в интересах народа их можно использовать, лишь передав власть самому народу.

Такой подход сразу придает трем «экономическим тезисам» (6, 7 и 8), взятым, казалось бы, из арсенала «военно-государственного капитализма», принципиальной иной характер. Он предлагает – немедленный переход к *контролю со стороны Советов* за общественным производством и распределением продуктов. Далее – слияние всех банков страны в один общенациональный банк и *контроль над ним со стороны Совета* рабочих депутатов с привлечением «советов банковских служащих».

О таких Советах Ленин упомянул не случайно. Позднее, в мае, в Петрограде собиравшееся Всероссийское совещание работников кредитных учреждений. Накануне его один из членов большевистской фракции совещания Дон Маркович Соловей пришел к Владимиру Ильичу за советом. Ленин ответил, что важно «узнать о настроениях среди банковских работников. Кого из них можно приблизить к нам, кого можно будет использовать в будущем, когда власть перейдет в руки Советов...» Эта мера особенно важна, поясняет в «Апрельских тезисах» Владимир Ильич, ибо «банки – нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов».

И, наконец, национализация *всех* земель в стране и *передача их в распоряжение* советов крестьянских и батрацких депутатов. А дабы мера эта не приобрела «погромного» характера, подчеркивает Ленин, необходимо, чтобы Советы «строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае

³⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 44, 45.

³⁰² См. там же. С. 44, 56, 168.

не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его, ибо солдатам нужно *вдвое* больше хлеба, и народ не должен голодать»³⁰³.

Что касается угрозы распада и сохранения целостности России, то Ленин прямо указывает: «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся... Но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций». Для этого необходимо избавиться от «предрассудков старины, заставляющих видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великорусов». А, во-вторых, «чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций»³⁰⁴.

Так в чем же дело? Если сила на стороне Советов, если есть программа действий, то, казалось бы, стоит направить к Мариинскому дворцу роту солдат, а еще лучше – матросов, арестовать, а еще проще – разогнать Временное правительство и проблема будет решена. Но в том-то и дело, считал Ленин, что проблема заключалась совсем не в «захвате власти». Она лежала в совершенно иной плоскости.

Революция выявила не только сильные стороны массового движения, его способность к организации и самоорганизации. Революция сделала явными и недостатки этого движения, его слабость. Прежде всего то, что за рамками сознательности и различных форм революционной организованности оставалась гигантская политически неразвитая масса, податливая посулам и демагогии.

«Один из главных, научных и практически – политических признаков *всякой* действительной революции, – пояснял Ленин, – состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа “обывателей”, переходящих к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни... Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике». Эта гигантская волна «захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...»³⁰⁵. Грех соглашательских партий как раз и состоял в том, что опасаясь потерять поддержку масс, они поддались этой «волне или не осилили, не успели осилить волны»³⁰⁶.

«Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто *социально-политический* характер войны со стороны России изменился от... замены царской монархии гучково-милюковской почти республикой. И народ поверил...». Но необходимо четко различать и отделять тех, кто вполне сознательно дурачит народ, от тех, кто одурачен ими, ибо массы *иначе* поддаются иллюзиям, «чем вожди, и *иначе*, иным ходом развития, иным способом высвобождаются»³⁰⁷.

Временное правительство и господа генералы вполне сознательно «ведут войну в интересах русского и англо-французского капитала». А лидеры Советов и прочие господа «советские» интеллигенты – интеллектуально обслуживают их. Они, «невзирая на их добродетели, знание марксизма и проч.», бессовестно обманывают народ фразами о «защите революции». Они «грозят, усовещивают, заклинаяют, умоляют, требуют, провозглашают...» И переубеж-

³⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 110, 115, 116, 136, 167, 202; О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 269.

³⁰⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 159, 167, 168.

³⁰⁵ Там же. С. 156.

³⁰⁶ Там же. С. 157.

³⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 124, 159.

дать их бессмысленно, ибо они прекрасно знают, что нельзя изменить характер войны, «не отказавшись от господства капитала»³⁰⁸.

Совсем другое дело – те, кого они дурачат. «Массовые представители революционного оборончества *добросовестны*, – не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким *классам* (рабочие и беднейшие крестьяне), которые *действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают»³⁰⁹. Вот с ними, с теми, кто признает «войну *только по необходимости*», партия и должна работать. И делать это надо терпеливо, обстоятельно, просто, избегая «латинских слов» и псевдо-ученого умствования³¹⁰.

Народу необходимо сказать правду. И не только правду о буржуазном правительстве. Но и – в первую очередь – правду о самом народе. О том, что в массе своей он недостаточно организован и сознателен. Что ум его замусорен невежеством и множеством «предрасудков старины». Что по привычке, вековой забитости, он тянется за прежними хозяевами жизни, верит им на слово. И что, имея возможность взять власть, он сам дал себя «мирно обмануть» и передал власть буржуазии «по темноте, косности, по привычке терпеть палку, по традиции»³¹¹.

Что, обидно слушать? Да, отвечает Ленин, – «это горькая правда. Но это правда. Народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза, и он *научится* бороться против неправды». Главная задача большевиков как раз и состоит в том, чтобы «избавить массы от обмана»³¹².

Для того, чтобы все это сказать публично весной 1917 года надо было – помимо честности – иметь мужество. Февраль вывел на поверхность политической жизни множество демагогов, озабоченных не столько бедствиями страны, сколько стремлением к политической карьере. Миллионы фальшивых слов, восхвалявших «Его Величество Народ», обрушились на рабочих, солдат, крестьян, приятно кружа им головы.

Естественно, что стремление плыть «против течения», иная «правда о народе», говорил Ленин, не принесет партии, особенно на первых порах, популярности и не прибавит ей голосов в Советах. Но большевики должны бороться за единовластие Советов вне зависимости от того, кто будет стоять во главе Советов и какие партии составят там большинство. «Если даже придется остаться в меньшинстве, – пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве»³¹³.

Поворот в сознании масс неизбежен. И он станет следствием не только, даже не столько, большевистской пропаганды. К нему приведет сама жизнь. «Мы не хотим, – говорил Ленин, – чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок». Поэтому и агитацию надо строить не на «доктрине», а на разъяснении того, что даст власть Советов для прекращения войны и разрухи, ибо к этим вопросам «массы подходят не теоретически, а практически». И если интересы народа нами поняты правильно, если именно их выразит партия, то поддержка ей обеспечена. И, в конечном счете – «к нам придет всякий угнетенный, потому что его приведет к нам война, иного выхода ему нет»³¹⁴.

Временное правительство вполне заслужило, чтобы его свергли и заменили властью Советов. Но его нельзя свергнуть, ибо Советы – и фактически и формально поддерживают

³⁰⁸ См. там же. С. 158, 160, 243.

³⁰⁹ Там же. С. 160.

³¹⁰ См. там же. С. 105, 107, 160.

³¹¹ См. там же. С. 159, 242.

³¹² См. там же. С. 103; Т. 32. С. 19.

³¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 105.

³¹⁴ См. там же. С. 104, 107, 108.

это правительство. Значит, на первый план выступает другая задача: разоблачение политики Временного правительства и завоевание большинства в Советах. А эту задачу никак не решишь ни с помощью флотского экипажа, ни с помощью солдатских штыков.

Ленин многократно повторяет эту мысль: «чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»³¹⁵. Имея за спиной реальную силу, Советы – без всякого восстания – могут взять в свои руки всю полноту власти. И никто – в том числе Временное правительство – не способен воспрепятствовать этому. Вот почему в России, как «нигде в мире, – заключает Ленин, – не может быть совершен так легко и *так мирно* переход всей государственной власти в руки *действительного* большинства народа...»³¹⁶

Вот так ниточка, тянувшаяся от разговоров с воронежцем Кондратом Михалевым в Цюрихе, с тамбовским крестьянином в вагоне поезда, от десятков других встреч, которыми будет насыщен каждый день после возвращения в Россию, и приведет Ленина к пересмотру его позиции по вопросу о перспективе развития революции. Там, в Цюрихе, он полагал, что сам факт вооруженного восстания в Петрограде, свергнувшего царизм, положил *начало* превращению войны империалистической в гражданскую³¹⁷. Но рожденное этим же восстанием двоевластие создало возможность иного – мирного пути. И прежний *лозунг гражданской войны был теперь Лениным снят*.

Спустя четыре года Ленин рассказывал: «В начале войны мы, большевики, придерживались только одного лозунга – гражданская война и притом беспощадная. Мы клеймили как предателя каждого, кто не выступал за гражданскую войну. Но когда мы... вернулись в Россию и поговорили с крестьянами и рабочими, мы увидели, что они все стоят за защиту отечества, но, конечно, совсем в другом смысле, чем меньшевики, и мы не могли этих простых рабочих и крестьян называть негодяями и предателями. Мы охарактеризовали это как “добросовестное оборончество”... Я напечатал тезисы, в которых говорил – осторожность и терпение». И мы выступили «против лозунга гражданской войны...».

«Кадеты, – продолжал Владимир Ильич, – которые являются тонкими политиками, тотчас же заметили противоречие между нашей прежней и новой позицией и назвали нас лицемерами». Но там, где они увидели лишь «тонкий ход», «политиканство», стояло иное: реальность, рожденная самой жизнью. «Наша первоначальная позиция в начале войны, – отмечает Ленин, – была правильной, тогда важно было создать определенное, решительное ядро. Наша последующая позиция была также правильной. Она исходила из того, что нужно было завоевать массы. Мы тогда уже выступали против мысли о немедленном свержении Временного правительства. Я писал: “...Его нельзя свергнуть немедленно, так как оно опирается на рабочие Советы и пока еще имеет доверие у рабочих. Мы не бланкисты, мы не хотим управлять с меньшинством рабочего класса против большинства”»³¹⁸.

Задолго до 1917 года и Маркс, и Энгельс, и Ленин писали о предпочтительности мирного взятия власти трудящимися, как пути наиболее гуманном и ценном, наиболее соответствующем интересам народа. Писали они и о том, что история крайне редко предоставляет такую возможность, ибо господствующие классы, защищая свою власть и привилегии, всегда первыми прибегают к вооруженному насилию.

Именно их сопротивление ставило под вопрос реальность мирного пути и на сей раз, ибо – в отличие от Ленина – они отнюдь не собирались отказываться ни от вооруженного

³¹⁵ См. там же. С. 138, 147.

³¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 264.

³¹⁷ См. там же. С. 67, 73, 161.

³¹⁸ См. там же. С. 57–61.

насилия, ни от гражданской войны. Когда в первый день революции Шульгин взывал к небесам о пулеметах для того, чтобы «загнать обратно в берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Его Величество Русский Народ!», и когда Кутепов двинул против восставших тысячный отряд с пулеметами – их намерения не стали реальностью, началом гражданской войны лишь потому, что не было у них тогда ни сил, ни возможностей. Как справедливо заметил Ленин, они «были *за* гражданскую войну в *их* пользу, они *против* гражданской войны в пользу народа, т. е. действительного большинства трудящихся»³¹⁹. Но это бессилие толкало их не к примирению с новой действительностью, а наоборот – к жгучему желанию реванша. Реванша любой ценой. И с первых послефевральских дней началось собирание сил и формирование армии контрреволюции.

Именно этим, став военным министром, сразу же занялся Александр Иванович Гучков. Надо отдать ему должное – в людях он разбирался. И со всеми героями будущей гражданской войны общий язык был найден уже в марте и апреле 1917 года. В конце марта Гучков вызвал с фронта генерала Антона Ивановича Деникина и назначил его начальником штаба Главковерха. В середине апреля встретился в Одессе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Александром Васильевичем Колчаком. Тогда же в столицу был вызван и генерал Петр Николаевич Врангель. Но главные надежды военный министр связывал с генералом Корниловым, вступившим в должность командующего Петроградским военным округом уже 5 (18) марта.

Настроения в этой генеральской среде были вполне определенными: необходимо с помощью надежных фронтовых частей «расчистить» Петроград, покончить – «не без кровопролития» – с Советами и установить власть, способную «навести порядок». Определались и источники финансирования, необходимого для такого рода «собирания сил». В начале апреля один из ведущих финансистов и промышленников России Алексей Иванович Путилов вместе с директором-распорядителем Международного коммерческого банка Александром Ивановичем Вышнеградским основали «Общество экономического возрождения России», в которое вошли руководители ряда крупнейших банков. ОЭВР изъявило готовность финансировать начинания Гучкова и – через журналиста и предпринимателя Василия Степановича Завойко – установило контакты с Корниловым³²⁰.

Впрочем, готовность генералов и банкиров применить насилие против народа создавала лишь *возможность* гражданской войны. Для ее начала необходима была хоть какая-то массовая опора. И Гучков вскоре убедился в этом сам...

В начале апреля в 26-й корпус Румынского фронта прибыло пополнение. Командир корпуса генерал Миллер, увидев на шинелях солдат красные банты, пришел в ярость и приказал немедленно содрать их. Но солдаты «взбунтовались», арестовали самого генерала и посадили на гауптвахту. Гучков, объезжавший в это время Румфронт, встретился с ними и после беседы понял, что «бунтовщикам» лучше не перечить. Он вынужден был даже одобрить поступок солдат³²¹.

Так что с реализацией плана «расчистки» надо было повременить. И все-таки постепенно, в определенной мере даже стихийно, «точки опоры» начинали складываться. В ряде городов, особенно в столице, стали формироваться – чаще всего из офицеров – тайные группы и группочки, завязываться связи между теми, кто не принял революции, кто считал, что «хватит звонить в колокола и пора бить в набат». Но это «белое дело» только-только

³¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 28.

³²⁰ См.: Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 40, 45, 46, 47; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 160, 266.

³²¹ См.: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978. С. 89.

зарождалось. И пока можно было просчитывать варианты мирного развития революции в России.

Ленин всегда иронизировал над «поразительным легкомыслием» и «самоуверенностью» тех – склонных к «социальному прожектерству» – интеллигентов, которые «рассуждали всегда о том, какой путь для отечества должны “мы” избрать, какие бедствия встретятся, если “мы” направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы “мы” себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которыми пошла старуха-Европа, если бы “взяли хорошее” и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п.»³²².

И теперь, в «Апрельских тезисах», Владимир Ильич писал не о том, как «облагодетельствовать» или куда «вести» народ, а о том, каков будет вектор развития самого движения, куда оно придет, вернее – куда приведет революционная борьба за реализацию насущных требований народа.

Поскольку вопрос о социалистической перспективе русской революции и тогда и теперь вызывает наибольшие сомнения и критику, сошлемся на авторитетное мнение экс-министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново, который еще в 1913 году писал Государю: «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему и не нужных и не понятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут»³²³.

Ленин был более осторожен: необходимо полностью отдавать себе отчет в том, пишет Владимир Ильич, что осуществление всех перечисленных в «Апрельских тезисах» мер, удовлетворяющих нужды народа и проводимых Советами в борьбе с буржуазией, неизбежно выведет революцию за рамки чисто демократического переворота, а «в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы *переходом к социализму*, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим...»³²⁴

Он вновь и вновь поясняет: «такие меры *еще не социализм*». Они решают «только то, что практически назрело»... «Подобный переворот сам по себе не был бы еще отнюдь социалистическим». Он предостерегает от любых попыток «социалистического эксперимента». Но уже сейчас надо знать куда, в конце концов, ведет эта дорога и «вопрос не в том, как быстро идти, а куда идти». Ибо социализм в России «в результате такого рода переходных мер» и при поддержке европейского пролетариата, вполне осуществим³²⁵.

Те, кто полагает, что пафос «Апрельских тезисов» был связан исключительно с надеждами на поддержку революции в России социалистической революцией в Европе, пусть еще раз перечитают эти тезисы. Их пафос *в надежде на разум и жизненный опыт народных масс самой России*.

Еще в Цюрихе Ленин писал: «Когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики». В Питере он повторил: «Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен... Это – довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе... – Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо *приступать* к организационному строительству *самого народа*, а не одних только буржуазных политика-

³²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539.

³²³ Журнал «Красная новь». 1922. № 6. С. 195–196.

³²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56.

³²⁵ См. там же. С. 44, 56, 92, 123, 124.

нов и чиновников... Ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем *ждать*, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы... об удушении Советов рабочих и крестьянских депутатов»³²⁶.

Комментируя «Тезисы», он еще раз повторяет: «Я “рассчитываю” *только* на то, *исключительно* на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся с *практическими* трудными вопросами... Я глубочайше убежден, что Советы рабочих и солдатских депутатов скорее и лучше проведут самостоятельность *массы* народа в жизнь...»³²⁷

Эту особенность «Апрельских тезисов» по-своему ухватил Милюков: «Дворянин Ленин, – говорил он, – только повторяет дворянина Кириевского или Хомякова, когда утверждает, что из России придет новое слово, которое возродит обветшавший Запад, сорвет это старое знамя научного социализма и поставит на его место новое знамя прямого внепарламентского действия голодающих масс, действия, которое непосредственно, физической силой заставит человечество взломать, наконец, двери социалистического рая»³²⁸.

При всем своеобразии революций, которые знала история человечества, есть некие общие – если и не «законы», то во всяком случае общие тенденции их развития. До определенной точки революционная волна набирает все большую силу, сметая все на своем пути. Но, пройдя эту точку, она начинает замедлять свой ход. Для революционного процесса точка эта определяется реализацией *основных требований* борющихся масс. Лишь удовлетворив их, можно добиться умиротворения и направить вырвавшуюся наружу энергию и инициативу масс не на разрушение, а на созидание, начав тем самым новую конструктивную эпоху в истории России.

Если же требования народа не будут удовлетворены, тогда кровавая смута и анархистская бестолочь – неизбежны. И поскольку удельный вес сознательных элементов в этой многомиллионной массе недостаточен, движение будет приобретать все более буйный характер. Вот откуда исходила опасность настоящего «русского бунта» и реальной «пугачевщины». Тогда страна действительно могла пойти в разнос.

Возможен был, впрочем, и третий вариант: контрреволюция. Она выжидала и надеялась, что консолидировав свои силы, используя политическую неразвитость масс, сумеет остановить революционный поток. Тогда выходом из смуты мог бы стать лишь кровавый авторитарный режим во главе с генералом-усмирителем, либо опять – та же монархия. А возможно – «и» – «и». Но и тогда Россия имела бы дело лишь с «отложенным спросом», как это произошло после подавления первой русской революции.

Между прочим, эти «законы» революции понимал не только Ленин. За 10 лет до того Павел Николаевич Милюков писал, что если бы английский абсолютизм во время революции XVII века «мог добросовестно подписаться под требованиями конституционной монархии тогдашнего парламентского большинства, логическое развитие английской революции остановилось бы на торжестве просвитерия; не дошло бы дело до торжества республиканских тенденций индипендентов, ни до борьбы Кромвеля». Точно так же и во времена Французской революции «логическое развитие событий едва ли привело бы к тем же последствиям – республике и военной диктатуре, если бы возможно было честное соглашение между Людовиком XVI и конституционными монархистами»³²⁹.

³²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 42, 163, 164.

³²⁷ Там же. С. 143.

³²⁸ «Речь». 1917. 19 октября.

³²⁹ Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. Спб., 1907. С. 350.

То есть тогда, в 1906 году, Милюков понимал, что стабилизация невозможна без удовлетворения требований революции. Тогда он все еще оставался историком, а не только политиком. Теперь, в 1917-м, он стал министром. И был убежден, что уступать напору масс – нельзя. Но ведь ясно было, что и удержать их невозможно...

Складывался таким образом исторический парадокс: те, кто громче всех твердил о своем стремлении предотвратить смуту, избежать междоусобия и распада, по существу, вели именно к такому исходу. А те, кого обвиняли в подстрекательстве, в подталкивании страны к анархии – на самом деле предлагали путь, который давал шанс избежать и хаоса, и распада, и широкомасштабной гражданской войны.

И обращаясь к большевикам, Ленин писал: «Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе- марксистам, про которых говорил Маркс: “Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох”»³³⁰.

Позднее партийные эрудиты вспомнят, что Ленин выступил с «Апрельскими тезисами» 400 лет спустя после того, как Мартин Лютер в 1517 году приколотил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои знаменитые 95 тезисов против догматов католицизма. Энгельс заметил, что эти тезисы послужили сильнейшим толчком к революции, оказав на общественное сознание такое же действие, как *удар молнии* по бочке с порохом.

Весной 1917 года об этом случайном совпадении никто не вспомнил. Было не до исторических аналогий. К тому же все твердо знали, что «нет пророка в своем отечестве». Нет и быть не может.

³³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.

«Против течения»

Когда политическая борьба достигает особой остроты, нередко проявляется определенная «закономерность»: политические лидеры, оппонируя друг другу, не только перестают понимать, но и слушать противника. Они просто не воспринимают любые идеи, не укладывающиеся в принятую ими схему. Диалог сменяется яростными монологами, при случае переходящими в брань, а то и в «рукопашную». И что любопытно, особые страсти зачастую возбуждают не главные, коренные явления реальной жизни, а сюжеты либо побочные, либо сугубо доктринальные.

Но 4 (17) апреля, закончив выступление перед большевиками и меньшевиками, участниками Всероссийского совещания Советов, Ленин все-таки надеялся, что дискуссия развернется по существу тех проблем, которые он поставил. Шансов на это было мало. Меньшевики преобладали в зале. И, судя по всему, с самого начала настроились на скандал. Сидевший рядом с трибуной меньшевик Борис Богданов буквально неистовствовал: «Ведь это бред, – прерывал он Ленина, – это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье, – кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, – вы позорите себя! Марксисты!»³³¹

Но, как ни странно, надежду на деловое обсуждение подал другой инцидент. В тот момент, когда Владимир Ильич излагал свои тезисы о войне, один из фронтовиков, сидевших в зале, подскочил к трибуне и, как пишет Бонч-Бруевич, стал ругаться «самым отчаянным образом». Ленин выждал, пока «страсти улягутся» и продолжил: «Товарищ излил свою душу в возмущенном протесте против меня, и я так хорошо понимаю его. Он по-своему глубоко прав... Он только что из окопов, он там сидел, он там сражался уже несколько лет, дважды ранен, и таких, как он, там тысячи... За что же он проливал свою кровь, за что страдал?... Ему все время внушали, его учили, и он поверил, что он проливает свою кровь за отечество, за народ, а на самом деле оказалось, что его все время жестоко обманывали... Да ведь тут просто с ума можно сойти! И поэтому еще настоятельней мы все должны требовать прекращения войны...»³³²

Этот фронтовик был несогласен с «Тезисами». Но он спорил «по делу» – о способах окончания войны. И спустя несколько дней, видимо, под впечатлением этого выступления, Ленин напишет: «Массовый представитель оборончества смотрит на дело попросту, по-обыкновенно: “Я не хочу аннексий, на *меня* «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистические интересы”. Такому человеку надо разъяснять и разъяснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, *классовых*, политических, в связи войны с интересами капитала... Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех – может быть, не очень быстрый, но верный и прочный»³³³.

Владимир Ильич видел, что ему собирается оппонировать вся «тяжелая артиллерия» меньшевиков, сидевшая в президиуме. И он надеялся, что уж они-то продолжат разговор по существу. Увы! Вместо этого он услышал снисходительно-поучающие речи о том, что «тов. Ленин» слишком долго не был в России и к тому же не очень тверд в азах марксизма.

Первым взял слово Ираклий Церетели. Он стал говорить о том, что в «Тезисах» отсутствует классовый анализ, что «народные массы не подготовлены к пониманию таких мер, которые предлагает т. Ленин». В ход пошел Энгельс, его предупреждение о том, что класс, *рано* захвативший власть, гибнет. А посему, заключал Ираклий Георгиевич, даже если рус-

³³¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 16.

³³² Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 78–79.

³³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 160.

ские рабочие «захватят власть», то через 3–4 дня крах неизбежен, а он приведет к поражению революции в России и в Европе. Потом Федор Дан долго говорил о том, что «Тезисы» – это удар по единству и «похороны партии». А Юрий Ларин, как «истинный интернационалист», стал доказывать, что Ленин противоречит самому Карлу Либкнехту...³³⁴

Как всегда, особенно обидно выступали бывшие товарищи. Иосиф Петрович Гольденберг (Мешковский), избравшийся от большевиков в состав ЦК РСДРП, а в годы войны перешедший к плехановцам, заявил: «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина! В новых словах Ленина слышится старина: в них слышатся истины изжитого примитивного анархизма». Он «поднял знамя гражданской войны внутри демократии», ибо сеет раскол среди социалистов. Юрий Стеклов, тоже ходивший в прежние годы в большевиках, оказался более снисходительным: «Речь Ленина состоит из одних абстрактных построений, доказывающих, что русская революция прошла мимо него. После того как Ленин познакомится с положением дел в России, он сам откажется от этих своих построений»³³⁵.

Еще во время выступления Ленина Матвей Скобелев замечает: «Его друзья и сторонники, даже наиболее убежденные, обмениваются тревожными взглядами, ибо развиваемая Лениным идея кажется мало соответствующей условиям...» В кулуарах Матвей Иванович обменивается мнениями с Сухановым. И когда к ним подходит Милюков и, как бы между прочим, начинает расспрашивать о разногласиях между «социалистами», Суханов отвечает: «Ленин в настоящем его виде до такой степени ни для кого не приемлем, что сейчас он совершенно не опасен». Скобелев выразился жестче, сказав, что оценивает Ленина «как совершенно отпетого человека, стоящего вне движения»³³⁶.

«Ленина, – продолжает Суханов, – поддержала одна (недавняя меньшевичка) Коллонтай... Эта поддержка не вызвала ничего, кроме издевательств, смеха и шума... Серьезное обсуждение было сорвано»³³⁷. Слушать все это было не столько обидно, сколько скучно и неинтересно. И, договорившись о встрече с большевиками, приехавшими с мест, Ленин ушел, не воспользовавшись даже своим правом на заключительное слово.

Эта встреча, состоявшаяся на следующий день, в той же комнате 13 на хорах Таврического дворца, порадовала. Москвичка Мария Костеловская рассказывает: «...Слово получил шахтер из Донбасса. Он был высокий, черный, с проседью, коренастый, лет под 50, с большой черной бородой. Он смотрел на Ильича влюбленными глазами, как на родного, и сказал примерно следующее:

– Все, что тут товарищ Ленин предлагает, все это правильно. Надо брать нам фабрики и заводы и прогонять капиталистов. Вот у нас хозяев нет. На нашем руднике 10 тысяч рабочих, и мы теперь работаем сами... Поставили охрану рудника, весь порядок исполняем, работаем без хозяина. Но только ораторов у нас нет... Когда соберется народ, требует, чтобы я, как я есть большевик, объяснил им все. Ну, я только одно могу сказать и говорю им всегда: “Братцы, держитесь крепче”. А больше я ничего не могу сказать... А Ленин во всем, что он говорил, во всем прав.

Во время этой речи Ильич вел себя очень бурно. Он радовался, вскакивал, садился, подавал реплики, смеялся»³³⁸. И менее всего его симпатии привлекла комплиментарная часть речи. Огромное впечатление на него произвело то, что этот вполне зрелый рабочий пришел

³³⁴ См.: Ленинский сборник. VII. М.-Л., 1928. С. 307–308.

³³⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 16.

³³⁶ Там же. С. 19; «Рабочая Москва». № 38. 16 апреля.

³³⁷ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 17.

³³⁸ От Февраля к Октябрю. С. 206.

к мысли о контроле над производством, не штудирова «умные» книжки, а непосредственно от реальной жизни, от необходимости сохранить шахту и накормить людей.

Об этом выступлении донецкого шахтера Н. И. Дубового Ленин вспомнил через три недели на Всероссийской конференции РСДРП: «Я кончу ссылкой на одну речь, которая произвела на меня наибольшее впечатление. Один углекоп говорил замечательную речь, в которой он, не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли у них президент, но его интересовал вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная»³³⁹.

После Дубового слово дали Костеловской. Она говорила о «самочинных захватах» предприятий рабочими и земли крестьянами в Центральном районе. О том, что все это происходит стихийно, что массы гораздо «левее» партии. И опять «на мою долю, – вспоминала Мария Михайловна, – так же как и на долю моего предшественника – шахтера, досталось немного одобрительных восклицаний Ильича. Он тыкал в воздух указательным пальцем и кричал: “слушайте, слушайте”. Смеялся, хлопал. Он одобрял, радовался, шутил и вставлял язвительные словечки по адресу Каменева и других»³⁴⁰.

«Язвительные словечки» не были случайными. О том, что ему придется столкнуться с оппозицией в большевистских рядах, Ленин догадывался еще в Цюрихе. Из четырех «Писем из далека», отправленных им в марте, «Правда» опубликовала лишь первое, да и то с большими купюрами. А беглый просмотр «Правды» в Торнео, беседа с Каменевым, Сталиным и другими цекистами сначала в вагоне, а затем в Питере, окончательно убедили Владимира Ильича, что бой предстоит не только с партиями буржуазии, не только с эсерами и меньшевиками, но и с вполне сложившимися настроениями и даже предрассудками в большевистской среде.

Эти настроения и предрассудки проявились уже на площади Финляндского вокзала после выступления Ленина с броневики. Мария Костеловская, стоявшая в оцеплении, рассказывает, что «тут же начались и споры: “Как же так, ведь социалистическая революция у нас возможна лишь после того, как она начнется где-либо на Западе”. И мы чуть не подрались тут же с одним из товарищей, с которым шли рядом, держа цепь»³⁴¹.

О том, что в предреволюционные годы во всех российских нелегальных партиях – по идейным, организационным или иным мотивам – шла острая фракционная борьба написано много. Попытки свести причины этих разногласий к соперничеству лидеров, склокам – несерьезны и за версту отдают пошлостью. Крайняя сложность непрерывно менявшейся в стране обстановки не поддавалась простым, однозначным оценкам. И это неизбежно сказывалось при выработке практических решений.

Безусловно, эти споры затрагивали прежде всего эмигрантскую среду и находившиеся там партийные «верхи». Но каждый раз, когда возникали распри, лидеры апеллировали к массе российских партийцев. В ходе дискуссий местные организации самоопределялись, принимали сторону той или иной руководящей группы и, в конечном счете, именно там, «в низах», решался исход внутрипартийной борьбы.

Однако все эти разногласия порой изрядно надоедали партийцам на местах. Особенно в тех случаях, когда сам предмет спора был им не очень понятен. Известная фраза Сталина – «буря в стакане воды» – по поводу философской дискуссии между Лениным и Богдановым в 1909 году, достаточно полно характеризует эти настроения. Поэтому в партийной среде

³³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 358.

³⁴⁰ От Февраля к Октябрю. С. 207.

³⁴¹ От Февраля к Октябрю. С. 204.

и возникало определенное противопоставление «теоретиков-заграничников» и «российских практиков».

Слова – «мы, практики» – Сталин не раз повторял и тогда, когда речь заходила о его разногласиях с Лениным в 1917 году. «Ильич велик» – этого он никогда не отрицал. Но «нам казалось, – говорил Сталин, – что все овражки, ямы и ухабы на нашем пути нам, практикам, виднее»³⁴².

Впрочем, после возвращения из ссылки 12 (25) марта отношения с питерскими «практиками» – членами Русского бюро ЦК Шляпниковым, Залуцким, Молотовым – у него сложились не сразу. Его конфликты с товарищами по туруханской ссылке были им известны и, когда встал вопрос о вхождении Сталина в состав Бюро, решили: «он состоял агентом ЦК в 1912 г. и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом»³⁴³.

Однако уже на следующий день, 13 марта, по настоянию депутата IV Думы Матвея Муранова, Сталин становится не только полноправным членом Бюро, но и вводится в редакцию «Правды», которая с 14 марта начинает регулярно печатать его статьи.

Извлекать уроки из своих ошибок он тогда умел и никаких следов «надменности», за которую его упрекали в ссылке, за ним уже не замечалось. Наоборот, он был простым и свойским в отношениях и с питерским большевистским активом, и с «практиками», приезжавшими из провинции. Наладились нормальные рабочие отношения и с руководителями Петросовета – Чхеидзе, Церетели, Чхенкели. Сталин знал их по прежним временам, но теперь они буквально упивались той ролью «государственных мужей», которую им довелось играть.

Александра Коллонтай после возвращения в Питер записала: «Меня поразило, что о “днях революции” говорили как о чем-то прошлом, уже пережитом, будто с отречением царя и образованием Временного правительства все войдет в свою обычную колею». В письме Ленину 26 марта Александра Михайловна отметила: «Слишком громко звучит нотка уже достигнутого торжества, будто дело сделано, уже закончено... “Мы уже у власти”, таково самодовольно-ошибочное настроение у большинства в Совете. И этим опьянением достигнутыми успехами конечно пользуется гучковское правительство, склоняясь лицемерно перед волей и решением Совета в частностях, но, разумеется... удерживая в руках своих бразды правления»³⁴⁴.

В статьях Каменева, фактически возглавившего «Правду», а отчасти и Сталина, подобные настроения нашли свое отражение. Поэтому и ленинские «Письма из далека», привезенные 19 марта Коллонтай, встретили в редакции настороженно. 21 и 22 марта со значительными сокращениями опубликовали лишь первое письмо. И еще в Белоострове, увидев Каменева, Владимир Ильич сказал ему: «Что у вас пишется в “Правде”? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...»

Позднее большевики не любили вспоминать об этих разногласиях. Федор Раскольников ограничился фразой: доклад Ленина 4 апреля в Таврическом «переполошил... некоторых партийных товарищей. Не все так скоро могли понять казавшийся почти максималистским призыв к социалистической революции». Старый большевик В. Залежский был более определен: «Основные положения тезисов, – пишет он, – настолько ошеломили даже руководящую верхушку петербургской организации, что в своем выступлении Ленин не нашел сторонников даже в наших рядах». Суханов вспоминает, что прямо там – в Таврическом – один

³⁴² Сталин И. В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 317.

³⁴³ «Вопросы истории КПСС». 1962. № 3. С. 143.

³⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 134, оп. 1, д. 272, л. 28, 48.

из большевиков открыто заявил, что речь Ленина «не углубила, а, наоборот, уничтожила разногласия в среде социал-демократии, ибо по отношению к ленинской позиции между большевиками и меньшевиками не может быть разногласий»³⁴⁵.

Видимо, это был *бывший* большевик, перешедший в годы войны к меньшевикам, Владимир Савельевич Войтинский. 5 апреля он писал в плехановском «Единстве» о Ленине: «Мы все объединимся без него и против его программы, придуманной в поезде».

Анатолий Луначарский, причислявший себя в то время к «межрайонцам», добавляет: когда Ленин на собрании 4 апреля изложил свои тезисы, «не только элементы колеблющиеся среди социал-демократов, но даже люди из очень старой большевистской среды дрогнули. Стали толковать, что Ленин со своим радикализмом может погубить революцию, толковать, что он зарвался... Почти у всех была смута на душе»³⁴⁶.

Действительно, если верить Суханову, именно в эти дни «Ленин созвал совещание из старых большевистских “генералов”, современные взгляды которых ему были неизвестны, но которые – в случае солидарности с ним – могли составить превосходное боевое ядро для создания будущей армии... В числе приглашенных были заслуженные, но в большинстве не активные ныне большевики – Базаров, Авилов [Глебов], Десницкий [Строев], кажется Красин, Гуковский и не помню, кто еще.

По словам участников, Ленин на этом совещании был вконец охрипшим и совершенно не мог говорить. Но более чем вероятно, что это и не входило в его планы: он уже достаточно высказался и хотел *послушать*, что скажут ему старые “маршалы”... “Маршалы” произнесли по речи. Ни один не высказал ни малейшего сочувствия. Все до одного оказались преисполнены предрассудками марксизма и старого социал-демократического большевизма»³⁴⁷.

Судя по всему, Красина на этом совещании не было. Они встретились позже. А организовать эту встречу Владимир Ильич попросил Александру Коллонтай.

Леонида Борисовича и его брата Германа он знал еще с 90-х годов. В 1905 году Леонид Красин возглавлял боевую техническую группу при ЦК РСДРП, на III и IV съездах избирался членом ЦК, а на V – членом Большевистского центра. Его всегда отличала увлеченность работой, которую он вел – будь то организация нелегальных типографий, мастерских по изготовлению бомб или подготовка восстания. Он всегда целиком отдавался тому делу, которое избрал для себя.

Но после поражения революции Красин стал отходить от партийной работы. Теперь он увлекся электротехникой, с которой не терял связей и прежде – после окончания Харьковского технологического института. В Берлине как инженер он приобрел авторитет даже среди самых высококвалифицированных немецких специалистов фирмы «Сименс и Шукерт». А когда вернулся в Россию, возглавил отделение этой фирмы в Петербурге и «Электростанцию акционерного общества 1886 года» в Царском Селе.

Здесь они и встретились. Электростанцию Ленин посещал впервые. Его искренний интерес был для Красина в радость, ибо здесь было теперь его любимое дело. Он водил Владимира Ильича из помещения в помещение, рассказывал об устройстве всех агрегатов и механизмов. И Ленин потом говорил Коллонтай: «Красин... сейчас по уши влюблен в свою электростанцию... Умница... И так это смачно рассказывает про новую технику, что я шесть часов бродил с ним по заводу, времени не заметил... В будущем, когда начнем строить новую Россию, нам такие как Красин нужны будут. Да не десятки, а тысячи Красиных».

³⁴⁵ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.-Л., 1925. С. 54; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 17; Залеский В. Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 178.

³⁴⁶ Луначарский А. В. О Владимире Ильиче. Сборник статей и воспоминаний. М., 1933. С. 23.

³⁴⁷ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 20.

Но чем больше Леонид Борисович рассказывал о светлых перспективах электрификации, тем больше удивляла Ленина его отстраненность от того, что происходило за стенами станции. «Странные люди эти инженеры, – говорил потом Владимир Ильич Коллонтай. – Красин был инициативный и бесстрашный партиец, а сейчас... важно ему одно, чтобы турбины да генераторы работали без отказа... Ни о чем другом не думает. Будто нет революции, не слышит он её».

Но оказалось, что слышит... Но совсем по-другому. Его пугала та самая «пугачевщина», о которой писала большая пресса. И Леонид Борисович стал просить Ленина похлопотать в ЦИК, чтобы помогли ему «в случае эксцессов» вывезти семью – жену, дочерей – в Англию. Владимир Ильич обещал помочь. На том и расстались. И Коллонтай заметила, что рассказал он ей все это «с оттенком удивления, но без порицания»³⁴⁸.

Осадок все-таки остался. Спустя несколько месяцев, когда борьба действительно обострилась до крайности и страх перед народной стихией для многих интеллигентов стал заслонять все остальное, Ленин, не упоминая фамилии, вспомнил в одной из своих работ: «Разговор с богатым инженером незадолго до июльских дней. Инженер был некогда революционером, состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он – один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих. Если бы еще это были такие рабочие, как немецкие, – говорит он (человек образованный, бывавший за границей), – я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война... это не революция, это – пропасть».

Он готов был признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!»³⁴⁹.

До сих пор никто не расшифровывал – о ком идет речь в этих ленинских строках. Да, о Леониде Борисовиче Красине. И это нисколько не умаляло в глазах того же Владимира Ильича заслуг Красина в последующие годы, когда он активно включился в советскую работу. Тем более что тогда – в апреле 1917 года – Ленин поначалу не находил общего языка не только с ним.

6 (19) апреля на заседании Бюро ЦК против «Апрельских тезисов» выступил Каменев. Мысль Ленина о том, сказал он, что на смену империализму идет социализм – теоретически бесспорна. Но у нас «революция буржуазная, а не социальная. Не оценен момент, конкретный для России». Поэтому сравнивать российские Советы с Парижской Коммуной 1871 года неправомерно. В целом ленинская «общая социологическая схема не наполнена конкретным политическим содержанием» и не дает «конкретных указаний». Каменева поддержал Сталин. И хотя он коснулся лишь национального вопроса, вывод был тот же: «Схема, но нет фактов, а потому и не удовлетворяет». Шляпников пошутил: «Вас, Владимир Ильич, надо немного бы придержать за фалды, вы хотите двигать события слишком быстрыми темпами». Но Ленин шутки не принял. «Быстро ходя взад и вперед по комнате», он ответил, что «удерживать его за фалды никому не придется», ибо не он будет «двигать события», а партия будет вынуждена считаться с неизбежными «грядущими событиями»³⁵⁰.

Когда вопрос об отношении к ленинским тезисам поставили на заседании Петроградского комитета, лишь двое поддержали их. 13 проголосовали против и один воздержался. На заседании ЦК решили по отношению к лидеру быть более гибкими: постановили начать

³⁴⁸ РГАСПИ, ф. 134, оп. 1, д. 272, л. 88, 89.

³⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 321.

³⁵⁰ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 424; О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 238.

общепартийную дискуссию и подвести ее итоги на Всероссийской конференции РСДРП. «И тезисы и доклад мой, – писал Ленин, – вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции “Правды”... Мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее *открыто* продискутировать эти разногласия...»³⁵¹

7 (20) апреля «Правда» опубликовала «Апрельские тезисы» с редакционным примечанием, что они отражают лишь взгляды Ленина, а отнюдь не позицию партии. А на следующий день в «Правде» печатается статья Каменева «Наши разногласия», содержащая критический анализ «Тезисов», которые рассматривались как сугубо «личное мнение» Ленина, причем противоречащее решению, принятому мартовским Общероссийским совещанием большевиков накануне приезда Владимира Ильича.

Каменев и его единомышленники избрали, казалось бы, беспримысленную позицию: они-де стоят на почве общеизвестных партийных решений и старых принципов большевизма, а Ленин, с его революционным нетерпением, пытается их ревизовать. Между тем буржуазная революция не завершена. Республика не узаконена. Аграрный вопрос не решен. Значит, буржуазная демократия еще не изжила себя. Значит, рвать блок с мелкобуржуазными партиями рано. Пусть *они* dokonчат свое дело. А уж потом возьмемся *мы* и будем думать о переходе к революции социальной.

Пока же наше место – это место добропорядочной оппозиции, которая будет поддерживать лишь конкретные шаги правительства, соответствующие интересам народа. Все это звучало убедительно и мило. Но, увы, телега российской революции уже катилась с грохотом совсем не в ту сторону.

Относительно верности «старым большевистским решениям» Каменев не столь уж грешил против истины. Но в этом доктринерстве как раз и заключалась слабость его позиции. Прежние «формулы» большевизма, отвечает ему Ленин в «Письмах о тактике», прежние «большевистские лозунги и идеи *в общем* вполне подтверждены историей, но *конкретно* дела сложились *иначе*, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее». Одновременное существование буржуазного правительства (а это «законченная» буржуазная революция) и Советов («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства») создало не тот коллаж, в котором один цвет плавно переходит в другой. Сложилась сразу «двухцветная» действительность.

«Игнорировать, забывать этот факт, – продолжает Владимир Ильич, – значило бы уподобляться тем “старым большевикам”, которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности». Старая формула, – заключает Ленин, – «никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее». Того, кто пытается делать это, «надо сдать в архив “большевистских” дореволюционных редкостей (можно назвать: архив “старых большевиков”)». И он напоминает любимую фразу из «Фауста» Гёте: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»³⁵².

В общем, ответ Каменеву и его единомышленникам получился достаточно жестким. Но Владимир Ильич откладывает эту работу – «Письма о тактике» – для издания отдельной брошюры. А в «Правде» публикует чуть ли не ежедневно по две-три-четыре статьи, разъясняющие основные идеи «Апрельских тезисов».

Итак, дискуссия в большевистской печати началась. И велась она в достаточно сдержанных, товарищеских тонах. А вот за ее рамками обсуждение ленинской позиции с каждым днем все более превращалось в кампанию откровенной травли.

³⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 131; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 49.

³⁵² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 133, 134, 139, 140.

26 мая Ленин пришел в Зимний дворец давать показания Чрезвычайной следственной комиссии по делу Малиновского. С того момента, когда были опубликованы документы охранки о его провокаторстве, буржуазная пресса не переставала травить Ленина за то, что он якобы укрыв Малиновского от этих обвинений еще в 1914 году.

«В залах Зимнего дворца, занятого Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, – рассказывает очевидец, – царило большое возбуждение. Нарядные машинистки, работавшие раньше в сенате, лица, прикомандированные к комиссии для производства следственных действий – следователи, товарищи прокуроров и т. д. – оставили свои кабинеты и делали вид, будто они прогуливаются в коридорах... Даже придворные лакеи сбросили с себя личины равнодушной и тупой важности». Другой очевидец дополняет: «У нас в комиссии был переполох. Все стремились посмотреть на “продавца России” и хоть вслед ему плюнуть – на большее пороку ни у кого не хватало. Ждали скандала».

«Почти минута в минуту, в назначенный час, вызванный свидетель поднялся по дворцовой лестнице, предъявил свою повестку и был проведен к судебному следователю сквозь строй жадно любопытных и остро неприязненных взоров». Отвечая на вопросы присяжного поверенного Н. А. Колоколова, Ленин рассказал, что тогда – в 1914 году – ЦК РСДРП создал специальную комиссию для проверки слухов о провокаторстве Малиновского. От партийной работы его сразу отстранили. Однако ни улики, ни серьезных фактов о связях с охранкой – не выявили. Да, теперь, спустя три года, стало известно, что Малиновский – провокатор. Но тогда, в 14-м, для столь страшного обвинения доказательств не было. Были лишь догадки, слухи и сплетни весьма сомнительного свойства. Начавшаяся война прервала расследование³⁵³.

О «презумпции невиновности» Колоколов знал хорошо и ответы Ленина его удовлетворили. Полковник Коренев, присутствовавший при этой беседе, написал: «Ленин оказался на допросе не только приличным, но и крайне скромным... Он приводит данные, излагает свои соображения, которые объясняют, почему он доверял, не мог не доверять Малиновскому».

По ходу разговора выясняется, что в 1914 году о провокаторстве Малиновского доподлинно знал председатель Думы. Но он даже не намекнул, не предупредил об этом «левых» депутатов. Вот кого, считал Ленин, надо привлечь к ответственности за преступное укрывательство и навсегда исключить из числа «незапятнанных граждан» России.

Каков же итог? В последующие дни солидные «Биржевые ведомости», меньшевистские «День», «Новая жизнь» и другие газеты напечатали, что на допросе в ЧСК Ленин якобы так и не поверив в провокаторство Малиновского, всячески пытался его обелить. Такова была «объективность» свободной российской прессы³⁵⁴.

Особенно интенсивно использовались ею два сюжета: призыв Ленина к «захвату власти» и немедленное «введение социализма» в России. К этой кампании присоединился и Георгий Валентинович Плеханов, заявивший, что тезисы Ленина являют собой «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле»³⁵⁵.

Поскольку ни первого, ни второго, ни третьего утверждения в тезисах не содержалось, можно было бы игнорировать подобную критику. «Я бы назвал это “бредовыми” выражениями, – заметил Владимир Ильич, – если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение»³⁵⁶. Но ведь эту

³⁵³ См.: Розенталь И. С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 135.

³⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 353, 354, 510, 511, 512; «Труд», Москва, 1924, № 255, 7 ноября.

³⁵⁵ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 248.

³⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 117.

прессу читали люди. Она воздействовала на их умы. Значит, надо было отвечать и вновь и вновь – не оправдываться, а *разъяснять* свою позицию.

Плеханов, Дейч и Засулич выступают с воззванием против тех, кто ведет антивоенную пропаганду. Такая пропаганда, считают они, аморальна, ибо «Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором...». Их позиция вполне укладывалась в рамки кампании, проводившейся либеральной прессой, которая оценивала нежелание солдат воевать как отсутствие патриотизма и нравственную деградацию.

Противоположные позиции неизбежно рождали разную логику рассуждений. Почему умирать за Константинополь и проливы – это патриотизм, а нежелание погибать за чужие интересы – это позор? Согласно той логике, которой Плеханов, Дейч и Засулич придерживались в прежние времена, если общество разделено на богатых и бедных... если богатые не считаются с бедными и блюдут лишь свои корыстные интересы... если во имя этих интересов они заключают соглашения с такими же эксплуататорами из других стран, то почему эти соглашения должны быть обязательными для трудящихся. Ведь у них есть другие обязательства.

«Между рабочими всех стран, – разъясняет Ленин, – *есть* другой договор, именно Базельский манифест 1912 года (Плехановым тоже подписанный и – преданный). Этот “договор” рабочих называет “преступлением”, если рабочие разных стран будут стрелять друг в друга из-за прибылей капиталистов». И для всей массы трудящихся это соглашение предпочтительней, нежели те, которые заключались монархами России, Англии, Италии и т. д.³⁵⁷

Поскольку отношение большевиков к войне стало излюбленным сюжетом, эксплуатировавшимся буржуазной прессой, Ленин уделял ему особое внимание. Еще 17 (30) апреля, выступая на заседании солдатской секции Петросовета, он сказал: «Желтая пресса пишет, что я, Ленин, призываю солдат сложить оружие и разойтись по домам. Не так, товарищи. Я призываю солдат крепче держать в руках винтовку и направлять ее туда, откуда грозит опасность нашей революции. Если грозит опасность со стороны немецкой буржуазии, направлять винтовку туда, а если грозит опасность со стороны русской буржуазии, направляй винтовку в нее». Так записал его выступление член солдатской секции Петросовета Михаил Жаворонков³⁵⁸.

Позднее Владимир Ильич пояснял: «Мы были пораженцами при царе, а при Царетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в “Правде” воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый, опубликовал по армии... Он сказал: “К бунтам мы вас не зовем”. Это не было разложением армии. Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой... Мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт...»³⁵⁹

При разъяснении позиции по отношению к войне и способам ее прекращения, один вопрос более всего беспокоил Владимира Ильича – о «братании». Именно вокруг него разгорались страсти на митингах и в прессе. Из-за него произошел и упомянутый выше конфликт с фронтовиком при чтении «Апрельских тезисов» в Таврическом дворце. И Ленин попросил руководителей большевистской Военной организации, сформировавшейся еще в марте 1917 года, связать его с солдатами. Со сколькими фронтовиками беседовал он на эту тему – неизвестно. Судя по всему, со многими. И запись одной из таких бесед сохранилась.

Беспартийному солдату Андрею Немчинову, заместителю председателя комитета 2-го гвардейского стрелкового полка, стоявшего под Луцком, было под тридцать. В Питере он находился проездом, так как дали ему отпуск в родные пермские края. Когда его привели

³⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 328.

³⁵⁸ Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 570.

³⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 114–115.

в редакцию «Правды», Владимир Ильич спросил: «Вы, товарищ, с фронта? Как там с братанием?»

И вот запись ответа: «Говорят, что немцы братаются для того, чтобы вывести наши силы, но мы никакой неискренности со стороны немецких солдат, таких же крестьян и рабочих, как и мы, не видели. Наоборот, многие немцы и австрийцы со слезами на глазах жали руки нашим солдатам и по их измученным лицам видно было, как издергала их эта проклятая война. Немецкие офицеры, так же, как и наши, не хотят брататься и солдаты-немцы идут наперекор их приказаниям... По-видимому, озлобление солдат против офицеров достигает крайней степени. Немецкие офицеры другой раз открывают стрельбу по русским солдатам. В таких случаях немецкие солдаты сплошь и рядом предупреждают нас, махая шапками, чтобы мы спрятались». Уходя, Немчинов сказал: «“Так что войну мы почти кончили...” “Вот это хорошо! Сам народ кончает войну!” – одобрительно заметил мой собеседник». О том, что он разговаривал с Лениным, Андрей Ильич не знал³⁶⁰.

А Владимир Ильич в «Правде» 28 апреля в статье «Значение братанья» написал: «... братанье есть революционная инициатива *масс*, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов... Хорошо, что солдаты проклинают войну... Хорошо, что они, ломая каторжную дисциплину, сами начинают братанье на всех фронтах... Надо, чтобы солдаты переходили теперь к такому братанью, во время которого обсуждалась бы ясная политическая программа. Мы не анархисты. Мы не думаем, что войну можно кончить простым “отказом”, отказом лиц, групп или случайных “толп”. Мы за то, что войну должна кончить и кончит *революция*...»³⁶¹

В который уже раз, объясняя свое отношение к власти, Ленин пишет, что в тезисах нет призыва ни к свержению Временного правительства, ни к насилию вообще. Наоборот, «я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от... всякой *игры* в “захват власти” рабочим правительством... Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к *борьбе за влияние внутри Советов*... А Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа». И действовать в Советах можно «*только* разъяснением, пока кто-либо не перешел к насилию над массами». Стало быть, заключает Ленин, если вы ратуете за свободу и демократию, то у вас не может быть возражений против мирного «перехода политической власти к большинству населения России!»³⁶²

Что касается немедленного «введения социализма», то и тут «Тезисы» утверждали нечто прямо противоположное. Разве национализация земли, спрашивает Ленин, это «социалистическая революция? Нет. Это *еще* буржуазная революция... А «слияние всех банков в один?.. Есть ли это социалистическая мера? Нет, это *еще не* социализм». Ну, а если бы «синдикат сахарозаводчиков перешел в руки государства, под контроль рабочих и крестьян и чтобы цена сахара понизилась?» Тем более что именно этот синдикат «*стоял уже* под контролем “государства”... еще при царизме. Будет ли переход синдиката в руки демократически-буржуазного, крестьянского государства социалистической мерой? Нет, это еще не социализм»³⁶³.

Как раз в эти апрельские дни приехал старый – еще по 1907 году – знакомый Сергей Малышев, которого избрали председателем уездного Совета в Боровичах близ Петрограда. Приехал он по делу. Был у них в Боровичах керамический завод, принадлежавший швейцарским хозяевам. С их ли ведома или нет, но управляющие приступили к ликвидации пред-

³⁶⁰ «Солдатская правда», № 36, 14 июня (1 июня ст. стиля), 1917, с. 4; В. И. Ленин и Пермский край. Пермь, 1970. С. 238–241.

³⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459, 460, 461.

³⁶² Там же. С. 138, 218, 302.

³⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 302, 303.

приятия, кормившего тамошних рабочих. Вот Совет и порешил: не допустить закрытия и взять завод под свой контроль.

Разговор доставил Владимиру Ильичу удовольствие. После скучнейших споров о том, что есть марксизм и достаточно ли зрел российский капитализм, Сергей Васильевич был просто интересен. Как тот донецкий шахтер Дубовой, который столь же увлеченно и деловито толковал о канатах, без которых, мол, шахта может стать. Вот и Малышев приехал совсем не за директивами о том, как «строить социализм», а для того, чтобы посоветоваться: сможет ли он, установив контроль над заводом, прокормить уезд.

«Во время рассказа о заводе, – пишет Малышев, – Владимир Ильич два раза прерывал меня и спрашивал: “Ну, что же, вы думаете взять завод, а как крестьяне на это смотрят? Вы узнали? Что для них от этой вашей реквизиции завода? Выгода какая-нибудь для них получится от этого?”» Сергей Васильевич стал доказывать, что выгода будет. Тогда, подумав, Ленин задал главный вопрос: «“А ежели у вас ничего не выйдет?” Я ничего другого не мог ему ответить кроме того, что сказало у меня как-то само собой: “Ну, что ж, Владимир Ильич, был бы мой начин, а там хоть выпиш на мне”. – “Как, как?” – оживленно спросил он. Я еще раз произнес эту фразу полностью. Он, смеясь, повторил: “Был бы мой начин, а там хоть выпиш на мне... Ну, делайте, делайте, посмотрим, что у вас выйдет из этого дела”»³⁶⁴.

Основания для опасений – справятся ли рабочие с контролем – конечно были. Но вместо того, чтобы подумать, как помочь рабочим решить эту проблему, прежние коллеги Ленина, Борис Авилон и Владимир Базаров, выступили в «Новой жизни» с упреками насчет отхода Владимира Ильича от марксизма к синдикализму.

«Ничего подобного юмористическому переходу, – отвечал он, – железных дорог в руки железнодорожников, кожевенных заводов в руки кожевенных рабочих у нас нет и следа, а есть *контроль рабочих*, переходящий в полное регулирование производства и распределения рабочими... В том-то и суть, что от конкретных задач, поставленных живой жизнью... от этих конкретных задач люди, превратившие марксизм в какое-то “буржуазно-деревянное” учение, *уклоняются*...»

Так как же помочь рабочим в осуществлении контроля? Ленин дает ответ: он предлагает создавать органы рабочего контроля «при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно образованного персонала...» Сложившаяся обстановка, вновь и вновь повторяет в своих статьях Ленин, «ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь “теорий” (об этом нет и речи, и от этой иллюзии всегда предостерегал Маркс социалистов), а проведение самых крайних, практически возможных мер, ибо *без крайних мер – гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей*...»³⁶⁵

«Так в чем же дело? Откуда эта ярость полемики и *погромная агитация*... Чего боитесь, господа, зачем вы лжете? – спрашивал Ленин, обращаясь к либеральной прессе. – Мы хотим только *разъяснить* рабочим и беднейшим крестьянам ошибки их тактики. Мы признаем *Советы* единственно возможной властью. Мы проповедуем необходимость власти и обязательность подчинения ей. Чего же вы боитесь?.. Вы боитесь именно правды». Плеханову Ленин отвечает персонально: «Попасть в смешное положение – наименьшее наказание тому, кто по образцу печати капиталистов сам себе рисует “врага” вместо точной ссылки на слова тех или иных политических противников»³⁶⁶.

³⁶⁴ Малышев С. В. Встречи с Лениным. М., 1933. С. 19–20; Газета «Власть Советов», Ставрополь, 1929, № 8, 20 января; В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 136–137.

³⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 45; Т. 32. С. 196, 293.

³⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 219, 301.

Между тем «погромная агитация» стала выходить за рамки газетной полемики. Прежние «союзы» черносотенцев вроде бы перестали существовать. Но погромщики остались и были готовы действовать. В орбиту их влияния стала попадать наименее сознательная часть солдатской массы. И угрозы «поднять Ленина на штыки» или бросить бомбу в особняк Кшесинской все чаще раздавались на улицах Петрограда.

Большевичка Прасковья Куделли рассказывала, что как только где-либо собиралась толпа, тут же появлялись «подозрительные личности», которые «сеяли темные, нелепые слухи о Ленине. Говорили, что он очень богатый человек, что у него прииски на реке Лене – откуда и его фамилия... Говорили, что он получил от Вильгельма 17 миллионов, чтобы поднять гражданскую войну». А когда старого рабочего Бориса Жукова, знавшего Ленина еще по «Союзу борьбы...», спросили, что говорят о большевиках, он ответил: «Что о нас говорят? Говорят, что продали Россию, привезли два вагона золота да особняк заняли». В деревне того хуже: «У нас по деревне, – рассказывала крестьянка Е. Бычкова, – распространился слух, что приехал в запечатанном вагоне из Германии какой-то каторжник. Хочет подбить народ, чтобы прогнать Временное правительство и самому на царство сесть»³⁶⁷.

И задерганный, испуганный обыватель, нутром чувствовавший, что грядет нечто неведомое, верил. «Идешь по Петроградской стороне, – пишет Крупская, – и слышишь, как какие-то домохозяйки толкуют: “И что с этим Лениным, приехавшим из Германии, делать? В колодези его, что ли, утопить?” Конечно, ясно было, откуда идут все эти разговоры о подкупе, о предательстве, но не горазд их было весело слушать. Одно дело, когда говорят буржуи, другое дело, когда это говорят массы». Но вывод ее парадоксален: «Травля Ленина способствовала быстрой популяризации тезисов»³⁶⁸.

«...17 апреля, – рассказывает Суханов, – в Петербурге состоялась грандиозная манифестация инвалидов, которая произвела большое впечатление на обывателей... Огромное число раненых из столичных лазаретов – в повязках, безногих, безруких – двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. Кто не мог идти, двигались в грузовых автомобилях, в линейках, на извозчиках. На знаменах были подписи: “Война до конца”... “Наши раны требуют победы”... Несчастные жертвы бойни ради наживы капиталистов, по указке тех же капиталистов через силу шли требовать, чтобы для тех же целей еще без конца калечили их сыновей и братьев. Это было действительно страшное зрелище!» А по городу – в этот и предшествующие дни – «стали ходить толпы каких-то людей, бур но требовавших ареста Ленина. Это были уже беспорядки и вообще довольно большой, даже слишком большой успех черносотенной кампании. “Арестовать Ленина”, а затем и “Долой большевиков” – слышалось на каждом перекрестке»³⁶⁹.

Лидеры Петросовета прекрасно знали, что если погромщиков не остановить, то вопрос будет стоять лишь об очередности: сегодня большевик Ленин, а завтра и меньшевик Матвей Скобелев, и эсер Виктор Чернов, не говоря уж о таких «инородцах», как Чхеидзе или Церетели.

И еще 15 (28) апреля, высказав «резко отрицательное отношение к платформе Ленина», Исполком Петросовета вместе с тем указал на «недопустимость применения какого-либо насилия над личностью Ленина и его единомышленников». Исполком Совета солдатских депутатов был более категоричен. Признав «невозможным принятие репрессивных мер» против пропаганды, он квалифицировал пропаганду «так наз. ленинцев... не менее вред-

³⁶⁷ О Ленине. Воспоминания. Под ред. Н.Мещерякова. Кн. IV. М.-Л., 1925; «Вечерняя Москва», 1925, № 30, 6 февраля; журнал «Работница и крестьянка», 1926, № 2, с. 7.

³⁶⁸ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 444, 449.

³⁶⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 43.

ной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Узнав об этом, Владимир Ильич немедленно заявил, что «берет всю ответственность за пропаганду ленинцев на себя»³⁷⁰.

Так уж случилось, что именно 15 апреля во время заседания Петроградской конференции большевиков пришло известие – в Михайловском манеже митинг. Пущен слух, что большевики «продались Вильгельму» и солдаты требуют самого Ленина... Владимир Ильич поднялся из-за стола президиума: «Я поеду». Опыт встречи с солдатами у него уже был. 10 апреля он с успехом выступил в казарме Измайловского полка. Но тот митинг был организован Петербургским комитетом большевиков, державшим ситуацию под контролем. Теперь же речь шла о митинге явно антибольшевистском.

«— А вдруг найдется провокатор и крикнет: Бей Ленина? – спросил кто-то. – Зачем же мы возвращались в Россию? – ответил Ильич. – Чтобы принять участие в революции или беречь собственную жизнь?»

Когда Ленин входил в Манеж, солдаты – в расхристанных гимнастерках – стаскивали с трибуны очередного оратора, изрядно намяв ему бока. «Что-то мрачное и грозное представляла эта толпа вооруженных людей, – рассказывал член ПК Владимир Иванович Невский, сопровождавший Ильича. – Какое-то безотчетное чувство ненависти и вражды блистало в глазах потных, чем-то раздраженных людей, какое-то возмущение и недовольство царили здесь, и казалось, что вот-вот прорвется это чувство...»

Потом «Солдатская правда» напишет: «тов. Ленин подробно разъясняет причины войны и цели войны... Подробно говорит, что такое Совет рабочих и солдатских депутатов и что такое Временное правительство...»

А Невский рассказывает: «Владимир Ильич говорил недолго, минут тридцать, не больше. Но уже минут через пять можно было слышать полет мухи: такое молчание воцарилось в огромном манеже. Солдаты и все мы стояли как прикованные... Какое-то чудо совершалось с толпой». И когда Ленин умолк, солдаты с ревом кинулись к трибуне, а через мгновение над бурлящей толпой появилось смущенное лицо Владимира Ильича. Под гром оваций его на руках отнесли к автомобилю³⁷¹.

Примерно то же самое происходило и в тех заводских аудиториях, где, казалось, было достаточно велико влияние эсеров и меньшевиков. Вот бесхитростный рассказ рабочего Трубочного завода: «Появление на трибуне т. Ленина вызвало форменное рычание со стороны противников... Ленин пытался начать говорить, но ничего не выходило, речь перебивалась... Стоящим вокруг трибуны на охране т. Ленина пришлось теснее сомкнуть ряды и быть готовыми ко всему. На нас напирала, дело доходило чуть не до рукопашной. [Тогда] тов. Ленин быстро учел и начал не с доклада, а с того, как мне помнится дословно, что заставить его замолчать и выражать негодование, а может быть сделать насилие никогда не поздно и когда угодно это можно сделать и просил послушать пять минут. После этого он приступил к речи. Были возгласы, но очень немногие. А когда прошли эти пять минут, то прокатилась первая волна аплодисментов... Толпа все время росла и вместе с тем тишина делалась все больше и больше. Рабочие... притихли и эта речь стала обрываться не возгласами негодования, а все чаще и чаще бурным поощрением. И когда т. Ленин кончил речь – поднялась буря возгласов и рукоплескания»³⁷².

Владимир Невский, рассказавший о выступлении Владимира Ильича 15 апреля на солдатском митинге в Михайловском манеже, – сам великолепный оратор – так сформулировал причину этого успеха: «Ленин был близок этой массе, дорог ей, понятен, и выражал так

³⁷⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 275, 278, 279.

³⁷¹ Каторга и ссылка, 1927, № 7 (36), с. 19, 20; Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 4–9.

³⁷² «Канонада». Ежемесячный журнал 1-й Ленинградской артшколы. № 14, 1925, январь, с. 2.

просто и ясно то, что хотела выразить она сама, чего желала и чем жила и что хотела видеть воплощенным в действительности»³⁷³.

Через день Владимир Ильич выступал в Таврическом на солдатской секции Петровета по поводу ее резолюции о зловредности «пропаганды ленинцев». Ему ограничили время. Попытались устроить обструкцию. Бросали провокационные вопросы и реплики. Но он уложился в регламент и изложил все, что хотел. А солдатам, пошедшим его провожать, сказал: «Опыт жизни – это самое лучшее»³⁷⁴.

На следующий день, 18 апреля (1 мая), Петроград проснулся рано. Было холодно и необычно тихо. Молчали фабричные трубы. С Ладоги шел лед. Но уже в 10 часов грянули духовые оркестры и густые колонны демонстрантов двинулись к Марсову полю. Майское солнце высвечивало в многотысячных толпах красные юбки, шарфы, косынки рабочих. Над головами реяли сотни знамен, плакатов, штандартов. И в первой шеренге рабочих Выборгского района вышагивал Ленин...

Ему пришлось выступать и на Марсовом поле, и на Дворцовой площади. Вечером поехал на многотысячный митинг рабочих, солдат и матросов на Охтенских пороховых заводах. Там пришлось полемизировать с Федором Даном. Так что после вот такой 12 часовой напряженной работы домой вернулся он поздно. «В этот день, – пишет Крупская, – я лежала в лежку и выступления Владимира Ильича не слыхала, но приехал он не радостно возбужденный, а какой-то усталый»³⁷⁵.

Россия впервые открыто отпраздновала международный праздник солидарности людей труда. И точно так же, как в Питере, атели знаменами улицы Москвы и Благовещенска, Вятки и Баку, Киева и Ташкента, Кишинева и Минска, Тифлиса и других городов. И везде лозунгами демонстрантов стали требования окончания войны и заключения демократического мира.

По иронии судьбы именно в этот день министр иностранных дел П. Н. Милюков «от имени народа» официально заверил правительства Англии, Франции и США в том, что Россия продолжит боевые действия на всех фронтах до «победного окончания настоящей войны».

Днем 19 апреля (2 мая) премьер-министр князь Львов прислал «Ноту Милюкова» в Петросовет «для сведения». «Я получил пакет, – рассказывает Ираклий Церетели, – в присутствии Чхеидзе, Скобелева, Дана и некоторых других членов Исполкома, и прочитал вслух текст, который нас ошеломил... Чхеидзе долго молчал, слушая негодующие возгласы окружающих, и потом, повернувшись ко мне, сказал тихим голосом, в котором слышалось давно назревшее глубокое убеждение: “Милюков – это злой дух революции”»³⁷⁶.

Преувеличения в этой оценке не было. Столь желаемая политическая стабильность напрямую зависела от наивной веры солдат и рабочих в то, что правительство, отказавшись от каких-либо аннексий, делает все возможное для скорейшего заключения мира. И вот теперь рабочим и солдатам, что называется, «плюнули в душу».

Кто-то из коллег Милюкова назвал его «гением бестактности». Но дело было не в отсутствии такта. «Он был абсолютно чужд и враждебен идее мира без аннексий и контрибуций, – писал управляющий делами Временного правительства Владимир Набоков. – Он считал, что было бы и нелепо и просто преступно с нашей стороны отказаться от “самого крупного приза войны” (Константинополь и проливы) во имя гуманитарно-космополитиче-

³⁷³ Каторга и ссылка, 1927, № 7 (36), с. 19, 20; Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 4–9.

³⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 277.

³⁷⁵ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 446.

³⁷⁶ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 253, 255.

ских идей интернационального социализма. А главное – он верил, что этот приз действительно не вышел из наших рук». Напрасно Владимир Дмитриевич убеждал Милюкова в том, что «трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, что он ею утомлен, что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказала надежда, что она приведет к окончанию войны»³⁷⁷. Переубедить Павла Николаевича было невозможно.

Что же касается *надежд народа*, то тогда Милюков искренне полагал, что *политика* – не дело масс. Парламентаризм в том и состоит, что народ передает ее в руки профессиональным политикам. А уж они – с помощью дискуссий, кулуарных переговоров, консультаций с иностранными послами, намеков и якобы случайно брошенных фраз за «круглыми столами» или за «чашкой чая» – будут решать судьбы страны и добиваться *возможного*.

Во времена, когда народ «безмолвствовал», так оно и было, вернее – казалось, что было так. Теперь же, когда революция началась, надеяться на нечто подобное не приходилось. И лидеры Петросовета прекрасно поняли это. В противовес большевику Шляпникову, межрайонцу Константину Юреневу и меньшевику Богданову, требовавшим на заседании Исполкома апелляции к массам и выступления против правительства, Чхеидзе, Церетели и Скобелев сделали все, чтобы замять скандал. «... Нам легко поднять массы против правительства, – говорил Церетели. – Но очень сомнительно, что, развязав эту энергию, мы окажемся в состоянии удержать движение под своим контролем и помешать его превращению в общегражданскую войну». Трудовик Брамсон был еще более определен: «Нельзя же из-за бестактности одного министра ставить на карту судьбу общенациональной революции»³⁷⁸.

Так, может быть, все бы и обошлось, если бы... Если бы «Нота Милюкова» 20 апреля не попала в прессу.

Уже утром к правительственной резиденции – Мариинскому дворцу – стали стекаться толпы солдат, матросов, рабочих. Днем, в походном строю, с оружием, сюда пришел и гвардейский Финляндский полк. Естественно, что ни о каких «Апрельских тезисах» солдаты и слыхом не слыхивали. Все они были, писал на следующий день Ленин, «исполнены негодования. Они *почувствовали* – они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обмануты»³⁷⁹. И над толпами появились плакаты, требовавшие отставки Милюкова и военного министра Гучкова.

«Роль большевистской партии в апрельских событиях, – писал Церетели, – была очень незначительна... Главным инициатором манифестации оказался тогда еще мало кому известный Федор Федорович Линде. Это он привел Финляндский полк к Мариинскому дворцу. Буржуазная пресса утверждала, что он большевик, но на самом деле он был беспартийный, идеалистически настроенный интеллигент. Математик по образованию, он был мобилизован во время войны и был солдатом Финляндского полка... Под непосредственным впечатлением ноты Милюкова, он, возмущенный до глубины души, по собственному почину призвал полк манифестировать против правительства»³⁸⁰.

Собравшийся днем большевистский ЦК принимает резолюцию Ленина, поддерживающую выступление масс. Но в ответ на требование отставки двух министров, ЦК заявляет, что персональные перетасовки лиц, «даже если бы все они, – как выразился Владимир Ильич, – были лично ангелами добродетели, бескорыстия и любви к людям», – не могут

³⁷⁷ Там же. С. 214; Архив русской революции. Т.1. М., 1991. С. 61.

³⁷⁸ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 257, 258.

³⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 316.

³⁸⁰ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 262, 263.

дать результата. Только переход власти к Советам «при поддержке большинства народа... в состоянии быстро закончить войну истинно демократическим миром»³⁸¹.

Однако те большевики, которые находились в гуще возмущенных манифестантов, взяли, по определению Ленина, «чутьочку полее». Члены ПК РСДРП Сергей Багдатьян и Михаил Лашевич, члены Петросовета рабочие М. Крымов, И. Маврин и другие поддержали лозунг «Долой Временное правительство!». Этот лозунг не получил широкого распространения, он все-таки был ошибочным, ибо в столь раскаленной обстановке вполне мог быть истолкован как призыв к свержению правительства. Большевистский ЦК квалифицировал данный поступок как попытку «авантюристического характера»³⁸². Но пресса уже вела кампанию, обвинявшую большевиков в объявлении «гражданской войны». Кадеты выпустили воззвание: «Мы стоим на краю пропасти. Граждане! Выходите на улицы, спасайте страну от анархии!»

Ленин подробно записывает хронику этих дней: «20-го и 21-го апреля Питер кипел. Улицы были переполнены народом; кучки и группы, митинги разных размеров образовывались всюду и днем и ночью; массовые манифестации и демонстрации продолжались непрерывно... Демонстрации начались, как *солдатские* демонстрации, с противоречивым, несомнительным, ни к чему не способным повести лозунгом “Долой Милюкова”... Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса... колебнулась *прочь от* капиталистов *на сторону* революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе *решить все*, и создало кризис».

Одновременно с этой стихийной протестной волной, по призыву кадетов на улицу вышли и контрманифестанты. «Буржуазия, – продолжает свой рассказ Владимир Ильич, – захватывает Невский – “Милюковский” по выражению одной газеты – проспект и соседние части богатого Питера, Питера капиталистов и чиновников. Манифестируют офицеры, студенты, “средние классы” за Временное правительство, из лозунгов часто попадается надпись на знаменах “долой Ленина”»³⁸³. Рабочих и солдат среди контрманифестантов не было. И когда спустя несколько дней решили наградить военнослужащих, выступивших в поддержку правительства, георгиевский крест, будто на смех, удалось вручить лишь одному солдату³⁸⁴.

О том, что контрманифестанты поминают его лично «недобрым словом», Владимир Ильич знал не из газет. Мария Ильинична рассказывает, что когда антибольшевистская колонна подошла к помещению «Правды», Ленин на извозчике, в сопровождении солдат, уехал вместе с нею из редакции «на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: “Идем бить Ленина”»³⁸⁵.

О том же вспоминала Крупская: «Ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков. Среди этой толпы из уст в уста передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил рабочих, которые теперь все за него. “Надо бить Ленина!” – кричала какая-то по-модному одетая девица. “Перебить бы всех этих мерзавцев”, – кипятился какой-то котелок. Класс против класса!»³⁸⁶

³⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 291, 292, 314.

³⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 319, 337.

³⁸³ Там же. С. 324, 325.

³⁸⁴ См.: Старцев В. И. Революция и власть. С. 214.

³⁸⁵ Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. М., 1934. С. 79.

³⁸⁶ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 433.

Ленин подтверждает: на улицу вышли «крайние элементы... буржуазия и пролетариат... Пролетариат поднимается из *своих* центров – из рабочих предместий... Рабочие манифестации заливают небогатые, менее центральные районы города, затем частями проникают на Невский». И еще одна зарисовка Крупской: «21 апреля... я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. “Идем! – кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре. – Идем, всю ночь будем ходить!”»³⁸⁷

Корреспондент кадетской «Речи», описывая рабочую демонстрацию на Невском, увидел совсем другое: «Впереди около сотни вооруженных; за ними стройные ряды невооруженных мужчин и женщин – тысячи человек. Живые цепи по обе стороны. Пение. Поразили меня их лица. У этих тысяч одно лицо, иступленное, монашеское лицо первых веков христианства, непримиримое, безжалостно готовое на убийства, инквизицию и смерть».

«На Невском, – продолжает хронику событий Ленин, – доходит до столкновения. Рвут знамена “враждебных” демонстраций. В Исполнительный комитет телефонируют из нескольких мест о том, что с обеих сторон стреляли, что были убитые и раненые; сведения об этом крайне противоречивы и непроверены»³⁸⁸.

В этой хронике не хватает одного сюжета, который стал известен много лет спустя. Утром 20-го, получив информацию о выступлениях, Гучков собрал в своем кабинете генералов Алексева, Рузского, Корнилова и адмирала Колчака. Обсудили вопрос – нельзя ли использовать ситуацию для того, чтобы ликвидировать двоевластие и сосредоточить власть целиком в руках Временного правительства. По генеральским расчетам они могли опереться «на 3,5 тысячи надежных войск». А этого, как им казалось, было вполне достаточно, чтобы разогнать весь этот «сброд»³⁸⁹.

Днем, в том же кабинете Гучкова, заседало правительство. Александр Иванович поставил вопрос: или мы сдаем власть Совету – или «даем отпор назревавшему восстанию». «Министры, – пишет Гучков, – некоторое время молчали. Наконец, Терещенко заметил, что в случае пролития крови он вынужден будет уйти. Я посмотрел на остальных, и у меня создалось впечатление, что один Милюков готов был защищаться, а все остальные подали бы в отставку... Эта сцена ошеломила меня. Я увидел, что выраставшие перед нами задачи – *необходимость контрреволюции и военных действий* – с этим составом Временного правительства неосуществимы»³⁹⁰.

Между тем лидеры Петросовета начали переговоры с членами правительства. Вдохновленные поддержкой контрманифестантов и решимостью Гучкова, министры на отставку Милюкова не соглашались. А поскольку все, что происходило на улицах, у них тоже ассоциировалось с именем Ленина, Терещенко заявил: «Так что решайте, господа, кого долой: Милюкова или Ленина». 21 апреля на заседании правительства Милюков вновь стал настаивать, дабы избежать «распада государства», на том, чтобы взять курс на захват всей полноты власти с помощью вооруженной силы. Керенский тут же заявил об отставке и Павел Николаевич предложил Львову принять ее. Одновременно – с ведома Гучкова – командующий округом Корнилов приказал вывести на Дворцовую площадь войска с кавалерией и артиллерией. И вот тут-то весь заговор и лопнул, как мыльный пузырь³⁹¹.

Не только солдаты, но юнкера Михайловского артиллерийского училища отказались выполнять приказ. Они сообщили об этом в Петросовет, который вывод войск категорически

³⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 325; Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 446.

³⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 326.

³⁸⁹ См.: Старцев В. И. Революция и власть. С. 174.

³⁹⁰ Там же. С. 174, 175, 176.

³⁹¹ См. там же. С. 196, 207, 209, 231.

запретил. Гучков – через генерала Алексеева – телеграфировал командующим фронтами с просьбой о поддержке. Но ни поддержки, ни ответа не получил³⁹².

Премьер – Георгий Евгеньевич Львов терпеть не мог «левых» и с удовольствием отправил бы Керенского в отставку. Он помнил, как на одном из заседаний правительства Александр Федорович бросил сквозь зубы: «Когда же уберут эту старую калошу?» Но у князя хватило благоразумия, ибо он понимал, что выход из кризиса можно найти лишь в соглашении с Советом. На переговорах с лидерами Петросовета и «общественностью» Львов резко сбавил тон и заявил: «Временное правительство взято под подозрение. При таких условиях оно не имеет никакой возможности управлять государством... Оно слишком хорошо знает лежащую на нем ответственность перед родиной и во имя ее блага готово сейчас же уйти в отставку, если это необходимо»³⁹³.

Известный историк Виталий Иванович Старцев писал: «В этот день существование [Временного правительства] могло быть прекращено одним решением Петроградского Совета, опирающегося на большинство вооруженных солдат и рабочих, а в России могла быть провозглашена Советская власть». Но как раз этого более всего и боялись руководители Исполкома.

Объявив запрет на любые демонстрации в столице, в досталь наговорившись о том, что «народ надо готовить к власти», после двухдневных переговоров, они сумели свести конфликт политический к вопросу сугубо кабинетному. Милюкову, отказавшемуся принять пост министра просвещения, и Гучкову пришлось уйти в отставку. Ушел и генерал Корнилов, оскорбленный вмешательством Совета в «его дела». А состав правительства, помимо прежних десяти министров, дополнили пятью социалистами: близким к эсерам П. Н. Перверзевым (министр юстиции), эсером В. М. Черновым (министр земледелия), народным социалистом А. В. Пешехоновым (министр продовольствия), меньшевиками М. И. Скобелевым (министр труда) и И. Г. Церетели (министр почт и телеграфа). Шестой «социалист» Александр Федорович Керенский занял пост военного министра.

Эта коалиция, писал Суханов, стала «формальным бракосочетанием» буржуазных министров с мелкобуржуазным большинством Совета; «любви тут не было, но был явный и очевидный расчет... Дело было в *приданом*. А в приданое [Совет] должен был принести армию, реальную власть, непосредственное доверие и поддержку... Поистине это была невеселая свадьба»³⁹⁴.

В тех условиях занятые социалистами правительственные кресла были, пожалуй, наиболее «жесткими». Поэтому договорились считать милюковский «инцидент исчерпанным» и впредь быть более осмотрительными. Относительно этой договоренности Владимир Ильич заметил: «Темным мужикам извинительно требовать от капиталиста “обещаний”, чтобы он “жил по-божецки”... Вождям Петроградского Совета... вести такую политику – значит поддерживать самые вредные, самые губительные для дела свободы, для дела революции обманчивые надежды народа на капиталистов». Губительные потому, что «причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно»³⁹⁵.

Кстати сказать, ни Гучков, ни Милюков, ни Корнилов покидать политическую арену не собирались. Павел Николаевич все еще питал иллюзии и надежды на то, что кадетской партии удастся организовать средний класс интеллигенции и противопоставить его народной стихии...» Александр Иванович был, как ему казалось, более реалистичен: «Я ставил себе целью вернуться на фронт... чтобы подготовить там кадры для похода на Москву и

³⁹² См. там же. С. 210, 212.

³⁹³ Старцев В. И. Революция и власть. С. 184, 232.

³⁹⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 152.

³⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 305, 319.

Петербург. Словом, я ставил себе задачу, которую потом так неудачно пытался осуществить генерал Корнилов»³⁹⁶.

Когда смотришь сегодня телевизионные «круглые столы», касающиеся событий 1917 года, видишь, что участники их никак не могут взять в толк, что не существовало тогда в России либеральной «демократической альтернативы». Что вести прекраснодушные разговоры о том, как было бы чудесно, кабы после Февраля всё остановилось на конституционной монархии английского фасона или демократической республике – на манер французской, это не только чистейшая маниловщина, но и элементарное незнание истории. «Красное колесо» уже покатилося. И либералы, даже при их готовности прибегнуть к насилию, не могли его остановить.

Поэтому отставка Гучкова и Милюкова, «знаменует не больше, не меньше, – писал французский посол Морис Палеолог 1 мая 1917 года, – как банкротство Временного правительства и русского либерализма». Виталий Старцев дополняет: «Потерпела крах целая эпоха русского либерализма... Русская буржуазия в лице ее ведущей партии оказалась не в состоянии управлять страной одна. Претензия на лидерство, заявленная П. Н. Милюковым еще в 1903–1905 гг., оказалась совершенно несостоятельной»³⁹⁷.

Апрельские события явились, таким образом, одновременным выступлением и революции, и контрреволюции. Многих подробностей того, что происходило в эти дни за кулисами Временного правительства, Ленин не знал. Но он сразу почувствовал главное: «на улицах Петрограда готова была закипеть гражданская война»³⁹⁸. Виновники ее были очевидны. Большевистская «Рабочая газета» 21 апреля писала: «Сигнал к гражданской войне дают уже не последователи Ленина, а Временное правительство, опубликовывая акт, являющийся издевательством над стремлениями демократии. Это поистине безумный шаг...»

Ленин сделал все для того, чтобы ввести движение в рамки мирного политического процесса. «Кризиса, – подчеркивает он, – нельзя изжить насилием отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками “захвата власти”, “ареста” Временного правительства и т. д.» Уже 21 апреля ЦК РСДРП принял его резолюцию: «Партийные агитаторы и ораторы должны опровергать гнусную ложь... будто мы грозим *гражданской войной*... Пока капиталисты и их правительство не могут и не смеют применять насилие над массами, пока масса солдат и рабочих свободно выражает свою волю, свободно выбирает и смещает *все* власти, – в такой момент наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне, – в такой момент *необходимо подчинение воле большинства населения* и свободная критика этой воли недовольным меньшинством; если дело дойдет до насилия, ответственность падет на Временное правительство и его сторонников»³⁹⁹.

Революционные эпохи примечательны тем, что теоретические выкладки политиков проверяются практикой очень быстро. Апрельский кризис подтвердил главное в прогнозе Ленина: если требования революционного народа не будут удовлетворены, стихийно-бунтарский протест масс – независимо от воли любых харизматических лидеров или «оппозиционно-интеллигентских» партий – будет нарастать. И при очередном кризисе, указывает Владимир Ильич, «неизбежен новый взрыв возмущения, и если этот взрыв будет несознательным, то он легко может оказаться очень вредным», т. е. приобрести погромный характер.

³⁹⁶ Старцев В. И. Революция и власть. С. 59, 177.

³⁹⁷ Там же. С. 233, 241.

³⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 1.

³⁹⁹ Там же. Т. 31. С. 309, 327.

Поэтому *все силы партии* необходимо «отдать делу просвещения отсталых... еще не прозревших трудящихся слоев!»⁴⁰⁰

⁴⁰⁰ Там же. С. 316, 320, 327.

«То, что мы спорим, – очень ценно»

24 апреля в доме № 6 по Архьерейской улице, где помещался Женский медицинский институт, в 10 утра открылась VII Всероссийская конференция РСДРП. Однако через два дня институтская профессура, узнав, что в их родных стенах собираются *те самые* большевики и *тот самый* Ленин, «отказала в гостеприимстве». Пришлось перебираться в помещение Высших женских курсов Лохвицкой-Скалон в Кузнечном переулке. А последнее заседание 29 (12 мая) апреля провели в особняке Кшесинской⁴⁰¹.

По сравнению с февралем партия выросла втрое. И около 80 тысяч ее членов представляли 152 делегата. Старейшим из них не исполнилось и 50 лет: тифлисскому делегату Ф. И. Махарадзе было 49, В. И. Ленину – 47, питерским делегатам Л. Н. Михайлову-Поликусу, Л. Н. Сталь и москвичу А. А. Сольцу – по 45. Самыми молодыми были – 19-летний С. М. Гессен (в партии с 1916 г.), 21-летний С. Г. Рошаль (в партии с 1914), 22-летний И. К. Наумов (в партии с 1913) и 23-летний С. И. Петриковский (в партии с 1911).

Лишь несколько человек из делегатов вступили в большевистские ряды в феврале 1917 года – москвичи Е. И. Бумажный и Б. И. Магидов. Большинство составляли те, кто работал в партии еще до 1905 года. За плечами у каждого из них стояли годы подполья, тюрьмы и, кстати сказать, – «тюремные университеты». Многие знали друг друга, и споры, достигавшие порой большой остроты, носили товарищеский характер совместного поиска истины.

Конференция заслушала доклады В. И. Ленина – о текущем моменте; по аграрному вопросу; о пересмотре программы партии; В. П. Ногина – об отношении к Советам; о «мирной» конференции; Г. Е. Зиновьева – об отношении к Временному правительству; о положении в Интернационале и задачах РСДРП; И. В. Сталина – по национальному вопросу. Были заслушаны также доклады с мест.

Характеризуя «текущий момент», Ленин затронул всю сумму вопросов, связанных с отношением к войне, Временному правительству и Советам. По предложению Феликса Дзержинского, выступившего от имени тех, кто «не согласен принципиально с тезисами докладчика», сразу же был заслушан и содоклад Каменева. И поскольку резолюция по «текущему моменту» была принята лишь в последний день работы, этот вопрос определил направление всей дискуссии и на конференции, и в ее секциях.

«Горячие схватки, – рассказывает В. Алексеева, – продолжались и в кулуарах. Участники конференции разделились на две неравные группы: основная масса – ленинцы, незначительная часть – каменевцы». Впрочем, судя по воспоминаниям Марии Костеловской, такое соотношение сил сложилось не сразу. Поначалу положение было «весьма неопределенным», пока не приехали уральцы во главе с Яковом Свердловым. «С их приездом сразу повеселело. Они стали организующим центром на конференции и подтянули к себе всех одиночек-ленинцев изо всех других делегаций»⁴⁰².

Накануне конференции казалось, писал Суханов, что Ленину «не под силу произвести идейный переворот среди своей собственной паствы... Казалось, большевистская партийная масса основательно ополчилась на защиту от Ленина элементарных основ научного социализма... Увы! Напрасно обольщались многие, и я в том числе... Ленин победил очень скоро и по всей линии».

В чем же дело? Прежде всего, полагал Суханов, в личной «гениальности Ленина», его «сверхчеловеческой» способности убеждать, «заставить своих товарищей признать в конце концов черное белым и обратно». А во-вторых, в «серости» большевистских функционеров,

⁴⁰¹ См.: Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М.-Л., 1925. С. 63–66.

⁴⁰² От Февраля к Октябрю. С. 207, 208.

не обладавших, якобы, «высоким социалистически-культурным уровнем». У большевиков, иронизировал Суханов, «в облаках сидит громовеержец Ленин, а затем... вообще до самой земли нет ничего». Отсюда, якобы, и страх перед «самой мыслью пойти против Ленина»⁴⁰³. Подобного рода анализ, по-видимому, следует назвать *пошлостью*, ибо в объяснении явлений действительно сложных автор предлагает такие простые и плоские по своей доступности ответы, как – чего уж тут мудрить – умственная недоразвитость его оппонентов.

Что касается того, как Суханов понимал «гениальность» Ленина, то к этому вопросу мы еще вернемся. Ну, а насчет «серости» и «страха» перед начальством, то писать об этом можно было лишь тогда, когда протоколы конференции еще не были изданы. И тем, кто представляет себе большевистскую партию 1917 года как жесткую, единообразную организацию с запретом всякого «инакомыслия», где все «нижестоящие» смотрели в рот «вышестоящим», было бы недурно перечитать эти протоколы.

Казенного «единомыслия» на конференции не было ни по одному вопросу. Буквально по каждому Ленину противостояли либо содокладчик, либо иное мнение. Дело даже не в том, что «большевистские функционеры» обладали более чем высоким «социалистически-культурным уровнем». А в том, что в ходе дискуссии идеи ленинских тезисов сталкивались с реалиями российской жизни, с которыми имели дело делегаты с мест. И именно эта живая жизнь оказалась самым «гениальным» учителем.

После апрельских событий отношение к войне уже не вызывало среди большевиков прежних разногласий, и соответствующая резолюция была принята всеми при 7 воздержавшихся. Не вызвал споров и тезис Ленина о методах и формах предстоящей борьбы: «До тех пор, пока русские капиталисты и их Временное правительство ограничиваются только угрозами насилия против народа... до тех пор, пока капиталисты *не* перешли к насилию над свободно организующимися и свободно сменяющимися и выбирающими *все* и всякие власти Советами... – до тех пор наша партия будет проповедовать отказ от насилия вообще...»⁴⁰⁴

Оценка Временного правительства вызвала разногласия с московской делегацией, характеризовавшей его, как «контрреволюционное». Ленин возразил: «Общую характеристику правительства, как контрреволюционного, я бы считал неправильной. Если говорить вообще, то надо выяснить, о какой революции мы говорим. С точки зрения буржуазной революции, этого сказать нельзя, так как она уже окончилась. С точки зрения пролетарско-крестьянской – говорить это преждевременно...»⁴⁰⁵ Москвичи уступили, и в резолюции было записано, что правительство, являясь органом господства помещиков и буржуазии, явно содействует организующимся силам контрреволюции, которые «уже начали атаку против революционной демократии».

Было бы неверным полагать, что, опираясь на большинство своих сторонников, Ленин добился прохождения написанных им резолюций с помощью «машины голосования». Достаточно сравнить проекты с принятыми текстами, чтобы убедиться насколько продуктивной была полемика и насколько более четкими стали многие положения. Был, например, изменен и уточнен тот пункт резолюции о войне, в котором говорилось, как именно окончить эту кровавую бойню. Были учтены замечания, связанные с оценкой внешней политики правительства, и многие другие предложения.

Так, в ходе дискуссии Каменев сформулировал важную мысль: «Продолжение войны, – сказал он, – несовместимо с той степенью свобод, которыми пользуется сейчас революционная мелкобуржуазная масса... Воевать в атмосфере митингов, это вещь никогда не виданная и обреченная на всяческое поражение... И это неизбежно толкнет Временное правительство

⁴⁰³ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 20–23.

⁴⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 350.

⁴⁰⁵ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. М., 1958. С. 344.

на борьбу с этой свободой... Ибо: или революция прекратит войну, или война посягнет на завоевания революции». Упомянул он и ту конкретную фигуру, с которой связана подобного рода опасность для демократии и Советов: «Сегодня мы эту власть имеем, а завтра Корнилов ее у нас отнимет»⁴⁰⁶. И в текст резолюции конференции вошло положение о том, что дальнейшее затягивание войны «несет величайшую опасность завоеваниям революции».

Говорить о «машине голосования» нет оснований и потому, что в ряде случаев делегаты – сторонники «Апрельских тезисов» не только критиковали те или иные ленинские предложения, но и целиком отвергали их. Так, при обсуждении резолюции о положении в Интернационале, Ленин решительно выступил против представительства РСДРП на международной конференции «циммервальдцев» с участием европейских «центристов». Однако его аргументы не были восприняты делегатами, и резолюцию приняли всеми голосами против одного – Ленина.

Точно так же не всеми были восприняты и его аргументы в защиту проекта резолюции по докладу Сталина о национальном вопросе. Ряд представителей партийных организаций национальных регионов выступили против права наций на отделение. От их имени содоклад сделал Пятаков. Его поддержал Махарадзе: «У нас этот вопрос, – говорил он, – вот где сидит (показывает на горло)... У нас получится настоящее столпотворение, получится такая каша, которую трудно будет расхлебать». Против проекта резолюции выступил и Дзержинский. И хотя Ленин доказывал, что сепаратизм растет прежде всего потому, что правительство не дает национальным окраинам «полной автономии», что «если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»⁴⁰⁷ – при голосовании ленинского проекта резолюции – за высказалось 56, против – 16, воздержались – 18.

И все-таки в ходе полемики круг разногласий сужался. В конце концов Каменев заявил, что он расходится с Лениным лишь по одному вопросу – о контроле над Временным правительством. Ленин согласился: «Я думаю, – сказал он, – что наши разногласия с тов. Каменевым не очень велики, потому что, соглашаясь с нами, он становится на другую позицию... Мы с тов. Каменевым идем вместе, кроме вопроса о контроле»⁴⁰⁸.

Аргумент Ленина: «Контроль без власти есть пустейшая фраза!.. Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контррезолюцию»⁴⁰⁹ – был воспринят не всеми даже среди его сторонников. Андрей Бубнов из Иваново-Вознесенска говорил, например, о необходимости «стального» контроля со стороны масс⁴¹⁰, что дало возможность Каменеву острить о его согласии даже на контроль «каменный». Бубнов ответил, что «контроль, о котором говорю я, ничего общего не имеет с тем, который предлагает т. Каменев; это не бумажный контроль, а контроль масс». Но, как заметил Зиновьев, не только «каменный» и «стальной», но даже контроль «бронзовый» и «чугунный» могут превратить Советы в не что иное, как «хор при Милюкове»⁴¹¹. В конечном счете делегаты отклонили каменевский «контроль» и против ленинской резолюции об отношении к Временному правительству проголосовало лишь трое, при восьми воздержавшихся. Но о содержании работы Советов продолжали дискутировать до конца конференции.

Поставленные перед необходимостью решать уйму вопросов, связанных с нуждами населения, Советы – через различного рода «контрольные» комиссии – втягивались в «дело-

⁴⁰⁶ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». С. 67, 82, 84.

⁴⁰⁷ Там же. С. 219, 224, 226; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 434, 436.

⁴⁰⁸ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 166, 227, 232; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 361, 362.

⁴⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 345, 346.

⁴¹⁰ См.: «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 94, 95.

⁴¹¹ См. там же. С. 96, 100, 105.

вое» сотрудничество с органами управления правительства. Причем делегаты отмечали, что эти органы стараются спихнуть на Советы наиболее острые вопросы: продовольственный, транспортный, топливный, а в некоторых провинциальных городах и чисто полицейские функции⁴¹². «Ведь буржуазия, – говорил Бубнов, – рассуждает так: нужно Совет приручить, нужно эту власть унижить, нужно силу Совета соединить с той властью, которая есть у Временного правительства». Тактика буржуазии очевидна: «Совет надо сделать не противодействующим органом, а органом содействующим, приобщить его к государственной власти»⁴¹³.

Эта тенденция особенно отчетливо проявлялась в столичных Советах, за что они подверглись критике со стороны делегатов с мест. «В Петрограде у Совета р. и с. депутатов власти нет, – сказал кронштадтский делегат Артём Любович, – и в этом все его развращающее влияние на провинциальные Советы». Самокритичным было выступление члена исполкома Моссовета Петра Гермогеновича Смидовича: «Совет находится в каком-то приниженном настроении. Власть не в его руках, но он проникнут какой-то государственностью... Сотрудничество с буржуазией создает настроение враждебного чувства к нам. Быть там трудно». Главное же, заметил Смидович, за сутолокой повседневных дел, на которые уходит вся энергия, – «улетучивается способность революционного углубления и расширения революции». «Совершенно верно», – бросил реплику Ленин⁴¹⁴.

Смидовичу ответила секретарь Пресненского райкома Москвы Костеловская: «В Московском Совете только пожинают то, что сеяли. Вместо того, чтобы заниматься организацией, сговариваться с массой, они пошли сговариваться с правительством... Это завело их в тупик, сделало их прислужниками буржуазии (Ленин с места: «Правда». Аплодисменты)... Московский Совет, – продолжала Костеловская, – разошелся с массой, на которую он должен был опереться. Масса левее Совета, а Совет левее президиума»⁴¹⁵.

Анализируя эти выступления, Ленин отметил, что стремление буржуазии интегрировать Советы в систему консолидирующейся буржуазной власти – несомненно. Эта опасность отчетливо проявляется в столице и других крупных центрах, где состав Советов был менее пролетарским. Будучи втянутыми в «большую политику», эти Советы начинали переносить свои взаимоотношения с Временным правительством из сферы «контроля» в плоскость «делового» партнерства, порождая тем самым усиление политической зависимости от аппарата буржуазной власти. А это, в свою очередь, вело к таким опасным тенденциям, как *бюрократизация* революционного движения и сужение инициативы самих масс. И если такого рода тенденции разовьются, то сама постановка вопроса о власти Советов станет «бессмысленна», ибо, как выразился Ленин, «если нужна буржуазная республика, то это могут сделать и кадеты»⁴¹⁶.

Характерно, что к такому выводу, как вполне естественному, пришел и сам автор доклада об отношении к Советам, член партии с 1898 года, товарищ председателя Московского Совета Виктор Павлович Ногин. Советы, говорил он, стали «государственными учреждениями», а также выполняют ряд задач, свойственных профессиональным союзам. Но постепенно политические функции перейдут к партийным организациям. Административные – к органам городского самоуправления, земствам и т. д. Затем «будет созвано Учредительное собрание, а за ним парламент. Естественно, что... именно они будут представлять собой российскую демократию, они будут тем центром, который будет решать очередные

⁴¹² См. там же. С. 128, 129.

⁴¹³ Там же. С. 95.

⁴¹⁴ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». С. 135, 137.

⁴¹⁵ Там же. С. 142.

⁴¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 357, 358, 378, 380, 382.

вопросы. Таким образом, выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают...»⁴¹⁷

Его поддержал Смидович: «И я думаю, что перспектива намечается совершенно иная, чем это рисуется в резолюции... Влияние и роль Совета рабочих депутатов ослабнет, власть к нему не перейдет... Возможно, что нам придется идти совсем другим путем... Созыв Учредительного собрания произойдет раньше и предупредит захват власти Советами. Поэтому нам необходимо готовить массы к Учредительному собранию».

Та же Костеловская ответила ему: «Наши товарищи воспитаны совершенно на ином, к чему их призывает жизнь. Они готовятся к демократической республике и готовятся к борьбе избирательных списков. Жизнь шагнула дальше, и мы уже перемахнули через демократическую республику. Пришла живая, реальная жизнь, и старые навыки губят дело, во главе которого они (товарищи) становятся»⁴¹⁸.

Эту новую, реальную жизнь обрисовали выступления делегатов с мест. «В Кронштадте, – заявил Артем Любович, – вся власть, административная и оборонная, фактически в руках Совета р. и с. депутатов – и это не приводит ко вреду, а только на пользу... Верхи (Петроград) нам портят дело»⁴¹⁹. О том же говорил делегат Е. И. Бумажный: «Вся власть в Орехово-Зуеве в руках рабочих... Крестьяне идут рука об руку с рабочими... Питерский Совет идет в хвосте, а провинция его перещеголяла, потому что соотношение сил там благоприятное»⁴²⁰.

Ту же мысль высказал Василий Кураев: «Провинция во многих отношениях ушла дальше Петрограда. Здесь в Петрограде стоит вопрос: брать или не брать власть, а в провинции она уже взята. В Пензенском уездном Совете р. и с. депутатов преобладают большевики, и мы диктуем свою волю. Правительство не управляет и не может управлять Пензенской губернией»⁴²¹. Аналогичную картину нарисовали делегаты от Урала, Центрального промышленного района, Юга, то есть крупнейших пролетарских регионов, где «Советы инстинктивно идут за большевиками». Конечно, в этих сообщениях присутствовал и элемент увлечения. И когда один из делегатов заявил, что Советы в Томске и Донбассе уже «представляют зачатки коммунистической жизни», Ногин иронически заметил: «Я согласен, что на местах идет дальше развитие революции... Я против той постановки, что мы уже сейчас творим социализм... Можно творить жизнь, но можно и творить... легенды... Нам не надо легендарных убеждений»⁴²².

Из выступлений делегатов картина складывалась довольно пестрая. О слабости Киевского и ряда других крупных советов, которые «идут на поводу у буржуазных элементов», говорил, например, украинский делегат М. М. Майоров⁴²³. О том же рассказал один из руководителей I съезда безземельных крестьян Латвии, делегат-фронтвик П. И. Эйланд. «Так как у нас революция пришла сверху, – заявил он, – это служило причиной того, что она у нас поверхностна». Что касается Советов, «это дитя революции, это переходные организации и мы не знаем, во что они превратятся, – превратятся ли в партийные организации или в определенные организации самоуправления. Но пока они – самые авторитетные организации. И они должны взять в России судьбу государства в свои руки...»⁴²⁴.

⁴¹⁷ См.: «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 102–103.

⁴¹⁸ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». С. 90, 143.

⁴¹⁹ Там же. С. 135, 136.

⁴²⁰ Там же. С. 134.

⁴²¹ Там же. С. 132.

⁴²² Там же. С. 147.

⁴²³ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». С. 141.

⁴²⁴ Там же. С. 143, 144.

Но при всей пестроте общероссийской картины, резолюция конференции определила две тенденции в развитии Советов. Первая, проявлявшаяся в столицах и больших городах, где «резче наблюдается политика соглашательства с буржуазией, политика, нередко тормозящая революционный почин масс и ослабляющая их самостоятельность». Вторая – характерная для провинциальных регионов, где «революция идет вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в Советах, самочинного устранения старых властей», то есть уже осуществляя на деле *единовластие* Советов⁴²⁵.

Первая тенденция отражала стремление буржуазии перевести взаимоотношения с Советами из взаимной конфронтации в сотрудничество, при котором Советы будут интегрированы в систему буржуазной власти. В этом случае у них нет никакой перспективы, ибо их роль будет сведена к нулю и они либо развалятся сами, либо будут разогнаны. Вторая тенденция открывала для Советов возможность создать по всей стране самостоятельную структуру власти, противостоящей Временному правительству и его органам управления. Таким образом, у Советов, заключал Ленин, «есть только два пути: вперед к решительным экономическим и политическим мероприятиям или назад – к небытию. Третьего не дано»⁴²⁶.

Ленина в данном вопросе поддержал Зиновьев: «Нам говорят, что Советы, может быть, отомрут. Да, может быть. Если нам не удастся осуществить то, что мы задумали, если в них будет действительно осуществляться политика Церетели и Чхеидзе, то в таком случае очень возможно, что Советы отомрут и что Милюков и Гучков сумеют расправиться с ними... Мы должны попытаться и сделать все возможное, чтобы повернуть Советы на другие рельсы, чтобы они взяли власть в свои руки, создали свою республику...»⁴²⁷.

Исходя из этого, конференция в резолюциях «О Советах рабочих и солдатских депутатов», «Об отношении к Временному правительству» поставила перед партией три задачи: 1) увеличение числа Советов по всей стране; 2) сплочение внутри Советов всех подлинно революционных элементов вокруг большевиков; 3) укрепление реальной силы Советов путем развития на местах самочинных действий, направленных к смещению контрреволюционных властей, к осуществлению свобод, к проведению мероприятий экономического характера. «Двигать революцию вперед, – пояснял Ленин, – значит осуществлять самочинно самоуправление...» Да, «мы должны быть централистами, но есть моменты, когда эта задача передвигается на места, мы должны допускать максимум инициативы на местах»⁴²⁸.

Проведение данного решения в жизнь открывало перед страной перспективу создания «государства небуржуазного», способного сделать первые шаги для постепенного перехода к социализму. Необходимости борьбы за такой переход никто из делегатов не отрицал. «Здесь нет никого, – говорил тот же Каменев, – кого можно было бы отклонить от этого курса... Но если мне предлагают сделать этот путь к социалистической революции на аэроплане, то я откажусь, потому что в таком случае я приеду один, а я хочу прийти к ней с массами». Его поддержал Алексей Иванович Рыков: «Все мы стремимся... к социалистическому строю». Но сейчас «рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно», ибо партия рискует превратиться в «пропагандистскую кучку»⁴²⁹.

Ленину пришлось вновь терпеливо разъяснять, что ни о каком немедленном «введении» социализма нет и речи, что государственное регулирование производства и распределения, контроль над банками и синдикатами, национализация земли сами по себе еще никакого

⁴²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 382, 385.

⁴²⁶ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 259, 260; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 360.

⁴²⁷ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 104–105.

⁴²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 249.

⁴²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 356, 357; «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 106–110.

социализма не означают, что подобные суждения – дань предрассудкам и старым представлениям и о капитализме, и о социализме. «Мы должны, – говорил Ленин, – ставить теперь вопрос о социализме иначе, чем он ставился, из области туманного мы должны перенести его в конкретнейшую область...»⁴³⁰.

Да, было время, когда капиталистическое хозяйство рисовалось как некое царство хаоса, порожденного свободной конкуренцией. Тогда идея планомерности экономического развития связывалась исключительно с социализмом. Но с появлением трестов, монополий – и на это обращал внимание еще Энгельс – такая точка зрения стала архаизмом. Ибо функционирование трестов предполагает и регулирование производства, и его планомерность. Точно так же постановка под контроль общенационального банка и промышленных синдикатов не выходят за пределы буржуазного строя. И практическая польза, выгодность для народа подобных мер, позволяющих, например, влиять на уровень цен или получать на льготных условиях ссуды для ведения хозяйства, вполне может быть разъяснена каждому рабочему и крестьянину⁴³¹.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг национализации земли. Специальный доклад по аграрному вопросу, обосновывавший данное требование, сделал Ленин. Его оппонент – Н. С. Ангарский воспринял национализацию как меру сугубо социалистическую, вполне приемлемую в будущем. Но в настоящих условиях, говорил он, это скорее «категория идеологическая, а не материальная», ибо «идеи национализации в крестьянстве нет». Наоборот, – «нет большего собственника, чем крестьянин»⁴³².

То, что крестьянин является собственником, отвечал ему Ленин, в этой общей истине сомнений нет. Но необходимо понять, что реально стоит за всеобщим требованием крестьянства о «божией земле». Когда крестьянин говорит, что земля должна «принадлежать богу» – это прежде всего означает, что она не может быть собственностью помещика. Но не только это. Помещичьи бурмистры, столыпинские чиновники запутали старыми полукрепостническими связями, создали невероятную чересполосицу и в крестьянском землевладении. Поэтому каждый крестьянин понимает: «Жить по-старому нельзя... все старое землевладение долой». И это желание крестьянина-собственника самостоятельно хозяйствовать на земле, разгороженной по-новому, разгороженной без помещиков, и не чиновниками, а им самим, как раз и составляет «материальную основу стремлений к национализации земли»⁴³³.

С подобной оценкой экономических мер, предлагаемых Лениным, большинство соглашалось. Но некоторые на этом и останавливались. Например, Багдатов так и заявил: «Я думаю, что т. Ленин слишком рано отказался от старой большевистской точки зрения. Мы всегда думали, что национализация земли, банков, железных дорог не выходит за пределы капитализма, не приведет нас к социалистическому строю... В том-то и дело, что у нас на очереди еще продолжение буржуазной революции». И Ленин опять разъясняет одну из центральных идей нового подхода к социализму, подхода, порожденного новой эпохой и особыми условиями русской революции. Да, все предлагаемые меры «экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически *могут* встретить поддержку подавляющего большинства...» Да, это еще не социализм, «но осуществление таких мер в связи с существованием Советов Р. и С.Д. сделает то, что Россия одной ногой станет в социализм...». Потому, что эти меры будут проводиться в жизнь не буржуазным

⁴³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 446.

⁴³¹ См. там же. С. 302, 355, 357, 444.

⁴³² См.: «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 191.

⁴³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 424.

правительством в интересах капитала, а рабоче-крестьянской властью, т. е. для народа и руками самого народа⁴³⁴.

Ленин ответил и на еще один старый аргумент против национализации, государственного контроля за производством и распределением: не потребуют ли они «создания гигантского надзирающего аппарата и не превратят ли они тем самым социализм в “массовое чиновничество” и “массовые казармы”»? Такая опасность была бы вполне реальной, если бы речь шла о канцелярско-бюрократических методах проведения реформ. Но поскольку центр тяжести ложится на Советы, – сам «характер этих учреждений гарантирует не полицейско-чиновничье осуществление преобразований, а добровольное участие организованных и вооруженных масс пролетариата и крестьянства в регулировании своего собственного хозяйства»⁴³⁵.

Новый подход к социализму, признание необходимости длительного переходного периода, по иному ставил и вопрос о взаимосвязи между пролетарской борьбой на Западе и революцией в России. Повторяя традиционные представления, Алексей Рыков говорил на конференции, что Россия, в силу ее отсталости, может дать лишь толчок для социалистической революции на Западе. «Инициатива социалистического переворота принадлежит не нам». Но мы должны «сделать так, чтобы дать размах началу». Ленин ответил: «Революцию нельзя ни сделать, ни установить очередь. Заказать революцию нельзя, – революция вырастает... А в какой очереди, в какой момент и с каким успехом, этого мы не знаем». Поэтому сейчас «нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм»⁴³⁶.

Теоретические споры, в которых рождалась новая тактика партии, показали высокий интеллектуальный уровень многих выступавших. Но решающее слово было за практикой. Вот почему Ленин с нетерпением ждал докладов с мест. И его надежды не были обмануты. То, о чем он говорил как о теоретически возможном и желательном, на деле уже становилось жизненной реальностью.

«Начался саботаж заводчиков и фабрикантов в производстве, – рассказывала делегат от Екатеринослава Серафима Гопнер, – началось прекращение работ в разных местах – то нет топлива, то нет сырья... Напуганные тем, что рабочие подняли голову, предприниматели желают закрыть предприятия». Какова реакция рабочих? На некоторых заводах «рабочим пришлось взять в свои руки производство... и самочинно управлять им». Яков Свердлов доложил, что аналогичные процессы происходят и на Урале: «8-часовой рабочий день введен почти повсюду. Контроль над производством осуществляется тоже почти везде». Мало того, существует мнение, что необходимо «в случаях отказа капиталистов вести предприятия – приступить через Советы р. и с. депутатов после опроса рабочих, к захвату»⁴³⁷.

⁴³⁴ См.: «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 77, 78; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 445.

⁴³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 452.

⁴³⁶ См.: «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 107; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 363, 398.

⁴³⁷ См.: «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. С. 124, 125, 138, 139.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.